МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УССУРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРИМОРСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
(общество изучения Амурского края)

VII АРСЕНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения

Уссурийск 1994

kraeved.info

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УССУРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИМОРСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
(ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ)

УII А Р С Е Н Ь Е В С К И Е Ч Т Е Н И Я

Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения.

Уссурийск 1994

Печатается по решению редакционно-издательского совета Уссурийского государственного педагогического института.

Редакционная коллегия: к.и.н.,доцент А.М.Кузнецов (отв. научный редактор), к.и.н., доцент Д.В.Лихарев, к.и.н., доцент Р.Д.Семенова, асс. О.А.Лихарева (отв.секретарь).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник содержит материалы очередной УII конференции "Арсеньевские чтения" по проблемам отечественной, всеобщей истории, археологии, этнографии и краеведения. С начала 80-х гг., когда на историческом факультете Уссурийского государственного педагогического института была проведена I-я конференция, посвящённая памяти В.К.Арсеньева, "Арсеньевские чтения" прошли большой путь. Разнообразие тематики докладов и широкий круг участников конференции 1994 г. наглядно подтверждают своевременность и необходимость такого начинания. Несмотря на выход из рамок региональной проблематики, эта конференция, в первую очередь, остаётся собственно дальневосточным явлением. При этом приходится с сожалением констатировать, что сама личность В.К.Арсеньева и его научное и творческое наследие всё реже получают освещение в работах историков. При том крутом переломе, который переживает историческая наука нашей страны, такое отношение к вобщем-то благополучной судьбе Арсеньева представляется оправданным. Однако хотелось бы, чтобы на конференциях, посвященным памяти Владимира Клавдиевича, чаще вспоминали о нём. Представленные в настоящем сборнике материалы дают достаточно полное представление о современных интересах, тенденциях и направлениях в изучении истории Дальнего Востока и других проблем. При отборе поступивших тезисов Редколлегия руководствовалась стремлением показать существующее сегодня состояние и степень профессионализма в решении поставленных вопросов. Поэтому, отклонив некоторые малоинтересные работы, отдельные их образцы так же включены в данный сборник. В целом материалы сборника предназначены для специалистов-историков, студентов, изучающих историю, краеведов и всем, кто интересуется историей Дальнего Востока.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Авилова И.К., Ситникова Н.А.
Дальневосточный гос.университе

ИЗ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ ВЫХОДЦАМИ ИЗ СОПРЕДЕЛЕННЫХ СТРАН АЗИИ (КИТАЯ И КОРЕИ)

После заключения русско-китайских договоров 50-60-х гг. I9 в. Дальний Восток постепенно стал наиболее активно осваиваемой территорией на востоке России. Факты свидетельствуют, что во 2-й половине I9 - начале 20 вв. осуществлялась внутренняя "славянская" колонизация южных дальневосточных земель выходцами из России и почти параллельно ей шла внешняя "азиатская" колонизация территории выходцами из Китая и Кореи.

В отечественной историографии сложилась традиция рассматривать пребывание корейцев и особенно китайцев на русской земле как временное и определять его понятием "отходничество". Однако факты позволяют говорить о стихийной, "азиатской" колонизации, внутри которой отчетливо выделялись два основных течения: корейское и китайское, и проследить основные ее этапы. Приток "азиатских" мигрантов был неравномерным. Так в I8I9-I860 гг. в Приамурье и Приморье проживало всего 3 тыс. китайцев, большая часть из которых являлась ссыльными, бежавшими из Маньчжурии. Около 900 из них осели на земли, обзавелись хозяйством и семьей, а более 2 тыс. бродили в одиночку по тайге, промышляя сбором женьшеня и т.п. На новых землях они оставались навсегда, так как дома беглых ссыльных ждала смерть за побег.

С I860 г. приток китайского населения резко возрастает, меняется социальный состав прибывающих. Это свободные люди: рабочие, одиночки-промысловики, целые рабочие артели, торговцы. К I88I г. , по данным Ф.М.Соловьева, их насчитывалось I5 228 чел. Одновременно наблюдалось массовое переселение корейцев, максимальная интенсивность которого в этот период пришлась на I869-I872 гг. С I873 г. переселение корейцев замедляется и почти прекращается в отдельные годы, тем не менее к I883 г. - началу развития массовой крестьянской земледельческой колонизации Приамурья и Приморья их насчитывалось 32 298 чел. И с этого времени вплоть до I9I5 г. наблюдался постоянный рост численности корейцев на юге Дальнего Востока России. Максимальные цифры численности корейских мигрантов приходятся на I9I5 г. - 72,6 тыс. чел., - после которого в течение 2-х лет происходил резкий отток корейцев на историческую родину в связи с набором в русскую армию.

Еще более неравномерно шла миграция китайского населения. По данным В.М.Кабузана с I883 по I899 гг. и с I905 по I9I7 гг. наблюдалось чрезвычайно быстрое увеличение числа выходцев из Китая, численность которых составила в I9I7 г. 78 тыс. Она могла быть много больше, но в I900-I905 гг. шел массовый отток китайцев с русских земель в связи с восстанием ихэтуаней в Китае и русско-японской войной. В результате в Амурской области не оставалось ни одного поселения оседлого китайско-подданного населения. Кроме того, как свидетельствуют источники, существовали большие трудности в учете неоседлого китайского населения, в южных дальневосточных землях. В начале 20 в. в регионе имелось более 40% незарегистрированных китайцев, а в таежных местах Ольгинского, Иманского и Суйфунского уездов - до 90%. Анализ цифрового материала показывает, что с I883 г. численность мигрантов из Китая и Кореи стабильно составляла около I/4, а в отдельные периоды до I/3 всего населения Приамурья и Приморья.

Корейская колонизация была однородной; хотя корейцы работали на строительстве железной дороги, в горной и лесодобывающей промышленности, в целом ее можно определить как земледельческую, для которой свойственно переселение целыми семьями, стремление прочно осесть на земли, образование моноэтничных поселений, сохранение своей культуры. Хорошее знание природно-климатических условий, трудолюбие позволяли корейцам вводить в сельскохозяйственный оборот новые порой трудноосваиваемые земли (в частности в Посьетском участке), выращивать большое разнообразие овощных и зерновых культур. Новое воспринималось ими в силу политической и экономической необходимости и носило зачастую поверхностный характер (принятие христианства и т.п.). Корейцы старались не смешиваться с другими жителями, а по мере возможности поддерживать тесные связи с родственниками, оставшимися в Корее. Все это пугало русскую администрацию и порождало миф о

"корейской угрозе". В реальной жизни этот страх приводил к тому, что большая часть корейцев не получила русского гражданства, оставалась иностранными подданными и следовательно не имела права на землю, оставаясь экономически и политически бесправными. Такое положение вынуждало их идти на кабальных условиях в батраки или арендаторы к русским казакам и крестьянам (отдавали до 50% урожая). Кабальные условия найма вынуждали корейцев использовать землю с максимальной интенсивностью, доводя ее часто до истощения. Наличие дешевой и бесправной корейской рабочей силы развращало часть "славянских" переселенцев (большую часть казачества и десятитысячников), которые предпочитали почти всю свою землю сдавать в аренду.

Китайская колонизация была более сложной по своему характеру и отличалась целым рядом особенностей. Хотя китайцы старались жить обособленно в промысловых поселках или отдельных городских кварталах, сохраняя свой язык, одежду, обычаи и т.п., они не стремились создавать больших поселений, а предпочитали хутора, нередко они селились в русских и корейских селах. На новые земли переселялись мужчины, оставляя свои семьи на родине, сохраняя китайское гражданство и подчиняясь в большенстве случаев "китайским законам тайги", а не русской администрации. По сути значительная часть китайских мигрантов вела себя как временные поселенцы и по мере надобности возвращалась на родину, хотя все они рассматривали Приамурские и Приморские земли как территорию Китая. Китайская колонизация в первую очередь ориентировалась на эксплуатацию недр и таежных богатств. Охотники, промысловики, сборщики женьшеня, которые свободно передвигались по всей территории, составляли самую многочисленную и трудноучитываемую группу китайского населения на русском Дальнем Востоке. Они буквально вычищали Уссурийскую тайгу, зачастую хищнически истребляя флору и фауну. Во-вторых, китайцы составляли значительную часть сезонных и постоянных рабочих как на казенных, так и на частных предприятиях, труд которых был дешев и использовался на тяжелой и грязной работе. Особенно много их было в распоряжении Ведомства военного строительства, Управления железной дороги, в горнорудной промышленности. В-третьих, китайцы обеспечивали обслуживание городских жителей. В их руках находилось все прачечное дело, доставка воды, гужевой промысел, до 90% мелкой и розничной торговли в городах и вся торговля на селе. Уступая русской торговле по объему торгового оборота, китайская торговля занимала ведущее место по числу торговых предприятий и по площади охвата территории торговым обслуживанием; зачастую китайские торговцы не платили никаких государственных налогов. Китайцы составляли 95% прислуги во Владивостокской крепости. Хорошо развитое огородничество китайцев было ориентировано на городской рынок, куда они поставляли свежие, относительно дешевые овощи и зелень. Незначительную группу составляли оседлые китайцы-земледельцы, которые возделывали пшеницу, ячмень, гаолян, просо, чумизу, кукурузу. Часто они арендовали земли у русских казаков и десятитысячников. Широко практиковали китайцы выращивание опиумного мака, основным поставщиком которого в начале 20 в. стал Ольгинский уезд, где в 1911 г. посевы мака занимали 690 десятин земли. Изготовление наркотика и его распространение по территории юга Дальнего Востока и на сопредельные территории азиатских государств также находилось в руках китайцев. Только за один 1897 г. вывоз опиума из Приморской области в Китай составил по неполным данным примерно 200 пудов.

Таким образом во 2-й половине 19 начале 20 вв. наряду с внутренней осуществлялась внешняя "азиатская" колонизация южных дальневосточных земель России. Это было достаточно массовое и сложное явление, в котором тесно переплелись положительные и отрицательные моменты.

А.Р.Артемьев, А.В.Кудрин,
А.В.Лобанов
Институт истории ДВО РАН.

АЛБАЗИНСКИЙ СПАССКИЙ МОНАСТЫРЬ 1671-1685 ГГ.

Спасский монастырь был основан иеромонахом Гермогеном в 1671 г. в 5 км выше Албазина по течению Амура вблизи устья р.Улдугичи в урочище Брусяной Камень. Как известно, Гермоген приехал на Амур, а по некоторым данным приведен силой, вместе с отрядом из 84 казаков во главе с Н.Р.Черниговским. Эти казаки убили на Лене в устье р.Киренги издевавшегося над ними илимского воеводу Л.А.Обухова и бежали от наказания на Амур, где в 1665-1666 гг.

возвели Албазинский острог.

Монастырь был основан на средства казаков, которые "...на всякую работу ...давали хлеба и работников"; а частично на мирские подаяния - "ходя по миру с иконою". В монастыре было всего четыре монаха, которые зарабатывали себе на пропитание тем, что мололи албазинцам на двух монастырских мельницах зерно. Излишки полученной за помол муки монахи продавали, причем, иногда даже в находящийся в 600 км от Албазина административный центр воеводства - Нерчинск. Сохранилось известие 1676 г. о том, как нерчинский воевода П.Шульгин "напився пьян" и силой отнял у приехавшего в Нерчинск настоятеля монастыря отца Гермогена 25 пудов пшеничной муки и коня. Возле монастыря возникла и разросталась основанная пашенными крестьянами Монастырская слобода.

В июне 1685 г. во время осады Албазинского острога маньчжурами Спасский монастырь и слобода были сожжены. После падения крепости Гермогена вместе с другими албазинцами отправился в Нерчинск, а оттуда вернулся в построенный им еще в 1663 г. Усть-Киренский Троицкий монастырь, где и умер.

Осмотр предполагаемого месторасположения Спасского монастыря производился в начале 60-х годов А.Н.Дорохиной, а в 1974 г. В.В.Сухих. Летом 1993 г. рекогносцировочные работы в урочище Брусяной Камень были проведены Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. В ходе работ были зафиксированы западины от 35 построек, несомненно являющиеся следами Монастырской слободы, а не монастыря, как считалось ранее. Возможно, что вычленить среди построек собственно монастырские позволят начатые там археологические исследования.

Б.И.Мухачев
Институт истории ДВО РАН

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ В.Г.БОЛДЫРЕВ И ЕГО КНИГА "ДИРЕКТОРИЯ. КОЛЧАК. ИНТЕРВЕНТЫ"

Последнее время повысился интерес к мемуарам деятелей бе-

логвардейского лагеря. Хотя в них и преобладает негативная оценка Советской власти, но в распоряжении мемуаристов уникальные свидетельства, масса документов, часто не сохранившихся в архивах, интересные наблюдения и соображения о характере гражданской войны, ее особенностях. Как отмечает член-кор. РАН Ю.Я.Поляков, эти мемуары помогают объективно отобразить всестороннюю картину сложных, противоречивых этапов, важные штрихи в истории гражданской войны и интервенции в России.

В первые годы Советской власти это хорошо понимали и издавали много мемуаров и документов из белого лагеря. Такой интерес был проявлен и к рукописи дневников и воспоминаний генерала В.Г. Болдырева за 1918-1922 гг., которая была издана в Новониколевске (Новосибирске) в 1925 г. К сожалению, нет этого интереса у издательств к книге Болдырева сейчас. Дальиздат провел большую работу по подготовке ее к переизданию. Книга уже была набрана, но в последний момент ложно понятый коммерческий интерес заставил рассыпать набор.

В.Г.Болдырев был главнокомандующим войск уфимской Директории, претендовавшей на всероссийскую власть, затем - войск Омского правительства до прихода к власти Колчака, в 1920 г. - войск Приморского революционно-демократического правительства, в 1921-1922 гг. сотрудничал с правительством С.Д.Меркулова и только к концу гражданской войны решил соединить свою судьбу с Советской властью. Редактор книги В.Д.Вегман хорошо прокомментировал деятельность В.Г.Болдырева и в Сибири, лаконичнее - в Японии, куда генерал уехал от Колчака и не совсем удовлетворительно - во Владивостоке со многими неточностями. В сообщении основное внимание уделяется владивостокскому периоду, который в жизни Болдырева был решающим, определившим его дальнейший путь. Над Вегманом, кроме того, как и над другими историками советского времени довлел узко понятый классовый принцип. "Огороженный классовый признак, -писал В.Г.Болдырев, - делил всех на "мы" и "они". "Они" - это только враги".

Одной из положительных сторон книги является то, что автор показывает события через судьбы людей. Перед читателями проходит целая галлерея портретов политических и военных деятелей тех лет: красных и белых, большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов. Это помогает лучше понять роль политико-психологического факто-

ра в происходящих событиях во всей его противоречивости. И прежде всего понять роль главного героя этой книги - ее автора.

В.Д.Вегман правильно отмечает противоречия в поведении Болдырева: ему дорога Родина и в то же время возлагает большие надежды на помощь интервентов, особенно японских. Большевизм он не приемлет в принципе, хотя и отмечает положительные моменты в деятельности многих большевистских руководителей. Выходец из крестьянской семьи, он и при царизме достиг больших вершин (генералитета), и при Временном правительстве высоко ценился. Октябрьская революция устранила его, не желавшего ее понять, с ее дороги.

Надежды на помощь интервентов недолго тешат его воображение. Он отмечает небескорыстность этой "помощи", захватнические тенденции с их стороны, особенно со стороны Японии, видит, что союзники поддерживают продолжение интервенции, надеясь, что Япония поглубже завязнет в своей авантюре на Дальнем Востоке. В то же время Болдырев фиксирует факты, когда США одергивают Японию, когда она слишком увлекалась экспансией.

Во Владивостоке Болдырев с удовлетворением встретил свержение колчаковской власти. Пришедшая ей на смену власть Приморской земской управы - революционно-демократического, "розового", коалиционного правительства его устраивает. Генерал начинает активно участвовать в политической жизни. Он - председатель русско-японской согласительной комиссии, в которой решаются спорные вопросы между интервентами и местной властью. С Болдыревым японцы считаются; он все делает, чтобы не дать повода для усиления интервенции . Болдырев осуждает курс коммунистов на восстановление советской власти, считая это поводом для выступления японцев 4-5 апреля 1920 г. Он принимает предложение коммунистов стать главкомом революционных войск. В русско-японской комиссии 29 апреля 1920 г. с его участием подписывается "похабное" соглашение с японцами, которое генерал называл "Дальневосточным Брестом". В условиях полуоккупационного положения он делает максимум возможного, чтобы отстоять Сибирскую военную флотилию, которую интервенты стремились ликвидировать, отстоять идею владивостокской крепости.

Интересна мысль автора книги об одной из причин вывода японских войск из Амурской области, к которой он относит действия

партизан Тряпицына в низовьях Амура. Закрепление в низовьях Амура и на Северном Сахалине японское командование считало стратегически более важной задачей.

В конце 1920 г. у Болдырева произошла "размолвка" с коммунистами из-за отсутствия взаимопонимания по вопросу об отношении к каппелевским и семеновским войскам, скопившимся на китайской границе у Гродеково, бежавших под натиском НРА из Забайкалья. Он был за пропуск их в Приморье: мол, это "русские люди", и мы не можем им, находящимся в очень тяжелом положении, отказать в разрешении пройти на русскую территорию. Революционная часть Приморского правительства и Народного собрания считала, что это усилит контрреволюцию в Приморье и будет возможен переворот.

Представители правительства ДВР приглашали Болдырева на военную службу в НРА, но он отказался, не считая буферную республику настоящим демократическим государством. Оставшись во Владивостоке, после меркуловского переворота сотрудничал с правительством С.Д.Меркулова: был председателем Народного собрания, председателем русско-японской согласительной комиссии. Но большого энтузиазма эта работа у него не вызывала, потому что он помнил, что Россия не здесь, а там, где ДВР и РСФСР. Летом 1922 г. он просится в ДВР, его приглашают, но по каким-то причинам он остался во Владивостоке.

После освобождения Владивостока НРА Болдырева арестовали и отправили в Новониколаевск, где он был освобожден по амнистии ВЦИК и привлечен на работу в Сибкрайплан.

В дальнейшей судьбе бывшего генерала большое место занял начальник Сибирского архивного управления, журналист и историк, старый большевик В.Д.Вегман, подготовивший к изданию его книгу. Большевистское редактирование рукописи книги Болдырева, по-видимому, наложило на нее свой отпечаток, но оригинала рукописи пока не обнаружено, чтобы сравнить тексты.

Зная, что Болдырев находится на спецучете в ОГПУ, в конце 20-х годов Вегман обращается в этот орган с просьбой о снятии генерала с учета, ручаясь в его политической лояльности. Затем Болдырев куда-то исчезает, а Вегман, обвиненный в связях с троцкистами, в 1938 г. покончил жизнь самоубийством.

Но осталась книга Болдырева – важный исторический источник, который поможет объективному освещению происходивших в те годы событий.

Л.И.Галлямова
Институт истории ДВО РАН

ПРИМОРСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Формирование пролетарского контингента в Приморье (имеется ввиду Приморский край в современных его границах) происходило в ходе заселения и освоения этого региона, в связи с чем миграционные процессы имели решающее значение для удовлетворения экономических потребностей в наемной рабочей силе. Государство поощряло в первую очередь крестьянское переселение и земледельческое освоение дальневосточной окраины, транспортно-промышленное освоение Приморья надолго и почти целиком было предоставлено частной инициативе. Переселение ремесленников, кустарей, мещан, рабочих и т.д. являлось сугубо личным делом. Именно поэтому промышленная колонизация отставала от темпов сельскохозяйственного освоения, а численность неземледельческого населения, и наемных рабочих, в частности, росла медленнее, чем численность крестьянства и казачества. В целом острый дефицит свободных рабочих рук на рынке труда был характерен для всей второй половины XIX в.

Важным этапом в формировании приморского рынка труда стало строительство Уссурийской железной дороги, для успешного осуществления которого государство вынуждено было вплотную заняться "рабочим" вопросом, решая его различными методами, как принудительными (привлечение солдат и ссыльнокаторжан), так и экономическими (контрактование чернорабочих и специалистов в России, привлечение иностранных рабочих). Кроме того, оживление деловой активности в целом также сказалось на состоянии рынка труда в Приморье, повысив заинтересованность предпринимателей в рабо-

чих руках... Если к I890 г. наемных рабочих в Приморье насчитывалось приблизительно 6,8 - 7 тыс., то в I900-I90I гг. их количество возросло до 35-36 тыс., причем в летнее время оно увеличивалось как минимум вдвое (в частности, в I898-I902 гг. только на устройстве коммерческого порта во Владивостоке работало более 50 тыс. чел.).

В начале XX в. несмотря на экономический кризис и военно-политические потрясения (русско-японская война и грянувшая вслед за ней революция), вызвавшие некоторый отток рабочих с Дальнего Востока, численность рабочих продолжала расти. Новое крупное расширение рынка труда было связано с осуществлением казенных проектов по расширению и благоустройству военного порта и крепостных сооружений во Владивостоке, железнодорожное строительство, новый экономический подъем, начавшийся с I908 г. и т.д. Накануне первой мировой войны численность рабочих в Южно-Уссурийском крае достигла примерно 73-74 тыс., которые по отраслям экономики распределялись следующим образом: промышленность (обрабатывающая и горнодобывающая) - I5-I6 тыс., транспорт (железнодорожный, водный, гужевой) - I5 тыс., связь - 0,6 тыс., строительство и ремонтные работы - 5 тыс., лесоводство и лесозаготовка - II-I2 тыс., рыболовство и морские промыслы - 3 тыс., торговля и сфера обслуживания - I4-I6 тыс., сельское хозяйство 8 тыс. В теплое время года резко возрастало количество сезонников, особенно в таких сферах как строительство (в I908-I9I0 гг. только на казенных стройках Владивостока было занято до I00 тыс. и более человек), транспорт, торговля, сельское хозяйство.

В конце XIX - начале XX в. основная масса сезонников прибывала из Китая и Кореи, их численность определялась десятками тысяч. Это побудило правительство России начать борьбу за вытеснение "желтых" рабочих с дальневосточного рынка труда. Принятые меры (запрещение использование труда иностранных подданных на казенных работах и ограничение труда иностранцев - на частных, введение льготного тарифа для проезда отечественных рабочих на Дальний Восток и т.д.) привели к снижению удельного веса иностранных ("желтых") рабочих; в частности, в I903 г. их доля в составе приморских рабочих была более половины - 5I%, в I9II г. - 33%, а в I9I3 г. упала до II% (однако в годы первой мировой вой-

ны снова возросла, достигнув, например в 1915 г. уже 33%). В целом же "пришлые" рабочие составляли в крае громадное большинство, удельный вес местных жителей не превышал 15-17%. Поскольку основная масса отечественных отходников прибывала из великорусских губерний, в национальном составе российско-подданных рабочих русских было значительное большинство (также как и православных - по вероисповеданию), но были и поляки, и армяне, и татары и т.д.

Подавляющее большинство рабочих принадлежало к крестьянскому сословию, многие из них еще не порвали связь с землей. Доля других сословий - казаков, ремесленников, купцов и т.д. - не превышала 15%. Многие свою работу по найму считали занятием временным (так же как и свое пребывание в Приморье). Поэтому профессиональная подготовка у большинства рабочих была слабой или совсем отсутствовала. Самыми распространенными были профессии: чернорабочий (до 50%) землекопы, а также каменщики, плотники, печники, маляры; довольно много было таких специалистов как кузнецы, слесари, столяры, кирпичники. Очень низким был удельный вес квалифицированных рабочих: литейщиков, модельщиков, медников, котельщиков, клепальщиков и т.д.; но еще реже встречались такие специалисты как электромонтеры, машинисты, шофера и пр. Профессиональный состав рабочих наглядно отражал особенности формирующейся экономики Южно-Уссурийского края с ее немногочисленным фабрично-заводским сектором и высоким спросом на грубый и простой физический труд. Это отражал и поло-возрастной состав рабочих: преобладание мужчин в возрасте от 17 до 40 лет (84-85%) и незначительное число женщин (4-6%). Семейный статус большинства - холостые (до 80%); даже на крупных фабрично-заводских предприятиях и на транспорте, где был стравнительно высоким удельный вес местных рабочих, доля семейных не превышала половины. По уровню грамотности - 36,2% - рабочие несколько превышали средний уровень грамотности населения края - 24,7% (по данным переписи 1897 г.).

В целом, основные характеристики рисуют приморский пролетариат как категорию социально-переходную, не обретшую еще нового общественного статуса и ощущавшую свое положение как временное, преходящее. Это состояние временности пропитывало все существование рабочих, проявляясь во всем: в правовом, политическом, экономическом, социально-бытовом и т.д. положении пролетариата. Рабочее законодательство в России, отставшее от потребностей общества, с большой задержкой распространялось на окраины; слабая регламентированность взаимоотношений между рабочими и работодателями провоцировала произвол и постоянные конфликты; социальные гарантии для рабочих (в частности, пенсии для потерявших трудоспособность, и т.д.) стали вводиться только после первой русской революции. Надзор за соблюдением действовавших законов был очень слабым, что снижало правовую защищенность трудящихся. Политические права рабочие и крестьяне получили в России в ходе революции 1905-1907 гг., но в очень урезанном виде. Экономическое положение отличалось нестабильностью как из-за низких заработков (слой хорошо оплачиваемых квалифицированных рабочих был слишком тонок, а характерная для края дороговизна "съедала львиную долю заработка), так и из-за отсутствия постоянной работы: лишь треть рабочих были обеспечены работой круглый год, примерно 60% были заняты от 5 до 7 мес. в году. Временный характер большинства работ не располагал к благоустройству жилья и быта, санитарные нормы проживания и питания никак не соблюдались, так же как и техника безопасности труда, что вызывало повышенную заболеваемость и травматизм. Рабочий день длился 11-12 час. у подавляющего большинства рабочих. Все это способствовало накоплению нервной и физической усталости, росту озлобленности и агрессивности, превращая пролетариат в самый "конфликтый" слой общества.

Неудовлетворенность рабочих своим положением выражалась в различных формах: жалобах, побегах, в пьянстве, "буйстве", в стихийных волнениях и, что гораздо реже - в осознанных коллективных действиях: организации стачек, профессиональных союзов, рабочих кооперативов, потребительских обществ и т.д. Перманентное недовольство своим положением и существующим положением вещей делало из рабочих благодарную для восприятия революционных идей крайнего толка среду, взрывоопасный социальный слой, который можно было вдохновить на разрушение существующего общественного порядка и заставить поверить в легкость построения нового, более справедливого мира.

Гнатовская Е.Н.
Уссурийский гос.пединститут

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНТЕРВЕНЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Политическое сознание железнодорожников, их политическая ориентация за пять лет социальных потрясений, революций, гражданской войны и интервенции, красного и белого террора претерпели значительные изменения.

Можно выделить несколько периодов эволюции политических настроений железнодорожников.

I. С начала 1917 - до весны 1918 года.

Политическое сознание железнодорожников в это период прошло путь от поддержки февральской революции и Временного правительства до борьбы с ним за улучшение своего экономического и правового положения. Тенденция поведения железнодорожников к осени 1917 г. проявилась в сочувственном отношении к Октябрьскому перевороту. Однако до начала 1918 г. профсоюзы железнодорожников оставались за пределами большевиков и Советов. Только к весне 1918 г. наметилась большевизация профсоюзов и Советов.

Вплоть до весны 1918 г. в политическом сознании железнодорожников сохранялась демократическая идея Учредительного собрания, так как железнодорожники считали, что существующие Советы не удовлетворяют требованиям прямого и пропорционального представительства и потому должны быть переизбраны. В декабре - марте 1918 г. дорожные комитеты были еще многопартийными по своему составу, однако в условиях надвигающейся контрреволюции, саботажа чиновничества с одной стороны, и давления большевистской диктатуры - представители партий были вынуждены выйти из состава выборных дорожных органов. Так, подавляя недовольство старого дорожного комитета и недоверие рядовых железнодорожников, большевистский главный дорожный комитет Амурской железной дороги установили диктатуру с целью "очищения линии от контрреволюционеров и саботажников".

2. Весна - лето 1918 г. - конец 1918 г.

Этот этап проходил под лозунгом "Все на защиту Советской власти", которая воспринималась как рабоче-крестьянская, народная власть. Подъем революционной активности железнодорожников, революционный энтузиазм; участие в составе отрядов Красной гвардии в разгроме банд Семенова и Колчака. Летом 1918 г. вся полнота власти на железных дорогах переходит в ведение особых военно-революционных железнодорожных комитетов. К концу лета 1918 г. активная организаторская деятельность большевиков, Советов и рабочих организаций привела к крупным победам Красной гвардии, и только вмешательство интервентов привело к установлению контрреволюционных режимов. Подавляющее большинство железнодорожников отрицательно отнеслись к чехословацкому мятежу, а объявленная белогвардейцами мобилизация также успеха среди железнодорожников не имела. В профсоюзах к осени 1918 г. власть вновь перешла к меньшевикам и эсерам, но это не помешало старой администрации, вернувшейся к управлению дорогами закрыть профсоюзы. Источники свидетельствуют о травле бывших членов дорожных комитетов - большевиков. Отмена рабочего законодательства, запрет профсоюзов, ужесточение режима вызвали забастовочные настроения на Уссурийской и Амурской железных дорогах. В ответ - нарастает волна репрессий: увольнения рабочих, причастных к большевистским организациям, за участие в забастовке. Так в течение октября - декабря 1918 г. на Уссурийской дороге было уволено 283 человека. В период разгула репрессий в ноябре 1918 г. в печати появились сообщения о забастовках на ряде станций Амурской железной дороги. Рабочие, в частности требовали отменить сдельную оплату и вернуться к установленной Советской властью ежемесячной оплате труда.

3. 1919 - 1920 гг.

Интервенция, военная охрана и регулирование интервентами движения на дорогах. На эти годы приходится пик забастовочной и партизанской борьбы, сопротивления интервенции. Ужесточение административного режима на дорогах, дисциплинарные суды, увольнения железнодорожников.

Террор белогвардейцев, расстрелы руководителей рабочих организаций, конфискация средств профсоюзов, их дела передавались в контрразведку. Обострение противоборства сторон выражалось

в ужесточении требований к железнодорожникам. Так и белые, и красные - грозили террором в случае невыполнения их требований. с одной стороны - запрет самовольно оставлять работу, виновных в нарушении его ожидало тюремное заключение до 3 месяцев; с другой стороны - требование подпольных большевистских органов немедленно прекратить работу, невыполнение приказа расценивалось как измена революции и наказывалось по законам военного времени.

Вместе с тем , к концу 1929 г. значительно ухудшилась экономическая ситуация, материальное положение железнодорожников и их семей. Назревал продовольственный и топливный кризис.

4. К 1921-1922 годам транспорт подошел к кризисному состоянию. В настроениях железнодорожников сказывается усталость от постоянной борьбы, обнищание, деморализация и элементы деклассирования. По свидетельству источников, рабочие просто разбегались в поисках хлеба. Харктерным была политическая апатия, неверие ни правым, ни левым. Недоверие к дорожным комитетам, состоящим из одних коммунистов; усиление влияния меньшевиков и эсеров, пропагандировавших идею беспартийности профсоюзов. Ячейки создаваемые на дорогах по мере их освобождения от интервентов и белогвардейцев существовали формально. Изолированность ячеек, их слабая политическая информированность определяли их бездеятельность. Отношение же основной массы железнодорожников к коммунистам было крайне отрицательным, отмечались даже случаи покушений на членов РКП(б).

Таким образом, к концу 1921-1922 гг. стало очевидным сужение социальной базы Советской власти. Часть рабочих ушла в деревню, часть - уничтожена физически, лучшие элементы рабочего класса поглощены административным аппаратом. Профсоюзы железнодорожников утратили свой демократизм, их место занял отлаженный (централизованный механизм неограниченной власти коммунистической партии и административного аппарата, потенциально готовых действовать как машина подавления.

Дацышен В.Г.
Красноярский гос.пединститут

КИТАЙЦЫ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ В ПРИМОРЬЕ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В советской историографии господствовало мнение об отсутствии китайского земледелия на территории Российского Дальнего Востока. Однако оно было неверным и поддерживалось, очевидно, из политических соображений.

К 1860 году на территории Приморья, отошедшего к России, существовало ограниченное земледелие китайцев и окитаенного местного населения. С приходом русских, китайцы потеряли права на землю, но большая часть их осталась на своих местах, но уже в качестве арендаторов у новых хозяев - русских крестьян. Это касается, главным образом, района села Никольского. Часть китайцев покинула обработанные земли и переселилась на целину, далее на юго-восток. Кроме того, на протяжении всей 2-й половины XIX века продолжалось переселение китайцев-земледельцев на целинные земли. Но с появлением русских переселенцев, там повторялось то же: часть китайцев изгонялось силой, остальные смирившись оставались на своих землях в качестве арендаторов. В Никольском русские заняли землю в конце 60-х годов, в Шкотово в 1878 г., на Сучанском и Ольгинском участках весной 1900 года.

Как правило, китайцы платили за арендованную землю половину урожая. Это было выгодно казакам и крестьянам, получавших участки достаточные для нескольких арендаторов, а урожайность зерновых у китайцев была в несколько раз выше, чем у русских. Очевидно, это было приемлимым и для китайцев, так как они не бросали земель. Например, когда с 1880 года власти соседней провинции Цзилинь начали заселять приграничные с Россией районы китайскими крестьянами, то они в первую очередь пытались привлечь туда соотечественников из России. Однако, несмотря на обещания и угрозы большая часть китайцев осталась жить в Приморье. Начальник округа Нингута объяснил это в своем докладе в Пекин препятствием со стороны русских, не дававших перевозить через границу дома и скот. Россия же не проводила политики привлечения китайцев-земледельцев, однако численность их продолжала расти.

Китаец-земледелец в Приморье во 2-й половине XIX века оставался как-бы "в тени". Его "не видно" было по нескольким причинам. В глаза бросались толпы кули, прибывавших на заработки. Ходили легенды о китайцах-промысловиках в Уссурийской тайге. Наиболее одиозной и противоречивой фигурой всегда был китайский торговец. Земледельца же, проводившего весь день в поле просто не замечали. Проигрывал китаец-крестьянин и в сравнении с корейцем. Проживавшие компактно на юге, принявшие православие и русское подданство, платившие хорошие налоги и дававшие значительную часть сельхозпродукции Приморья, корейцы стали образцовыми подданными "Белого царя". Китайцы не поддавались никакому русскому влиянию, жили сами по себе. В течение полувека они не стали россиянами, хотя и было секретное предписание считать их русскими. К концу XIX века лишь несколько десятков человек подали прошение о принятии их в русское подданство, из которых лишь немногие были удовлетворены.

Однако, наличие китайцев-земледельцев в Приморье все же вызвало ряд проблем. Русские власти отмечали и пытались решать в основном две из них. Во-первых, нахождение на русской земле совершенно чуждого по культуре, быту элемента, но акцент делался на антисанитарии и неподконтрольности русской власти. Китайские крестьяне находились под влиянием местного самоуправления, хунхузов и чиновников из соседних районов Китая. Вторая проблема - это конкуренция китайского труда. Отмечалось, что русские крестьяне, имеющие возможность жить за счет китайцев, спиваются и деградируют. Действительно, в конце XIX века во многих селах до четверти крестьян всю свою землю сдавали в аренду, а большая часть русских сдавали часть земли китайцами. В Никольском лишь 11% крестьян обрабатывали всю свою землю своим трудом. Таким образом, китайское земледелие способствовало деградации русского крестьянства, но активно осваемое и милитаризируемое Приморье нуждалось в дешевой сельскохозяйственной продукции. Это и было главной причиной сохранения такой своеобразной, можно сказать чужеродной, для России социальной группы, как китайцы-земледельцы.

Жуковская Е.Н.
Хабаровский гос.пединститут

КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ХАБАРОВСКА
(К ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ)

Изучение истории немыслимо без анализа памятников материальной культуры. Памятники письменности порою подвергаются сомнению с точки зрения их достоверности и адекватности эпохе. Иную и пожалуй более убедительную ценность представляет каменная "летопись": времена проходят, но высятся полуразрушенный афинский Парфенон и Римский Колизей. Уместно ли подобное сравнение, когда речь идет о провинциальном городе рубежа XIX-XX столетия, который по словам путешественника Г.Т.Мурова, побывавшего в Хабаровске в 1909 году, напоминает приискового рабочего в собольей шапке на давно немытой голове, а в "широком рту, окаймленном усами и бородой... дорогая 10-рублевая гаванская сигара"?

Хабаровск, основанный русскими на Дальнем Востоке почти полтора столетия назад, был маленьким городом в отличие от Читы и Благовещенска, бывших центрами управлений районов и православных епархий, о чем свидетельствует Атлас Азиатской России, изданный Переселенческим управлением главного управления землеустройства и земледелия в 1914 году. Сравним население городов Забайкалья и Дальнего Востока на I января 1911 года (в тыс.чел.)

№	города	1897 г.	1910 г.
I.	Чита	11,5	74,3
2.	Благовещенск	32,8	64,4
3.	Владивосток	28,9	84,6
4.	Хабаровск	15,00	43,3

Старые фотографии города передают облик несохранившихся "страниц каменной летописи: Успенского собора, открытого в 1889 году, железнодорожного вокзала, открытого в 1926 году и некоторых других, примечательных с точки зрения архитектуры зданий города. На современный облик Амурского красавца во многом определяют и те сооружения, которые сохранились до наших дней, - это и здание бывшего Городского дома управы, что на улице Муравьева-Амурского, и бывший дом купца В.Ф.Плюснина, где теперь расположена Краевая научная библиотека у Комсомольской площади, и бывшее Военное собрание, а ныне Картинная галерея и многие другие.

В самом живописном месте города на высоком берегу Амура заново открыт памятник губернатору Сибири графу Н.Н.Муравьеву-Амурскому. Он был разрушен в середине 20-х годов. Автором его был академик А.М.Опекушин, а открытие состоялось в конце прошлого столетия - 29 мая 1891 года в присутствии посетившего город великого князя Николая Александровича, через два года после этого события, в 1893 году, по Высочайшему повелению город Хабаровка и был переименован в Хабаровск.

В 1992 году решением Администрации Хабаровского края городу возвращена церковь Святого Иннокентия. Здание этого храма сохранилось, хотя и в перестроенном виде. Это храм, воздвигнутый в 1898 году, находится на территории первого в городе кладбища, где покоится прах многих замечательных дальневосточников. В 1932 году он был закрыт, перестроен , потом использовался под склад, авторемонтные мастерские. С 1964 года там находился планетарий. Итак, доброй приметой нашего непростого времени стало возвращение храма городу: с января 1993 года там ведутся реконструктивные работы, будут восстановлены разрушенная колокольня и пять куполов.

Говоря о храмах, как примечательной "странице" каменной летописи Хабаровска, следует сказать, что до 1917 года в городах Дальнего Востока были возведены здания различных религиозных конфессий, в частности, во Владивостоке католической общине возвращен костел, построенный в начале века, о чем хабаровчанам сообщила краевая газета. А в забайкальской Чите, бывший прежде центром православной епархии, возвращена мечеть, построенная

еще в 1904-1906 годах. По данным уже упоминаемого Атласа Азиатской России русское православное население составляло 10 млн, лютеран и католиков было 260 тысяч, а исповедующих ислам минусинских татар было полмиллиона. Известно, что в 1904-1907 годах в рамках сохраненной синодальной системы были проведены некоторые реформы.

Сколько православных храмов было в нашем городе, население которого по данным статистики 1910 года составляло 43,3 тысячи человек? Краеведы пытаются установить абсолютно точную цифру. Выше, перелистывая "страницы" каменной летописи, были названы Успенский собор и Иннокентьевская церковь на Военной горе. Еще в конце прошлого столетия в городе был образован Кадетский корпус, за оградой которого была построена и церковь, сохранившаяся как и все сооружение до наших дней. Алексеевский собор был кафедральным ибо Святой Алексий почитался покровителем казачьего войска. Этот собор имел придел Сергия Радонежского, а местонахождением собора была Артиллерийская гора, ныне улица Ленина. Более точных данных о месте собора, к сожалению, пока нет, в отличие от архивных данных о закрытии Успенского собора 16 апреля 1932 года и сведений о том, что он был передан горсовету и Окроно для детского клуба. Затем собор был разрушен до основания. Горожане - старожилы Хабаровска, утверждают, что из кирпичных блоков собора были сложены арки и колонны двух городских парков, расположенных у Соборной, ныне Комсомольской площади.

Была в городе и часовня Марии Магдалины. Известно, что барон А.Н.Корф приехал в Хабаровск в 1884 году в качестве приамурского генерал-губернатора. Вскоре по приезде он собрал 800 рублей на постройку этой часовни. Она должна была стать памятником первой церкви, построенной линейцами капитана Я.В.Дьяченко еще в 1858 году. Генерал-губернатор завещал похоронить его в этой часовне. Время не пощадило этот памятник старины, как и тюремную и кладбищенскую церкви, деревянный храм Дмитрия Солунского у железнодорожного вокзала...

Каменная летопись отражает различные стороны быта и культуры народа. Влажный климат Приамурья не пощадил деревянные строения, иная судьба у каменных зданий - памятников материальной культуры своего времени. Велика мудрость в словах Екклесиаста: "Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать по-

саженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить..." Приметой нашего времени, которое трудно назвать временем строек, что именно вследствие этого особенно отрадно отметить, стала православная часовня на городском кладбище Хабаровска, сооруженная по инициативе общества "Мемориал" в короткое время. Она поставлена в память о жертвах сталинских репрессий и освещена в 1992 году. Это маленькое здание стало "страницей" именной летописи Хабаровска начала 90-х годов XX века.

Зуев В.Н.
Институт истории ДВО РАН

ВОЙСКА ОХРАНЫ КВЖД И КВЖД КАК ОБЪЕКТ ОХРАНЫ

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) - железнодорожная магистраль в Северо-Восточном Китае, проходящая от ст. Маньчжурия через Харбин и Хайлар до ст.Пограничная (Гродеково), южной линией - через Чанчунь до Дальнего и Порт-Артура. Русско-китайский договор 1896 г. об оборонительном союзе России и Китая против возможного нападения Японии предусматривал строительство Россией железнодорожной линии на китайской территории. В соответствии с договором, Русско-Китайскому банку предоставлялось право строительства и эксплуатации КВЖД. Были подробно оговорены условия постройки и управления дорогой, а также предусмотрено ОБЩЕСТВО КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ. В июле 1903 г. дорога в основном была сдана в эксплуатацию. Общая стоимость расходов составила 388.128.116 руб., причем чисто строительная стоимость определялась в 257.021.885 руб., или по 128,129 руб. на версту (Путь был сомкнут и приведен в рабочее состояние еще 21 октября 1901 г. на всем протяжении в 2 377 верст, не считая 300 верст станционных и карьерных линий).

Однако до законченности КВЖД было еще далеко. Работы продолжались даже в условиях начавшейся русско-японской войны. За полтора года, несмотря на интенсивные перевозки, успели уложить 381 версту станционных путей, т.е. в трое больше того, что оставалось недостроенным против сметы ко дню начала войны и не считая временных узкоколейных путей.

При колоссальной важности Великого Сибирского пути его охрана явилась одной из насущнейших задач. Охрана его в той части пути, которая находилась в Маньчжурии, была возложена на Заамурский округ пограничной охраны.

К началу русско-японской войны 1904-1905 гг. округ разделялся на 4 бригады (12 отрядов), общим числом в 55 рот, 55 сотен и 64 - орудийных батарей. Т.к. в округе оказался один нештатный конно-артиллерийский взвод, то общее число орудий равнялось 26. Главными задачами, возложенными на войска округа, являлись охрана КВЖД, ее зданий и сооружений, ее имущества, производимых на ней работ и постоянный надзор за прилегающей местностью, отражение нападений банд хунхузов и диверсантов неприятеля. Выполнение этих задач много затруднялось, во 1-х, громадным протяжением дороги, во 2-х, незначительным по сравнению с таким протяжением штатным составом войск округа (14.872 штыка, 9.128 шашек и 26 орудий)и, в 3-х, вероятностью борьбы на два фронта, т.е. необходимостью охранять железную дорогу с обеих сторон. Но в дореволюционной литературе с тем отмечается хорошее знакомство заамурцев с театром войны, больше чем в других частях армии, что явилось важным фактором их высокой безопасности.

Кроме того, привлекались 714 нижних чинов от строевых частей для исполнения обязанностей железнодорожной полиции и сформированные к 14 апреля 57 вольных дружин из местных запасных в числе 3.275 штыков и 64 шашек.

Охрана заключалась в непосредственном расположении линейных отрядов по линии для ее прикрытия. Линия охранялась ее постами, мосты - заставами. Резервные отряды поддерживали части, находящиеся на линии. Вольные дружины имели задачей охрану железнодорожных касс и пакгаузов, а также конвоирован[illegible] арестованных.

С началом военных действий этих сил оказалось далеко недостаточно. Начались частые нападения на линию мелких партий хунхузов и японцев. В результате, при громадном напряжении, на I версту пути приходилось II человек. С израсходованием резервов охрана станций почти прекратилась, а между тем к апрелю 1904 г. началось строительство дополнительных разъездов, требовавших назначения туда надежных гарнизонов. 2I апреля1904 г. японцы взорвали мост на 650 версте. Тогда, в конце апреля 1904 г., на линию железной дороги были посланы части I Сибирской пехотной дивизии (до 5000 человек), которые заняли западный участок от ст. Маньчжурия до Харбина в количестве 7 рот и I сотни, а южный участок - 8 ротами. На эти части полевых войск возлагалась охрана и оборона станций и расположенных на них складов. Кроме того, в пунктах расположения войск (Хайлар, Цицикар, Лоушагоу) назначались дежурные роты, которые по требованию начальников пограничной стражи в случае надобности перебрасывались в другие пункты для поддержки. Впоследствие эти войска заменены дружинами государственного ополчения, двумя запасными пехотными батальонами и сотней пешего Забайкальского батальона. Всего на охрану железной дороги было выделено до 50 тыс. человек.

Чины Заамурского округа пограничной стражи явились превосходными кадрами для осуществления войсковой разведки в тылах японской армии.

Набег 2 японских эскадронов (до I50 шашек) в канун Мукденского сражения оттянул для охраны тыла I бригаду 4I пехотной дивизии с артиллерийским дивизионом и I0 эшелонов укомплектований. Для обороны Мукдена от нападения японцев командование создало специальный отряд в составе I0С пехотного Островского полка, Уссурийского конного полка и амурских казачьих сотен с подчинением начальнику военных сообщений генералу Забелину; для охраны Западного участка КВЖД выделили 4 Донскую казачью дивизию с артиллерией. Таким образом, набег 2 японских эскадронов на тыл армии заставил русское командование дополнительно выделить для охраны железной дороги значительные силы: I2 батальонов, 8 эскадронов, 34 сотни, I0000 человек укомплектований, 24 орудия полевой и I2 полевой артиллерии, всего около 30000 человек.

При распределении войск Заамурского округа командование исходило из того значения, которое придавалось каждому участку и пункту дороги, в прямой зависимости от стратегических, технических или чисто местных условий и настроения местного населения. Поэтому главная линия дороги (ст.Маньчжурия, Харбин, Пограничная) была занята слабее, чем ветвь дороги от Харбина до Порт-Артура, которая потребовала более половины войск пограничного округа, т.к. эта линия пролегала среди частых китайских селений и соприкасалась с железнодорожной системой Северо-Восточного Китая, а также находилась непосредственно в ближнем тылу армии. Восточный участок главной линии от Харбина до Пограничной был занят сильнее, чем западный, поскольку пролегал по лесистой и горной местности, служившей приютом многочисленным шайкам хунхузов.

После Портсмутского мира 1905 г. Заамурский округ пограничной стражи продолжал охрану главной ветки КВЖД. Он состоял из частей всех трех родов оружия: 8 пехотных и 3 конных полков особого штата, 4 конно-горных батарей, саперной роты. В эксплуатации КВЖД участвовали 4 Заамурских железнодорожных батальона. Корпус не подчинялся военному ведомству и находился под особой юрисдикцией министерства финансов.

В начале 1915 г., после вступления Японии в I мировую на стороне Антанты, полки Заамурского корпуса пограничной стражи перебросили на фронт. Пограничные пехотные полки его, наряду с обычной армейской пехотой, участвовали, в частности, в Брусиловском прорыве.

С получением сведений о подготовке порчи железной дороги германской агентурой охрану зоны КВЖД усилили, введя в нее II дружин государственного ополчения, предварительно переформированных из 4 - в 6 - ротный состав.

В 1898-99 гг. в охране КВЖД в составе Оренбургского казачьей сотни служил будущий военный министр Временного правительства А.И.Гучков. В 1911-1913 гг. одной из бригад пограничной стражи командовал будущий глава контрреволюции на юге России генерал-майор Л.Г.Корнилов. В 1910-1913 гг. Округом командовал известный в те годы военный теоретик Е.И.Мартынов (1864-1937), ав-

тор ряда трудов по истории Крымской и русско-японской войн, биограф Л.Г.Корнилов. В 1913 г. их сместили за "раскрутку" дела о хищении продуктов интендантством округа, где были замешаны влиятельные лица в Санкт-Петербурге.

Козыренко Н.Е.
Хабаровский технический университет

ГОРОД ОХОТСК-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Охотск, как военное поселение, возник в 1647 г. На первых этапах своего становления он ничем не отличался от других многочисленных острогов. Представлял собой рубленную крепость с фортштадтом. На первом месте он просуществовал 10 лет. После этого его перемещения были довольно частыми.

Порт в Охотске был учрежден в 1731 г., тогда же и был заложен город. После этого начинается его развитие. В период великих научных экспедиций и открытий Охотск становится административным центром всего приморского края с независимым от Якутска управлением. С конца первой трети XVIII в. он является важнейшим экономическим центром на побережье Тихого океана.

От Якутска к городу прокладывается казенный тракт, который в целях улучшения продвижения товаров и грузов заселяется русскими и якутами. Вдоль тракта организованы около 20 поселений, самые крупные из них насчитывали до 150 человек. Охотский тракт был самым напряженным. По нему шло снабжение для всех поселений, расположенных вдоль морского побережья, на Колыме, Камчатке. Охотск устанавливает тесные экономические отношения с Гижигинском, Средне-Колымском, позже Оймяконом.

Располагаясь на пересечении транспортных путей, являясь портовым городом и единственным крупным опорным центром русских на Тихом океане, он становился местом, где два раза в год официально проводились большие ярмарки. В это время население Охотска увеличивалось в 3-4 раза. Экономическое значение Охотска возрастает с организацией на Северо-Востоке Азии в 1799 г. торговой Российско-Американской компании. Якутск и Охотск становятся всероссийскими рынками, которые стягивали богатства всего северного района и распределяли их в Сибирь, Европейскую Россию, Китай.

Под воздействием природно-климатических и социально-экономических факторов и условий Охотск за 200 лет своего развития с момента его основания и до упразднения порта, 12 раз изменил свое местоположение - 4 раза в XVII в., 5 раз - XVIII в., 3 раза - в первой половине XIX столетия. Его положение представляло собой сочетание благоприятных и неблагоприятных факторов. Причем последние преобладали и оказывали значительное влияние на темпы роста города. Охотск мигрировал по долинам рек Охоты и Кухтуя, а также вдоль морского побережья. Радиус перемещения был небольшим, от 3-х до 60-ти км. Основными причинами столь частых перемещений послужили разрушительные, периодически повторяющиеся наводнения, отсутствие в окрестностях качественной пресной воды, дефицит пригодных территорий для застройки и порта.

Рассматривались многочисленные варианты по переносу порта. С этой целью изучались Удский край, устье рек Алдомы, губа Тауская, урочище Булгин. Однако все предложения имели свои недостатки, и которых самым существенным было то, что все рассматриваемые территории являлись также неудобными для организации порта.

Каждый раз изменяя свое местоположение город изменял и свою планировочную структуру, которая организовывалась согласно выбранной функции и территории. Так, в период экспедиций он представлял собой слободку Беренга В., состоящую из домов глав экспедиций - домов Беренга, Чирикова, Петрова, Вахтона, Писарева (1738 г.). В это время город размещался на Охотской косе. На этом же месте, после очередного затопления, организовалось новое Охотское поселение. Первоначальное место выбиралось только для острога. Внутри крепости находились церковь Преображения господня, колокольня, казенные присутственные места, кладовые, магазин, с морскими припасами, соляной магазин, пушечный сарай, гауптвахта.

Расселение вокруг острога носило стихийный характер. Под застройку занимались территории, наиболее благоприятные для расселения. При таком принципе организации городского пространства его размеры разрастались до больших масштабов.

К концу XVIII столетия Охотск представлял собой типичный пример городов того периода - острог, окруженный посадами. Как и все города, образованные по такому принципу, он состоял из двух частей - малый город, острог, выполнял военно-административные функции, и больной - посады, имели торгово-экономическое значение.

В окрестностях города находились кораблестроительные верфи, соляные промыслы с заводом. Много разных строений находилось на острове Булгин, и на верфях по реке Кухтуи.

На свое последнее место на Тунгусской косе Охотск был перенесен в 1815 г. В это время уже наблюдается значительный спад в развитии города. Экспедиции уже не останавливаются и не формируются в Охотске. Естественным следствием этого явилось резкое сокращение судостроения. Как результат этого-прекращение роста города и уменьшение численности населения. Однако он еще продолжает снабжать товаром Камчатку и Охотское побережье. В 1833 г. в нем насчитывалось I 100 чел., 1844 г. - 876 чел., 1855 г. - 207.

В течение 150 лет Охотск сохранял за собой значение главного экономического и культурного центра Приморского правления и единственного порта. В 1846 г. принято решение о переносе порта в Аян-фактория Российско-Американской компании. В 1849 г. перенос осуществлен. От Якутска прокладывается до Аяна новый казенный тракт, который в короткий период заселяется. Вдоль всего тракта было организованно около 40 населенных пунктов, предназначенных для обслуживания нового тракта. В это время вдоль Охотского пути наблюдается самоликвидация населенных пунктов и массовый отток населения, что приводит к упразднению ранее интенсивного пути. По этой причине Охотск не смог сохранить за собой и административное значение. В 1856 г. в Николаевск-на-Амуре переносится таможня и резиденция, а еще раньше в Петропавловск - вся военная флотилия. Город преобразовывается в поселок.

Длительный период Охотск относился к числу деградирующих поселений. В настоящее время он является поселком городского типа без ярко выраженной функциональной доминанты и с низкими темпами прироста населения.

Эволюционное развитие Охотского порта уникальное явление. Его градостроительный феномен заключается в том, что он постоянно мигрировал в границах одного территориального ареала. В зависимости от местоположения 12 раз изменялись функции и планировочная структура города. В истории расселения и градостроительства подобных аналогов не существует.

Кротова М.В.
Российский гос.педагогический университет им.Герцена

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ БИРЖЕВЫХ КОМИТЕТОВ (НА ПРИМЕРЕ ХАРБИНА)

Первая биржа на Дальнем Востоке была открыта в конце 1901 г. во Владивостоке. В июне 1914 г. состоялся первый съезд представителей биржевых комитетов на Дальнем Востоке, на котором присутствовали члены владивостокской, хабаровской, благовещенской бирж. Представителей от Харбина на съезде не было, хотя харбинская биржа была открыта в 1907 г., и председатель Российской экспортной палаты В.И.Денисов назвал харбинский комитет в 1913 г. "одним из наиболее деятельных в России". В ходе съезда выяснилось, что председатель комитета М.И.Фрид не смог приехать во Владивосток из-за "паспортных стеснений", т.к. лицам иудейского вероисповедания въезд во Владивосток был запрещен. В связи с этим харбинский биржевой комитет ходатайствовал перед съездом о разрешении въезда и временного жительства евреев в Приморской области.

Учреждение в Харбине биржевого общества было вызвано тор-

гово-промышленным кризисом 1906-1907 гг., появлением в городе иностранного капитала, неустойчивым правовым положением русских коммерсантов. Устав общества был составлен в соответствии с уставами российских бирж и утвержден 30 ноября 1906 г. в Петербурге. Выборы в харбинский биржевой комитет состоялись 2 мая 1907 г. Первым председателем комитета был С.Б.Габриель - директор харбинского отделения Русско-Китайского банка. В состав биржевых старшин был избран также и китайский коммерсант Чжан-Ван-Цун. Через несколько недель общим собранием были избраны биржевые маклеры. Регулярные биржевые собрания и сделки начались 5 июня 1907 г. С этого дня стала функционировать котировальная комиссия при биржевом комитете, а с I ноября приступила к работе арбитражная комиссия. Столичная "Торгово-промышленная газета" отметила инициативу харбинской биржи и даже выразила удивление, что такой "маленькой и молодой провинциальной бирже удалось то, что пока не удается многим первоклассным биржам даже в крупных портовых городах России".

На бирже обращались самые различные товары, однако основным товаром крупной оптовой торговли был маньчжурский хлеб и бобы. Хлебная торговля в Северной Маньчжурии ко второму десятилетию XX века приобрела ярко выраженный экспортный характер. Около 90% хлеба вывозилось за пределы Маньчжурии - в порты Дайрен и Владивосток, в Забайкалье, Приамурье, Приморье и в Китай. Центром хлебной торговли в Северной Маньчжурии стал Харбин - сюда стекался хлеб со всей нижней Сунгари, здесь на бирже заключались сделки с этим хлебом как на экспорт, так и для переработки. Но судя по харбинской прессе, биржа не была центром торговой жизни города. Мелкое здешнее купечество, городская торговля в услугах биржи практически не нуждались. Многие сделки заключались в кондитерской Зазунова и других местах, где присяжным маклерам биржи нередко предпочитали частных маклеров, которые на русско-китайском жаргоне назывались "конходниками". Запустение биржи (понижение платы за выход с 50 коп. до 20 в 1911 г. не помогло) местная пресса объясняла тем, что Харбин - "город маленький, все друг друга знают. Поэтому продавцы и покупатели легко находят одни других, и для этого им нет надобности посе-

щать биржу. Тем более, местный обычай отдает предпочтение сделкам негласным, на бирже же сразу делается известным - кто, у кого и по какой цене совершил сделку". Были даже предложения на время закрыть биржу, оставив только биржевой комитет как орган представительства интересов местной торговли и справочное учреждение.

Характер деятельности харбинского биржевого комитета определялся исключительностью его положения - в Харбине не было других русских общественных органов, имеющих право представительства. Особенности положения Харбина, международный характер его торговли расширили круг вопросов, решаемых харбинским биржевым комитетом, сравнительно с практикой российских биржевых комитетов. Комитет составлял статистические сведения и обзоры, выпускал торговые бюллетени, отчеты об урожае и проч. Министр торговли и промышленности С.И.Тимашев в 1910 г. обратился к харбинскому комитету с предложением о периодическом доставлении лично ему сведений о всех выдающихся явлениях местной торгово-промышленной жизни. К трудам харбинского биржевого комитета следует отнести материалы к пересмотру торгового договора 1881 г. России с Китаем, материалы к вопросу о русской торговле в Монголии, докладные записки о русской торговле и промышленности в Маньчжурии, о морском транспорте, о мерах улучшения денежного рынка, о сунгарийском пароходстве, о мерах борьбы против хунхузничества и др.

Харбинский биржевой комитет стал инициатором создания в Харбине обществ взаимного кредита для выдачи ссуд средним и мелким предпринимателям. Первое такое общество было открыто в ноябре 1908 г., и уже через 5 лет годовой оборот банка общества достиг 300 млн.рублей, а дивидент его являлся рекордным среди всех русских обществ взаимного кредита.

Работа в харбинском биржевом комитете была очень почетна для всех коммерсантов края. Активное участие в деятельности комитета принимали представители китайской и иностранной торговли. Совместно решались вопросы об экспорте, о налогах, о железнодорожных тарифах, о запрещении вывоза товаров, о таможнях, об акцизе и др. К голосу биржевого комитета прислушивались иностранные консульства.

Комитет оказывал поддержку учреждениям в Харбине ломбарда, ипотечного кредита, биржевых артелей, научных обществ (например Общества Изучения Маньчжурского Края); неоднократно выступал в роли организатора сборов денежных средств в помощь пострадавшим от стихийных бедствий, выдавал денежные средства учебным заведениям, учреждал стипендии. В 1917 г., когда в Харбине скопились тысячи отправителей грузов и пассажиров, биржевой комитет своими усилиями придал железнодорожным перевозкам урегулированный характер.

В 20-е и 30-е гг. харбинский биржевой комитет продолжал свою работу несмотря на изменившиеся условия. Он следил за ходом общей торговли, изучал ее условия, разрабатывал данные о торговых оборотах Харбина и всего края, выступал в защиту интересов русских коммерсантов. Биржевой комитет был закрыт властями в 1944 г., когда все его функции были переданы государственной администрации Маньчжу-Ди-Го в связи со второй мировой войной, когда международная торговля ограничивалась только Японией.

Курбатов Ю.И.
Дальневосточный гос.
университет

ПОЛЬСКАЯ КОЛОНИЯ ВЛАДИВОСТОКА.

Польская колония Владивостока начала складываться с появлением поляков-военнослужащих в 60-70-е годы XIX века. С 70-х годов она пополнялась ссыльнопоселенцами и бывшими ссыльными, оставшимися временно или на постоянное жительство на Дальнем Востоке. Польское население увеличивалось в 90-е годы за счет специалистов по строительству и эксплуатации Уссурийского участка Транссибирской железной дороги и составило по итогам переписи 1897 года 957 человек, 652 из них - военнослужащие. Укрупнение владивостокского гарнизона в ходе русско-японской войны и поток беженцев из Маньчжурии, отвоеванной у Японии, также при-

вели к росту польской колонии. Наконец, число поляков умножилось в годы первой мировой войны в связи с прибытием беженцев и лиц, высланных на основании военного положения. В результате, общее количество поляков , военных и гражданских, достигло 4500 человек. Среди них были представители различных слоев общества, в том числе деловых кругов и интеллигенции. Полякам принадлежали предприятия, дома, магазины.

Удовлетворению религиозных потребностей польского населения способствовало пребывание в городе с 70-х годов ксендза римско-католической церкви Приамурского края, отправлявшего богослужения. В 1885 году городская дума отвела участок земли под строительство римско-католической часовни и помещения для священника. В конце XIX века во Владивостоке действовал костел, построенный из дерева а с 1909 по 1921 годы возводится костел из камня.

В 1907г. Римско-католическое общество благотворительности открыло в городе первую польскую начальную школу.

Демократические завоевания февральской революции 1917 года признание Временным правительством необходимости создания независимого польского государства дали полякам широкие возможности для общественно-политической и национально-культурной деятельности. Польская колония Владивостока направила 5 делегатов в комитет общественной безопасности, добилась избрания своего представителя в гласные городской думы. В марте 1917 года поляки-военнослужащие образовали Польский военный комитет, задавшийся целью сформировать из солдат и офицеров частей войск Приамурского военного округа, а также добровольцев польский артиллерийский легион. Комитет вел среди военнослужащих поляков политико-просветительную работу. 23 апреля (по старому стилю) 1917 года на общем собрании колонии в Пушкинском театре произошло организационное оформление Общества "Польский Дом". Собравшиеся произвели запись в члены общества, избрали правление, утвердили устав. Общество предполагало оказывать полякам всестороннюю помощь, сохранять национальный язык и культуру, содействовать решению национальных задач. Официально "Польский Дом" открыли 29 июня того же года. В 1917-1920 годах военная и дру-

гие организации.

Политические настроения польской колонии выразились, в основном, в призывах сохранить единство поляков на национальной почве, накапливать силы для участия в возрождении Польского государства.

Польская общественность обеспечила открытие во Владивостоке польской школы в составе четырех классов, основала и поддерживала материально приют для детей беженцев. В городе ставил спектакли польский драматический кружок, проводились лекции на историко-патриотические темы, литературно-музыкальные вечера, посвященные национальным историческим датам, жизни и деятельности выдающихся поляков. Так, 18 марта 1917 года, в театре "Золотой рог" состоялся спектакль-концерт в память о польском писателе Г.Сенкевиче. Программа вечера включала художественное чтение отрывка из романа Г.Сенкевича "Огнем и мечом", инсценировки частей романа "Камо грядеши" и концертное отделение с участием владивостокских артистов. Заметным событием культурной жизни колонии стали выступления польской артистки и писательницы А.Соколич приехавшей в мае 1917 г. во Владивосток с циклом лекций на польском языке. Лекция о политическом положении польских земель в конце XVIII - начале XX века была прочитана поляками-военнослужащими в Польском комитете. Лекции для широкой аудитории при участии польской интеллигенции и деловых кругов, прошли в Пушкинском театре и посвящались творчеству польских поэтов и писателей XIX - начала XX века.

Окончание первой мировой войны и образование в ноябре 1918 годаПольского государства стимулировали отъезд поляков на родину. В 1923 году во Владивостоке оставалось 1965 поляков, а с учетом пригорода - 2317. После установления Советской власти выезд поляков осуществлялся через систему репатриации, но не все желали и могли получить такую возможность, поэтому польская колония Владивостока сохранялась. Существовала польская школа, в 1924-1925 учебном году в ней преподавали 3 учителя и обучалось 38 учеников. "Польский Дом", как общество взаимопомощи, вел благотворительную и культурно-просветительную деятельность. В обществе устраивались танцевальные вечера, функционировала библиотека, располагавшая книгами на польском языке.

В 1928 году "Польский Дом" прекратил свое существование, так как его руководителей арестовали по подозрению в шпионаже и необоснованно репрессировали. Организационная жизнь поляков во Владивостоке была надолго прервана.

Кущий В.Ю.
Уссурийский гос.пединститут

СОБЫТИЯ 30 - 31 МАРТА 1921 Г. ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

В отечественной историографии бытует мнение, что в ночь с 30 на 31 марта 1921 г. во Владивостоке была произведена попытка государственного переворота. По сведениям газеты "Вечер", главную роль в этих событиях сыграл каппелевский полковник Глудкин, стоявший во главе 200-300 каппелевцев, по-видимому принимал участие и генерал Д.А.Лебедев - бывший начальник штаба и военный министр адмирала А.В.Колчака, так как получил от атамана Г.М.Семенова к этому времени 300 тысяч иен на организацию выступления. Как отмечает историк Авдеева Н.' в госперевороте участвовали полковники М.А.Михайлов и Грызлов, которые и были арестованы.

Отечественная историография представляет, что переворот носил чисто семеновскую окраску, поэтому не получил помощи со стороны Совета съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока, не желавшего работать на своего конкурента в борьбе за власть. Выступление было предупреждено и быстро ликвидировано вооруженными силами Областного управления ДВР. За участие в попытке переворота было арестовано 227 человек, в том числе 100 офицеров, которые были отправлены на Русский остров. Правда, по другим данным арестованно было всего 94 человека, и среди них всего только один полковник Н.Герке из гродековской группировки.

Однако, выявленные документы позволяют по иному взглянуть на события 30-31 марта 1921 г. Дело в том, что Приморское Областное управление ДВР всячески пыталось предотвратить созыв съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока или по крайней мере дискредитировать его в глазах населения края. Видя, что японское командование оказывает съезду поддержку и разогнать его не удастся, "розовым" оставался только второй путь. Именно с этой целью была произведена инсценировка государственного переворота 30-31 марта 1921 г. во Владивостоке. Народная охрана Приморского Областного управления ДВР должна была подавить его, что развязало бы руки госполитохране ДВР в борьбе с политическими противниками ДВР.

Вечером 30 марта в гостинице "Золотой Рог" госполитохраной были арестованы делегаты съезда "несосов" из военных: генерал-лейтенант Н.А.Лохвицкий, полковники Грызов, Михайлов и Бобров, а также еще 20 офицеров. 31 марта группа офицеров без единого выстрела освободила арестованных накануне. После их ухода охрана подняла стрельбу в воздух. Народная охрана же сочла, что это сделали "переворотчики" и то же открыла стрельбу. В результате были убиты: всадник, случайно проходившие мужчина и женщина, позднее были найдены убитыми два кадета Омского кадетского корпуса и казак, последнему было нанесено 12 штыковых ран. Это были все жертвы "госпереворота". После этого, как правительство Антонова приписало организацию "переворота" съезду "несосов", генерал Лебедев заявил, что если бы он и осуществлял переворот, то в первую очередь, захватил бы правительственные учреждения, арестовал бы членов правительства, а не разменивался бы на бесполезную стрельбу на окраинах. И в этом он безусловно прав.

Что же касается групп " переворотчиков", то это были военные, большей частью не имевшие оружия, их тоже поддержал полковник Глудкин. Судя по тому, как быстро без сопротивления "переворотчики" сдались и вообще, как легко был подавлен "переворот", создается впечатление, что это все было подстроено или по крайней мере, об этом были очень хорошо осведомлены правительственные войска. И кроме того, удивляет идентичность информации официальных правительственных органов, а также воспоминания участников этих событий, в которых так подробно описан

ход "переворота" и его подавление, такой подробной информацией не отличаются те же источники о мобытиях 26 мая 1921 г., когда во Владивостоке произошел настоящий государственный переворот, который привел к власти Временное Приамурское Правительство.

Лобанов В.Ф.
Хабаровский гос.пединститут

СЕМЕЙСКИЕ СТАРООБРАДЦЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОР.ПОЛ. XIX - НАН. XX ВВ.)

Семейские старообрядцы - это особая этнографическая группа русского старообрядческого населения Забайкалья. Их появление в Забайкалье относится ко второй половине XVIII века, когда в результате присоединения к России территорий Востока и Стародубья, входивших тогда в состав Польши, беглые старообрядцы, жившие на этих землях, были возвращены в Россию и поселены в Сибире. Основная их часть была отправлена в Забайкалье. В отличие от многих других переселенцев, старообрядцы переселялись в Забайкалье семьями, отсюда - название - семейские.

История семейских - это история горсточки русских людей, оказавшихся в сложных природных и социально-экономических условиях. Постоянная борьба за выживаемость, за сохранение своей веры, обычаев и традиций, борьба за независимость от православной церкви и полицейского начальства - вот что было характерно для семейских вт. половины XVIII - пер. половины XIX века.

Но выжили. Создали крепкие общины, занялись хлебопашеством, промыслами, охотой. Именно с семейскими связано хозяйственное, в первую очередь земледельческое освоение Забайкалья. О них оставили положительные отзывы ссыльные декабристы, многие путешественники, исследователи.

История семейских старообрядцев - смелых, трудолюбивых, не боящихся трудностей, оказалась связанной с Дальним Востоком, его заселением и хозяйственным освоением второй половины XIX - нач. XX вв.

Уже в 50-х годах XIX века часть семейских из-за малоземелья начинает переселяться к верховьям Амура. Постепенно растущая нехватка земли в Забайкалье явилась одной из причин переселения семейских на Дальний Восток. Второй причиной было стремление сохранить на новых необжитых местах неприкосновенность старой веры и религиозных убеждений. Таким образом, мысль о свободных землях и о свободе вероисповедания заставляла семейских сниматься с насиженных мест и переселяться на Дальний Восток. Они были первыми из старообрядцев, начавшими переселяться в Приамурье.

Первая группа семейских прибыла на Амур в 1859 году и основала деревню Астраханку в Амуро-зейской волости. За этой группой начали постепенно переселяться другие группы семейских. Переселению обычно предшествовала отправка ходоков, поиски единоверцев, тщательный осмотр местности, а затем уже приезжали остальные. В зависимости от обстоятельств, семейские подселялись временно, или на постоянное жительство к "своим" старожилам, или основывали новые деревни. Так, например, было основано селение Тарбачай в Томской волости. Прибывшие в 1887 году 5 семей из Забайкалья, временно, проживали у земляков в д.Новой, Круглой, Заливной, а затем подали прошение с просьбой основать отдельное селение. Так же основывались и многие другие селения семейских. В свои селения семейские старались принимать только своих единоверцев, кроме тех случаев, когда начальство подселяло к ним православных.

К концу XIX века семейские основали в Амурской области более десятка селений в Бельской, Томской и Амуро-зейской волостях. Это: Ново-Андреевка, Верхне-Белая, Ключевская, Заливная, Тарбачатай, Молчановка, Введенская, Астраханка, Лиственичная и др. Переселение семейских в Амурскую область продолжалось и в начале XX века. Поселяясь на новых местах, они переносили сюда привычные им названия забайкальских сел: Тарбачатай, Ничура.

Как видим, в основной своей массе семейские осели в Амурской области, располагавшей более благоприятными условиями для земледелия. Особую роль здесь сыграла и близость Забайкалья, в результате чего семейские смогли раньше других старообрядцев более прочно осесть в Приамурье.

С конца XIX в. и особенно с начала XX в. семейские начинают переселяться в южные районы Приморской области (Южно-Уссурийский край). Часть семейских переселялась из Амурской области, часть из Забайкалья. В Южно-Уссурийском крае ими было основано несколько селений, в том числе: Красный Яр, Петропавловка, Ильинка, Богословка. Красный Яр был основан в 1870 г. семейскими, переселенными из Якутии. В Якутию они были сосланы в начале 50-х годов XIX века в количестве 50 семей за приверженность к расколу и поселены на Аянском тракте. После того, как тракт перестал действовать, ссыльные семейские в 1870 году были морем вывезены в Южно-Уссурийский край.

Семейские селились на Дальнем Востоке исключительно общинами, сохранившими (даже в условиях Дальнего Востока - В.Л.) лучшие традиции крестьянской мирской организации с ее многовековым опытом ведения хозяйства, разумным сочетанием индивидуального и коллективного начала, взаимопомощью и поддержкой, строгой внутренней дисциплиной.

Семейские повторили на Дальнем Востоке опыт своих предков по выживаемости в сложных природно-климатических условиях, но уже как добровольные колонисты. Надеялись исключительно на себя, на свой упорный труд, мужицкий многовековой опыт, помощи ни от кого не ждали. В основной своей массе семейские были заволочными крестьянами, привозили с собой скот, хозяйственный инвентарь, денежные сбережения.

Уже первые годы они быстро вставали на ноги, обзаводились крепкими хозяйствами, брали ссуды на покупку инвентаря, распахивали от 3-х до 10 десятин земли. Семейские широко использовали в своей хозяйственной деятельности особенности местных условий, занимались не только хлебопашеством, но и различными промыслами, охотой, поставкой дров строевого леса, сельхозпродуктов. и т.д.

Среди семейских Амурской области особо выделялась группа

"культурных, зажиточных" хозяев, так называемых "покровителей раскола". Это представители широко известных в Забайкалье семейских кланов - Чебуниных, Власовых, Думновых, Бутковских и др. У них были нетолько крупные земледельческие хозяйства. Они широко занимались предпринимательством, торговлей казенными поставками. Их хозяйства чаще всего ориентировались на рынок. Данные лица возглавляли общины и пользовались большим авторитетом у единоверцев. Они оказывали им помощь и поддержку, занимались благотворительной деятельностью на нужды общин.

Религиозная организация семейских представляла собой ту же картину, что и в Забайкалье - сочетание поповщины и беспоповщины, причем и по влиянию и численно беспоповщина постепенно выходила на первое место. "Старая" беспоповщина была представлена в основном поморским и федосеевским согласием, а так же другими более мелкими согласиями. Поповщина, за исключением отдельных общин, в основном в Амурской области, принадлежавших к белокриницкому согласию, оставалась на традиционных позициях беглопоповщины, но все более приобретавшей черты беспоповщины (часовенного согласия). Этот процесс, начавшийся в Забайкалье завершается на Дальнем Востоке окончательным переходом подавляющей части семейских беглопоповцев на позиции беспоповщины и оформлением так называемого согласия "новых беспоповцев".

В начале XX века это согласие у семейских становится наиболее многочисленным и влиятельным.

Таким образом, семейские не только выжили, но и прочно осели на дальневосточных землях; внесли свой существенный вклад в их земледельческое освоение, способствовали сохранению лучших традиций крестьянской материальной и духовной культуры общины. Устойчивость традиции обеспечивалась также патриархальным укладом жизни и хозяйства ее семейских в специфических условиях Дальнего Востока. Все это позволило им сохранить себя как особая этнографическая группа и как конфессия, находящаяся в оппозиции к официальной церкви.

Мандрик А.Т.
Институт истории ДВО РАН

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА НА РОССИЙСКОЙ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Русский китобойный промысел зародился на Европейском Севере в начале XVIII столетия, когда Петр I своим указом разрешил: "... учредить на Севере китоловную компанию из лиц: Меньшикова, Григорьева и Копьева, отдачею им на откуп морских промыслов..." В 1723 г. была создана правительственная компания - "Кольское китоловство", деятельность которой оказалась неудачной.

Попытка развить отечественный китобойный промысел предпринималась Анной Ивановной (1736 г.), Екатериной II (1864 г.). В течение XVIII-XIX вв. русское правительство старалось сохранить отечественный китобойный промысел, организовывая государственные предприятия и поддерживая частные компании. Однако, в связи с большими убытками, которые несли компании в 1888 г. промысел китов прекратился и больше в водах Европейского Севера не возобновлялся.

Китобойный промысел в промышленных целях в водах русского Дальнего Востока на протяжении ряда десятилетий XIX столетия лишь сопутствовал пушным и рыбным.

По свидетельству историка П.Тихменева Российско-Американская компания китобойным делом не занималась. Но по данным М.П.Васильева и Н.В.Слонина для ограничения произвола иностранных компаний решено было организовать китобойный промысел с участием Российско-Американской компании. В связи с этим в Финляндии в г.Або учреждалось акционерное общество, которое получало от компании одновременно 20 тыс. руб. и по 40 тыс. руб. на снаряжение первых четырех китобойцев. "Российско-Финляндская компания Ко" начала действовать с 1850 г., а в 1851 г. ее пер-

вое судно "Суоми" уже промышляло в Охотском море. Экипаж судна за первые два года промысла не только окупил стоимость судна и его снаряжение, но и получил прибыль в размере 13,5 тыс. руб. С 1852 г. в водах Дальнего Востока добычей китов занима-) лись команды китобойцев "Турко", "Цесаревич Константин", "Граф Берг", "Амур" и др. В 1862 г. "Российско-Финляндская Ко" была ликвидирована в связи с тем, что получаемая прибыль почти полностью тратилась на длительные переходы судов до места промыслов и обратно.

Среди русских промышленников, начавшим одним из первых вести китобойный промысел в дальневосточных водах был владивостокский купец О.В.Линдгольм, освоивший этот промысел на китобойце "Цесаревич Константин" и проплававший на различных судах "Российско-Финляндской Ко" 12 лет.

О.Линдгольм в течение первых 10 лет вместе со своими компаньонами добыли 65 китов, получил 4710 баррель жиру, 60,7 тыс. фунтов китового уса, прибыль составила более 400 тыс. руб.

В 1875 г. О.Линдгольм рассчитался с компаньонами и стал полным хозяином предприятия, которое действовало до 1884 г., так как не получив субсидий от правительства для дальнейшего развития китобойного промысла, было ликвидировано. Современники характеризовали О.Линдгольма как человека особенного закала, самоотверженного, обладавшего необходимыми знаниями морского и коммерческого дела.

В эти же годы добычей китов занималась "Тугурская китобойная компания" - частное предприятие русского офицера А.Эльсфер-га, которая за 1863-1865 гг. получила от промысла китов 2,7 тыс. бочек жира и 31 тыс. фунтов китового уса. Тугурская китобойная компания просуществовала более 20 лет.

В Амурском заливе, близ Владивостока в 1871 г. промышлял китов вольный шкипер Ф.Ф.Гек, отдавший этому делу свыше 20-ти лет. Он вел в разные годы добычу китов на судах "Российско-Финляндской Ко", вместе с О.Линдгольмом - в качестве шкипера на специально оборудованных судах - "Аннушка", "Сибирь", "Капрал", "Шхуна" и Дидымовым - на шхуне "Надежда".

В конце XIX столетия дальнейшее развитие отечественного

китобойного промысла связано с именем морского офицера А.Г. Дидымова, который относился к развитию китобойного промысла как истинный патриот и видел в нем один из способов освоения дальневосточного края, его сырьевых ресурсов.

Получив в 1888 г. от русского правительства 50 тыс. руб. в качестве субсидии и продав свое имение в Тульской губернии, он весной 1889 г. в Норвегии построил китобойное судно стоимостью в 45 тыс. руб. и назвал его "Геннадий Невельской".

Развивая китобойное дело А.Дидымов в бухте Гайдамак основал береговую китобойную базу, построил жиротопный завод, устройство для разделки китов. Первые 20 китов были добыты в 1889 г. у берегов Кореи на судне "Надежда" и, продав соленое мясо в Японии, он выручил 14 тыс. долларов. Такой успех позволил ему в 1890 г. образовать во Владивостоке товарищество по переработке китового жира на мыло и расширить район добычи китов до побережья Сахалина, где им было добыто 50 китов. Начатое дело оборвалось неожиданно: в конце 1890 г. судно "Геннадий Невельской", капитаном-гарпунером которого был Дидымов, попало в жестокий шторм у берегов северной Кореи и пропало без вести.

После гибели А.Г.Дидымова китоловством на Дальнем Востоке занимался молодой русский офицер Г.Г.Кейзерлинг, основавший вместе с братом в 1894 г. "Товарищество Тихоокеанский промысел". Перед тем как приступить к добыче китов Г.Г.Кейзерлинг побывал в Норвегии, изучил на практике способ охоты за китами и утилизацию отходов. Получив от государства субсидию на ведение китобойного дела, приобрел плавучий завод "Михаил" - под китобазу, два китобойца, транспортное судно, две парусные шхуны, основал на побережье береговые станции и стал промышлять китов у берегов Кореи, Охотском и Японском морях. С 1894 по 1896 гг. товариществом было добыто 700 китов, мясо и китовый ус проданы в Корее. В 1898 г. Г.Кейзерлинг писал о своем китобойном деле: "Дело оправдало мои надежды, за короткий период времени оно окрепло и развилось и в настоящее время является необходимостью расширить его и присоединить к нему рыбный пром[illegible]-".

В 1899 г. Г.Кейзерлинг основывает новую ф[illegible], - "Тихоокеанское китобойное и рыбопромышленное акционерное общество графа Г.Г.Кейзерлинга и Ко". В ее уставе отмечалось, что китобойный

промысел компания может вести в Японском, Охотском и Беринговом морях. Фирма Г.Г.Кейзерлинга стала крупным капиталистическим предприятием, которому принадлежало 665 десятин земли, где размещались лесопильный, жиротопный, мыловаренный, жестянобаночный заводы, паровые механические и чугуно-литейные мастерские, док для ремонта судов. В компании работало 300 человек.

Деятельность фирмы была успешной, средняя добыча китов достигла до 100 штук в течение года. В 1899 г. фирма получила 28 тыс. руб. прибыли, стоимость имущества по оценкам страховой компании в 1904 г. составила 645 тыс. руб.

Русско-японская война 1904-1905 гг. остановила дальнейшее развитие русского китобойного промысла. В начале войны почти весь отечественный китобойный флот оказался в Нагасаки и был арестован японским правительством в качестве военного трофея.

Неудачи, которые преследовали отечественных китобоев, невозможность конкуренции с высокопроизводительными судами иностранных компаний, малые денежные средства, не позволявшие поставить отечественный промысел на должный уровень - все это не позволило развить китобойное дело в России и привело его в конечном итоге к полному упадку. С 1905 по 1917 гг. организованного русского китобойного промысла практически в России не существовало.

Петров И.Б.
Уссурийский гос.пединститут

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА В СОБЫТИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ЯНВАРЬ - СЕНТЯБРЬ 1920 Г.)

В начале 1920 г. на русском Дальнем Востоке создалась политическая ситуация, когда наметилась возможность к общественному согласию и государственному строительству на общенациональных принципах. Ситуацию определяли два обстоятельства:

военно-политическое поражение правобуржуазных группировок и сохранявшаяся угроза иностранной интервенции, с возможностью перерастания в оккупацию. Осознание русской общественностью и политическими организациями необходимости предотвратить предполагаемый захват Японией юга Дальнего Востока усиливало роль патриотического фактора. Перед населением юга Дальнего Востока стал вопрос о выборе не между политическими силами внутри России, а выбор между своей страной и иностранными государствами.

Уже 27 января 1920 г. резолюция Владивостокской городской думы прямо обращалась ко всем русским гражданам, от рабочего и крестьянина до домовладельца и предпринимателя, от солдата до офицера, от монархиста до анархиста, с призывом, хотя бы перед лицом грозящей внешней опасности забыть свои отдельные классовые и групповые интересы, свои партийные распри и ссоры, и "в едином национальном сознании русских людей противопоставить себя, как единую силу, возможному иностранному нашествию, помня о том, что с прекращением гражданской войны отпадает последний предлог для интервенции".

Патриотические начала особенно проявились после вероломного вооруженного выступления японских войск в Приморской области 4-5 апреля 1920 г. Своеобразие момента заключалось в том, что интервенты выступили против русской власти в лице Приморской областной земской управы, поддержанной большинством местного населения и политических партий. Такое пренебрежительное отношение к существовавшей власти вызвало в обществе настроения в ее поддержку и защиту. Так, Ольгинское уездное земство выразило категорический протест против преступных действий японского командования, вылившихся в "подлое убийство русских граждан, в разоружение русских войск, занятие правительственных, общественных учреждений, массовые аресты и прочие преступные деяния, проводившиеся под японским флагом и до глубины души возмутившие русское население".

Когда 7 апреля 1920 г. представители русской власти впервые с момента выступления японцев появились на центральной улице Владивостока, тысячи людей встречали их криками "ура", Национа-

льное оскорбление способствовало консолидации различных общественно-политических сил. Впервые за годы гражданской войны на Дальнем Востоке на похоронах партв 4-5 апреля во Владивостоке рядом выступали коммунист и священнослужитель, причем лейтмотивом их речей был призыв к объединению.

Выступление японцев явилось сильнодействующим средством объединения. Перед массами населения это выступление представлялось однозначно оголтелым фактом насилия, грубым торжеством чужеземной военщины. В результате, престиж Японии был подорван окончательно, а вместе с этим в глазах общественного мнения были дискредитированы те русские политические группировки, которые, опираясь на Японию, претендовали на утверждение своей власти на Дальнем Востоке. Их действия классифицировались как измена стране.

Высокие патриотические качества были проявлены в отстаивании национальных интересов и в тот момент, когда в июне 1920 г. русские власти объявили о реформе денежной системы. Ее цель заключалась в защите русской валюты на территории Приморской области и содействии упорядочению и оздоровлению хозяйственно-экономической жизни края. Все слои населения призывались на защиту авторитета и достоинства руководства, в лице Временного Правительства Дальнего Востока - Приморской областной земской управы, собственных коренных интересов и денежной реформы, как одного из главнейших условий для сохранения региона за Россией. Ради отстаивания национальных интересов граждан призывали идти на партвы, объявив бойкот иностранным товарам, в ответ на попытку японских и китайских резидентов объявить бойкот русских денежных знаков и прекратить розничную и мелкооптовую торговлю в области. Июльская забастовка иностранных торговцев потерпела неудачу, столкнувшись с организованностью и стойкостью дальневосточников.

Четыре с половиной месяца, с 6 июля по 19 октября 1920 г. Приморская область существовала на свои кредитные билеты. Важной составной частью обеспечения приморского рубля было не только золотое и серебряное обеспечение. Можно согласиться с утверждением писателя-историка Н.Наволочкина, что в борьбе с японской иеной приморский рубль выстоял, пусть и короткий срок, лишь благодаря поддержке широких слоев населения, его неприятия интервентов. Составной частью обеспечения рубля была любовь дальневосточников к родине и готовность защищать ее. Возрожденное в такой мере чувство национального достоинства означало нравственный крах идеи иностранного вмешательства во внутренние дела России.

Безрезультатными оказались попытки японского военного командования провести благотворительные акции по раздаче продовольствия летом 1929 г., и, таким образом, вызвать положительную реакцию у населения. Железнодорожники, учительство, почтовые служащие, милиция и другие трудящиеся городов Приморья отказались от унизительных и оскорбляющих национальные чувства подарков.

Наивысшим политическим результатом национального единения на юге Дальнего Востока в 1920 г. явилось образование коалиционного правительства. 18 мая 1920 г. в состав правительства вошли представители левых и умеренных социалистов, а также цензовой буржуазии. Тогда же лидер "сменовеховцев" Н.Устрялов подчеркивал, что население Дальнего Востока определенно выступало за прекращение гражданской войны и восстановление связи с Россией. Опыт приморской коалиции был редким фактом подобного сотрудничества в пределах страны в революционные годы. Сам по себе факт имел огромное значение, доказывая возможность сочетания, в цивилизованных рамках, интересов противоположных политических течений.

Патриотические начала выступали решающим условием совместных действий политических партий и движений на юге Дальнего Востока в январе - сентябре 1920 г. Таким образом вектор нравственного состояния общества, в целом, был направлен в сторону гражданского единства и примирения, а также отстаивания национальных интересов.

Позняк Т.З
Институт истории ДВО РАН

СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИВОСТОКА В КОНЦЕ 70-Х ГОДОВ XIX В.

Структура занятости горожан является одной из важнейших характеристик состояния городской экономики. Попробуем на примере Владивостока конца 70-х годов XIX в. посмотреть, чем занимались жители дальневосточных городов, какие занятия составляли основные сферы приложения их труда на этапе становления городской экономики.

Поскольку дореволюционная статистика, учитывая сословный состав населения, редко уделяла внимание структуре занятости населения, невозможно точно установить число горожан, занимавшихся тем или иным видом деятельности. Однако можно гипотетически попытаться построить модель, отражающую основные тенденции в структуре занятости населения на основе статистических данных о численности промышленных предприятий, ремесленных и торговых заведений, свидетельств современников описываемых событий.

Общее число жителей Владивостока в 1879 г. составляло 8837 чел. Дворян и чиновников, которых отчасти можно учитывать как лиц, занятых административной деятельностью, в составе населения было 4,2%. Часть из них, возможно, была занята в области образования и др. Военные на службе - 36%. Отставные военные и отпускные нижние чины составляли еще 6% городского населения. На долю собственно городских сословий (приписанные к городу группы и мещане) приходилось всего 2%. Прочие русскоподданные, представленные крестьянами, сельно-каторжными, поселенцами и финляндскими уроженцами, составляли еще 5% городских жителей. Спецификой Владивостока было наличие большого числа иностранных подданных. Их доля была равна 46,8% (в том

числе 39,4% китайцев).

Теперь попытаемся выделить группы лиц, занятых в промышленности, ремесле, торговле, промыслах и других областях.

Промышленность. Незначительная часть городских жителей была занята на казенных предприятиях. На механическом заводе и кораблестроительных мастерских в 1878 г. работало постоянных мастеровых 93 чел. и временных мастеровых 34 чел. Кроме того, по мастерским механического завода были распределены 34 мальчика в качестве учеников (в основном, дети сельнокаторжных и поселенцев). Из Сибирского флотского экипажа присылались нижние чины также в качестве портовых учеников. При этом необходимо учесть, что отсутствуют данные об управленческом персонале, инженерных кадрах, работавших на казенных предприятиях.

Во Владивостоке в 1879 г. работало 5 кирпичных заводов с суммой годового производства 17000 руб. и 3 кожевенных с производством на 5000 руб., а также небольшой пивоваренный завод. Если судить по сумме производства заводы были очень небольшие, использовавшие ручной труд. Паровая мельница Линдгольма, только что построенная, в 1879 г. не работала. Число рабочих на этих предприятиях в виде гипотезы можно представить около 80 чел. Таким образом, общее приблизительное число рабочих в промышленности составляло около 240 чел. т.е. 2,7% от численности городского населения.

Торговля. О численности жителей города, занимавшихся торговлей отчасти можно судить по количеству свидетельств на право торговли, которых было выдано 169. Торговых же заведений насчитывалось около 215. При этом надо учитывать, что в каждом заведении работало не по 1 чел., и кроме того множество китайцев в городе вели мелочный торг, не имея разрешений на право торговли. На основании этих данных можно предположить в виде гипотезы численность, занятых в сфере торговли, приблизительно равной 400 чел., тогда их доля в составе городского населения будет 4,5%.

Ремесло и сфера обслуживания. Нужды горожан обслуживали 35 ремесленников, в том числе: 4 портных, 7 кузнецов, 2 бондаря, 3 столяра, 17 пекарей, 2 часовщика, при них работали 87 подмас-

терьев. Во Владивостоке имелось также 2 фотографа. Приезжие могли остановиться в двух гостиницах и отеле, который содержал французский подданный. Если предположить, что каждая гостиница обслуживалась хозяином и его семьей при минимуме наемных работников, то к вышеуказанному числу ремесленников можно добавить еще 10 чел. Говоря о сфере обслуживания, необходимо также упомянуть о трактирных заведениях, которых в городе было 8, а также 2 буфета при театре и клубе и экипажная столовая. Имеющиеся сведения позволяют считать численность, занятых в ремесле и сфере обслуживания, приблизительно равной 160 чел., что составит около 2% горожан.

Промыслы, строительство, поденщики, прислуга. Невозможно учесть даже приблизительно численность горожан, занятых в этих видах деятельности, из-за отсутствия каких-либо статистических данных. Но описания Владивостока конца 70-х годов XIX в. дореволюционными авторами позволяют судить о существовании данных сфер приложения труда и категориях горожан в них занятых. Например,, ссыльнопоселенки, которых в городе в 1879 г. было 190 чел., занимались стиркой белья, состояли прислугой, ключницами и др. Шкиперский промысел находился исключительно в руках китайцев, которые также занимались извозом, трудились перевозчиками и поденщиками в порту.

В строительстве была занята, по-видимому, небольшая часть горожан. Хотя к 1879 г. в городе было построено уже 590 домов, необходимо учитывать, что казенные здания, недвижимость, принадлежавшая офицерам и чиновникам, нижним чинам на службе и в отставке (составлявшие около 80% всех строений в городе) строились большей частью руками нижних чинов. Частные же постройки купцов, мещан, иностранных подданных европейского происхождения, на строительство которых, возможно, использовали наемных строительных рабочих, составляли около 10% городской недвижимости.

Необходимо также отметить, что некоторая часть горожан занималась сельскохозяйственными и морскими промыслами, которые ориентировались в значительной своей части на рынок. Сенокошением,дровяным промыслом занимались в основном мещане. Китайцы и финляндские уроженцы занимались огородничеством и поставляли на рынок овощи. Морские промыслы (рыболовство, заготовка и поставка в Китай морской капусты) являлись почти исключительно занятием китайцев.

На основании имеющихся данных об основных занятиях жителей Владивостока в конце 70-х годов XIX в. можно судить, что в этот период нарушается соответствие между сословным составом городского населения и отраслевой структурой его занятости. Городские сословия составляли только 2% населения Владивостока. Приблизительный подсчет, основанный отчасти на гипотетических данных, дает около 10% населения, занятого в торговле, ремесле и промышленности. Численность горожан, работающих в строительстве, промыслах, в качестве прислуги и т.д., возможно, составит более значительную величину. При этом военные составляли 36% населения города. И это свидетельствует о том, что к 1879 г. Владивосток хотя и приобретает черты городского поселения, но существование и жизнедеятельность его еще в большой степени связаны с размещением здесь главного порта на Тихом океане и наличием значительного воинского контингента, вокруг которых и концентрируется все увеличивающееся гражданское население.

Прозорова Г.В.
Институт истории ДВО РАН

ПЕРВЫЙ ЕПИСКОП ВЛАДИВОСТОКСКО-КАМЧАТСКОЙ ЕПАРХИИ ЕВСЕВИЙ (НИКОЛЬСКИЙ)

"Никакой подвиг не может быть великим, если он не приносит пользы другим" - так сказал Святитель Иоанн Златоуст.

Вся жизнь первого епископа основанной в 1899 году Владивостокско-Приморской епархии Владыки Евсевия была воплощением этого завета. По самоотверженной жизни своей, отданной всецело Бо-

гу и служению ближним, по громадной нравственной силе и цельности своей личности - это один из самых значительных людей нашей эпохи.

Архиепископ Евсевий, в миру Евгений Иванович Никольский, родился в 1860 году в семье бедного тульского священника. Образование получил в местном духовном училище и семинарии, а затем в Московской духовной академии, курс которой окончил со степенью кандидата богословия в 1885 году, после чего был направлен в Могилевскую епархию, где прослужил на духовно-учебном поприще 8 лет.

3 августа 1893 года согласно прошения был пострижен в монашество под именем Евсевия. 5 августа того же года новопостриженный инок был рукоположен в сан иеродиакона, а 6 августа - во иеромонаха. 11 сентября того же года он был назначен в состав Духовно-Цензурного Комитета Санкт-Петербурга с возведением в сан игумена, а затем архимандрита. но едва успел прибыть к месту своего назначения, как 18 октября был определен на должность ректора Иркутской духовной семинарии. В Иркутске архимандрит Евсевий помимо ректорства и преподавания в семинарии принимал участие и в других епархиальных делах: был редактором Иркутских Епархиальных ведомостей, председателем Епархиального Училищного Совета, деятельным членом Иркутского Миссионерского Общества.

24 января 1897 года о.Евсевий был хиротонисан во Епископа Киренского, викария Иркутского епархия. А 26 января того же года Преосвященный Евсевий был назначен на самостоятельную кафедру Епископа Благовещенского, Курильского и Камчатского. 4 февраля 1898 года новый Владыка прибыл в Благовещенск и вступил в управление епархией.

1 января 1899 года состоялось назначение Владыки Евсевия первым архиереем учрежденной епархия Владивостокской и Камчатской. З а 20 лет пребывания на этой кафедре Владыка немало потрудился на пользу этой обширнейшей и отдаленнейшей окраины России. Служение его совпало со временем усиленного заселения и освоения края. Именно этот край нуждался в усиленном духовном просвещении.

Новая епархия занимала территорию в 1 200 000 кв.верст. В ней насчитывалось 69 церквей. Священников недоставало. 1/3 приходов пустовала.

Однако уже через год заработали Духовная Консистория, Попечительство о бедных, Епархиальный училищный Совет, Епархиальный Комитет Православного Миссионерского Общества.

Зная по собственному опыту какое воспитательное значение для народа имеют храмы Божии и училища, Владыка Евсевий обратил в первую очередь свое просвещенное внимание на построение их. Но не легко было осуществить это желание на деле. Этому препятствовали и разбросанность населения на огромных пространствах, и скудность средств на постройку, и недостаток учителей и священников, а также множество других причин. Однако любовь пастыря к своему делу все преодолела и при его старании и участии было построено и освящено свыше 170 храмов и более 100 школ.

С целью привлечь духовенство к делу религиозно-нравственного просвещения народа начиная с 1903 года, Владыка регулярно созывал епархиальные съезды. В том же году по его инициативе было начато издание Владивостокских епархиальных ведомостей. В типографии Свято-Троицкого Шаковского монастыря с его благословения печаталась и распространялась духовная литература. "Отрадно констатировать, - писали в 1913 году "Владивостокские епархиальные ведомости" - что далекая Владивостокская епархия в деле распространения листков религиозно-нравственного содержания и окормления народа печатным пастырским словом опередила чуть не все епархии Империи.

Одним из основных направлений деятельности правящего архиерея было миссионерство, ибо епархия была населена тогда многочисленными инородцами-язычниками. Благодаря Владыке Евсевию по всей епархии были созданы миссионерские станы, для научения ведению миссионерской работы открыты катехизаторские курсы и школы. Здесь учили не только Слову Божию, но и преподавали уроки рационального ведения хозяйства. С целью проповеди христианства в 1908 году было создано Православное Камчатское Братство.

Не жалея здоровья и сил Владыка Евсевий регулярно объезжал

всю свою огромную епархию, причем никакие трудности не могли воспрепятствовать ему посещать церковные приходы даже на Камчатке и Сахалине; его не страшили ни бурное море, ни быстрые реки, ни топкие болота, ни горы высокие, ни леса дремучие... Все преодолевала любовь к вверенной ему Богом пастве.

Благодатное служение Владыки Евсевия было высоко оценено Священноначалием Русской Православной Церкви: В 1906 году он был хиротонисан во архиепископа. Высочайше был награжден орденами Св.Анны I степени и Св. Александра Невского.

В ноябре 1912 года архиепископ Евсевий был вызван в Москву для участия в прославлении Святого Патриарха Ермогена.

В 1917 году он участвовал в делиях Всероссийского Освященного Церковного Собора, после чего в 1918 году возвратился во Владивосток, но вскоре получил назначение в состав Священного Синода при Святейшем Патриархе, для чего вновь выехал в Москву.

По окончании срока присутствования в Священном Синоде, не имея возможности по причине прекращения сообщения по железной дороге во время катаклизмов гражданской войны возвратиться домой, Владыка Евсевий был назначен временно управлять Смоленской епархией.

Не только на далекой окраине России, но и в Москве по достоинству оценили доброго архипастыря: в 1920 году Святейший Патриарх Тихон избрал его своим намастником с возведением в сан митрополита поручив управление Московской епархией, имеющей 12 викариев, и председательствование в Священном Синоде. Столь высокое назначение митрополит Евсевий принял как временное, с условием, что при первой же возможности ему будет предоставлено право вернуться в свою родную, основанную им Владивостокскую епархию.

"Очень жаль, - писал митрополит Евсевий, - что не пришлось мне возвратиться домой во Владивостокскую епархию. Здесь я чувствую себя не дома, а как бы гостем. Одно утешение: уж очень хороший человек Святейший Патриарх Тихон и быть вместе с ним великое счастье. Отношение москвичей ко мне самое доброе и хорошее; одно скверно, что до сих пор я очень скучаю по Дальнему Востоку и хотел бы возвратиться туда, но да будет на все воля Божия"

Но не суждено было Первосвятителю Владивостокско-Камчатской епархии возвратиться: 2 февраля 1922 года митрополит Евсевий скончался.

Заупокойное богослужение совершил сам Святейший Патриарх Тихон со всеми находящимися в Москве архипастырями в храме Христа Спасителя. Погребение было совершено в Новодевичьем Богородицком монастыре близ храма с северной стороны.

Семенова Р.Д.
Уссурийский гос.пединститут

ХРИСТИАНСКИЙ "РЕАЛИЗМ" К.Н.ЛЕОНТЬЕВА

Вера в Бога была единственной верой самобытного русского мыслителя, пророка - пессимиста К.Н.Леонтьева (1831-1891). Его подлинное обращение к православию произошло в 1871 г., уже в зрелом возрасте, после глубокого духовного кризиса, вызванного тяжелой болезнью. К концу жизни К.Леонтьев стал монахом. Однако первый период жизни писателя был мирским, эстетствующим, по его собственным словам, "утонченно-грешным".

Выдающиеся русские философы и первые исследователи творчества Леонтьева находили в его мировоззрении очень разные и весьма неблизкие черты: ницшеанство, гуманизм эпохи Возрождения, элементы католицизма и даже изрядную долю ислама. Бытовало мнение о вымученности и искусственности его христианства, а некоторые даже подозревали проповедника православия в безбожии. Но все же все биографы и исследователи единодушны в определении ведущего мотива мировоззрения К.Леонтьева - "страха Божьего".

"Страх Божий" К.Леонтьева - это не светлое чувство, неотделимое в русском православии от любви к Богу, а роковой, метафизический испуг. Страху перед именем Божиим должно предшество-

вать "смирение ума, презрительно относящегося не к себе только одному, но и ко всем другим, даже гениальным человеческим умам, беспрестанно ошибающимся". Смирение собственного ума перед церковными догматами происходило не без насилия. Ему, воспитанному в иной жизни, многие духовные авторитеты представлялись абсурдными. Тем с большей настойчивостью, вопреки внутренним протестам, он подчинялся им. Вера не мыслилась без постоянного мученического обуздания духа и плоти. Идея насилия приобретала в воззрениях Леонтьева самодовлеющий характер. Насилие лишалось его сокровенного смысла, с него как бы снимался свойственный русскому православию ореол подвига духа. Не случайно образцом настоящего христианства писатель считал монашество и особенно старчество на Афоне, это "море голода и умания, усталости и насильственной молитвы".

Другой особенностью религиозных представлений К.Леонтьева была идея личного спасения души. "Страх Божий" именно за себя, за свою вечность, а не за все человечество, в то время как для большинства русских была характерна прежде всего жажда всеобщего спасения. Идея личного спасения у Леонтьева совершенно игнорировала земное бытие как подготовку к спасению. Его мысли и чувства были обращены исключительно к Богу и загробному миру.

Понятия земной любви, альтруизма почти отсутствовали в вероучении Леонтьева. О необходимости "творить дела любви" говорилась лишь постольку как о плате на земле за блаженство в загробной жизни. Леонтьев был убежден, что любовь является плодом страха: будет страх, альтруизм не сам собой приложится. Будучи безоговорочным защитником суровой иррациональной веры, он подвергал резкой критике проповедь христианской любви в творчестве Л.Н.Толстого. Если Толстой, придерживаясь распространенного взгляда, связывал христианство прежде всего с добротой и любовью, то Леонтьев считал эти природные человеческие качества скорее вредными и опасными. Человеколюбие, по его мнению, нуждается в постоянном контроле ума, так как в нем изначально заложены антихристианские атеистические мотивы. Коренное отличие гуманности от христианства усматривалось в простоте первой, ее однозначной устремленности к счастью и полному уничтожению стра-

даний на земле. "Историческая" аргументация критических рассуждений Леонтьева сводилась к отождествлению толстовской проповеди с западноевропейским просветительством XVIII в. и последующими чреватыми революциями потрясениями либерально-прогрессистскими иллюзиями.

С еще большей непримиримостью отвергал Леонтьев космополитическое пророчество Д.М.Достоевского о всеобщем примирении и единении всех народов в правде и любви. Пророчество великого писателя-моралиста осуждалось как ересь и святотатство. Нет, возражал Леонтьев, "не полное и повсеместное торжество любви и всеобщей правды на этой земле обещают нам Христос и его апостолы, а, напротив того, нечто вроде нашумевшей неудачи евангельской проповеди на земном шаре..."

К.Леонтьев настойчиво подчеркивал "реализм", суровую правду своих христианских воззрений, противопоставляя их мечтательному, тенденциозному, теологически неоправданному "новому разовому христианству" Толстого и Достоевского. Христианство Леонтьева было окрашено в самые мрачные тона. Истоки его следует искать в традициях греческого первозданного аскетического православия.

Пессимизм русского мыслителя носил тотальный характер. С христианских позиций отрицалась сама возможность переустройства общественных отношений. Его отталкивал всякий радикализм, независимо от его буржуазной или социалистической направленности, одинаково враждебных подлинной духовности. Леонтьев напророчил передовому человечеству испытать "горечь социалистического устройства". Он угадал приближение эпохи "атеистического мракобесия" и последовавший за ней глубочайший духовный кризис. Выход из кризиса, естественно, мыслился только как примирение с религией: "Пока религия жива, все еще можно изменить и все спасти..."

Семенова Р.Д., Гнатовская Е.Н.
Уссурийский гос.пединститут

ПУБЛИЦИСТЫ "ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК" О ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЕ 1864 ГОДА.

Первое десятилетие существования земских учреждений не отличалось ни их общественной активностью, ни тем более политической направленностью.

Периодическая печать в целом достаточно трезво оценивала первые результаты земской реформы 1864 г. О слабости земства, его материальных трудностях, равнодушии земских гласных к своему делу писали в конце 1860-х - начале 70-х гг. как противники реформы, так и ее защитники.

Важным источником для выяснения общественных настроений в земском вопросе является публицистика "Отечественных записок". Сотрудники одного из лучших журналов переформенной поры принадлежали к разным течениям общедемократического движения. Соредакторами Н.А.Некрасова и одновременно ведущими публицистами были известный своей бескомпромиссностью М.Е.Салтыков-Щедрин и не столь последовательный в своем демократизме Г.З. Елисеев. В одни и те же годы в "Отечественных записках" постоянно или эпизодически сотрудничали близкий к революционным народникам Н.К.Михайловский, "искровец" Н.А.Демерт, умеренный либерал, буржуа-просветитель Ф.П.Еленев (Скалдин), колеблющийся стихийный демократ Д.Л.Мордовцев и многие другие журналисты, независимо от того, придерживались они народнической, буржуазно-просветительской или "смешанной" ориентации.

Одним из первых высказался по земскому вопросу горячий поборник самоуправления Скалдин, посвятивший земству заключительные очерки цикла "В захолустье и в столице" (1867-1869). Разоблачая откровенно помещичий характер реформы 1861 г., он вместе с тем более всего опасался, что безвыходность положения может породить среди крестьянства антидворянские настроения. По его мнению, благоразумнее прекратить толки о вражде сословий и объединиться в земстве вокруг общего дела укрепления "порядка и законности в кругу сельской жизни". Реальное же преобладание в земских учреждениях дворянского сословия представлялось Скал-

дину явлением временным, в первую очередь вызванным поголовным невежеством русского крестьянства и "большинства среднего класса". Кроме того, публицист не сомневался в том, что среди дворянства немало тех, кто искренне заинтересован в предоставлении крестьянству гражданских и политических прав.

Своеобразным ответом Еленову-Скалдину стали другие материалы журнала за тот же год (1869). Самыми яркими среди них были "Письма из провинции" Салтыкова-Щедрина и "Наши общественные дела" Демерта. Салтыков-Щедрин с самого начала скептически воспринял земскую реформу. Поэтому он касался этой проблемы бегло, усматривал в ней лишь повод для критики, в частности, взглядов автора брошюры "Голос из земства" (1869) А.И.Кошелева. Если Кошелев уповал на "великолепное свойство" русского народа "не понимать зла и соединяться", то Салтыков-Щедрин, напротив, верил в то, что крестьянство не забудет "зла" крепостничества и извлечет из прошлого урок. В отличие от Салтыкова-Щедрина, Демерт специально изучал земское дело. В центре его внимания находились и бесправие земства, и непомерная тяжесть земских сборов для крестьянства и отказы дворян платить эти сборы и многие другие факты своекорыстной дворянской политики в земстве. Злоупотребления помещиков своей новой властью давали основание для вывода о сословном характере местного самоуправления: " ни дать ни взять старых времен помещик в халате из термоламы, с длинным чубуком в одной руке и с кнутом в другой". Выход из существующего положения Демерт видел в политическом просвещении масс, осознании ими того, что "не следует в старые промозглые меха вливать вино новое".

Иной подход к земскому вопросу наблюдаем в очерковом цикле "Десятилетие русского земства" (1875-1876) Мордовцева и ежемесячных "Внутренних обозрениях" Елисеева. У этих авторов нередко встречаются типично либеральные оценки земства как органа народного представительства, основы будущего парламентаризма. В духе либералов они видели в просвещении крестьянства путь к сотрудничеству, а не разжиганию классового антагонизма. Оба публициста также верили в саму возможность преобразования зем-

ских учреждений в рамках "Положения" 1864 г.

С присущей ему эмоциональностью Мордовцев признавался, как расстраивали его нервы "до болезненности" ночные бдения над целыми горами земских отчетов, в "миллионах жалких цифр" которых он искал "какого-то неведомого спасения для народа". Обращаясь к безапелляционным критикам земства, публицист замечал: "Где лучше?... Лучше - нигде, а хуже - везде". Предсказывая земству будущее, Мордовцев наивно исходил из постепенного пополнения собраний и управ представителями крестьянства. Не без усилия, в глухой провинции выискивал он земства с преобладающим числом крестьян, мало смущаясь тем, что "крестьянскими" были особенно бедные земства. Особенно воодушевляли автора "Десятилетия" такие факты, как земская школа с ее учительницами-подвижницами и редкие земские деятели из богатых крестьян, за свой счет открывавшие школы для детей своего "брата-крестьянина".

Хотя оценки Елисеевым перспектив земства и не были столь восторженными, все же именно с деятельностью земских учреждений связывал он осуществление таких заветных своих желаний, как спасение общины, поддержка народных промыслов, борьба с капиталистическим хищничеством, улучшение положения сельскохозяйственных рабочих и пр. При этом и Елисеев, и Мордовцев пропагандировали идейное, бескорыстное служение в земстве. Елисеев даже наивно полагал, что распространению альтруизма среди земцев способствовать уничтожение в земских управах должностей с большим жалованьем.

Примечательно, что Мордовцев, предвосхитивший еще в конце 60-х гг. "хождение в народ" революционных народников, в числе первых же начал отстаивать с середины 70-х гг. целесообразность скромной малозаметной деятельности на земской ниве. Страницы его очерков так и пестрят успокоительными выражениями: "Скоро помочь горю нельзя"; "не все же разом"; "что же делать, когда нас история посадила в стакан воды"; "дело веков исправлять нелегко" и т.п.

Намеченная публицистами в самых общих чертах программа

явилась во многом предвидением широкой культурнической деятельности земской интеллигенции в 80-90- гг. Один из культурников, земский статистик А.В.Пешехонов назвал это движение "хождением в земство". Одновременно с конца 70-х гг. оформляется земский либерализм как политическое течение. Однако культурники и в целом представители " третьего элемента" важной роли в движении земских либералов не играли.

Сердюк М.Б.
Дальневосточный гос.
университет

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (1858-1917 ГГ.).

Дальневосточный регион позднее других территорий вошел в состав Российской империи. Правительство сразу приняло меры для заселения новоприобретенных земель русскими подданными, преимущественно восточными славянами: русскими, украинцами, белорусами. С первых лет освоения Дальнего Востока переселенцы различались не только по этническому, но и по конфессиональному признаку.

В 60-е годы XIX века переселение носило принудительный характер. На линию русско-китайской границы переселялись казаки из области Войска Донского, с Урала и из Забайкалья. В край были сосланы молокане идуховоры. Этот этап традиционен для всех колоний: в любой части совета первыми новые земли осваивали военные, ссыльные, каторжные и изгои общества.

После принятия "Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири" (1861) поток переселенцев возрос. Наряду с православными из централь-

ных губерний, духоборы из Енисейской губернии. В эти годы формируются и небольшие, по сравнению с другими конфессиями, общины хлыстов, скопцов и прыгунов в Амурской области.

С 1882 по 1900 год действовал закон о переселении крестьян за казенный счет. Подавляющее число переселенцев этих лет - украинцы православного вероисповедания. Но были и последователи штундо-баптизма из южно-русских и малороссийских губерний. Очень небольшую часть переселенцев составили католики: крестьяне из Могилевской губернии и ссыльные поляки. Доля старорусского сектантства и старообрядчества среди переселенцев в этот период незначительна. Сектантство укрепляло позиции активно привлекая в свои ряды православных переселенцев.

В начале 20 века по-прежнему среди переселенцев преобладают православные. Лишь после принятия акта о веротерпимости весной 1905 года активизируется переселение старообрядцев различных толков и сектантов. Предпринимаются попытки массового переселения на Дальний Восток зарубежных старообрядцев. В 1910-1911 годах в Приморской области оформляются общины адвентистов седьмого дня. К 1912 году в Амурской области была образована архиерейская кафедра для дальневосточных старообрядцев, принявших австрийскую иерархию. Большое влияние приобретает баптизм, ему удается потеснить старорусское сектантство. Значительная часть молоканской и духоборческой молодежи примыкает к баптистским общинам.

Поликонфессиональными были на Дальнем Востоке все слои общества. Интересно отметить, что уссурийское казачество, которое как и казачество в целом, зачастую преподносится в публицистике одним из столпов православия, не было моноконфессиональным. Среди выходцев из оренбургских и донских казаков были приверженцы различных согласий старообрядчества. С начала 20 века в казачьей среде получает распространение учение евангельских христиан и баптистов. На Дальнем Востоке к казачьему сословию принадлежали эрудированные и активные баптистские пресвитеры в первые десятилетия проводившие на публике и в печати дискуссии с православным духовенством.

По самым скромным подсчетам славянское население Дальнего Востока в 1916 году принадлежало более чем к 10 конфессиям: православные, католики, баптисты, старообрядцы, молокане, евангельские христиане, скопцы, прыгуны, хлысты, субботники, духоборы. При этом ряд конфессий имел более дробное деление. Так, у дальневосточных старообрядцев насчитывалось не менее четырех согласий, молоканская община разделилась в начале 20 века на два течения. Но не смотря на разнообразие конфессий в регионе, серьезных конфликтов на религиозной почве не возникало.

Супрунова Е.П.
Дальневосточный гос.
технический университет

К ВОПРОСУ О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Национальный характер как часть общественного сознания детерминирован экологическим (природа и климат ареала этносов), биологическим (физический антропологический тип, темперамент и т.д.), культурно-историческим факторами. В комплексе они воздействуют на формирование национальной психологии. Но она не уловима, если не объективирована в продуктах культуры. "Психология народа - это его культура" (Р.Бенедикт).

Специфика культурно-исторического развития России и русской нации обусловлена, в первую очередь, геополитическим положением страны и связанным с ним характером этногенеза великороссов как культурно-этнического ядра государства. У истоков древнерусской нации, в ареале ее формирования стояли восточные славяне, балтийские этнические группы, племена североиранской, угро-финской и тюркской языковых групп, консолидация и ассимиляция которых символизировали синтез культур Запада и Востока,

Севера и Юга.

Полиэтническая основа великорусской народности обеспечила свойственные психологии этноса открытость миру, готовность к познанию и восприятию других культур. "Нам внятно все - и острый галльский смысл и сумрачный германский гений" (А.Блок). Ярко воплотились эти черты в самобытных архитектурных образах Киевской Руси, русском барокко Москвы ("нарышкинском") и Петербурга Растрелли.

Многослойность культурно-этнической почвы великороссов в комплексе с другими эколого-культурно-историческими факторами определили и наиболее существенную черту - антиномичность, полярность, пронизывающие национальное самосознание. Именно противоречивость русской натуры дала основание к появлению феномена "загадочной русской души".

Формируясь в условиях стихий реки, леса и степи, древнерусская народность сполна испытала на себе их влияние. Вокруг двух водных путей "из варяг в греки" и "по Волге-матушке" и образовалась, собственно, Земля Русская. Великая русская река Волга издавна вдохновляла русских людей на создание истинных шедевров национального фольклора. Велико было и воздействие степи на великоросса как источника постоянной опасности со стороны кочевников. Вместе с тем, степь, символизирующая широту и беспредельность, способствовала рождению свободолюбия, великодушия и в то же время мечтательности, медлительности, способности к созерцанию. В специфических русских связанных со степью понятиях " простор", "приволье", "раздолье" запечатлелись характер, душа русского народа - "без руля и без ветрил".

В условиях труднодоступной лесной глуши у человека вырабатывались осмотрительность, выносливость, терпеливость, являющие собой полную противоположность широте и безоглядности натуры. "Смотри в оба", "Не зная броду, не суйся в воду", "-учат русские пословицы, являющиеся одной из ранних форм духовно-практического освоения мира.

В континентальном климате средней полосы России, отличающемся мягкой, но короткой летом и сравнительно долгой и холодной зимой, великоросс привыкал работать напряженно и скоро, а потом - долгое время отдыхать. Отсюда берут начало такие черты как могучая сила воли в достижении цели, отсутствие чувства меры, недисциплинированность. "Уж гулять, так без оглядки, чтоб ходил весь белый свет. Это - русские порядки, Это - дедовский завет" (стихи Ф.Савинова).

Присущая континентальному климату резкая смена температурных режимов опрокидывала все хозяйственные расчеты земледельца и чрезвычайно затрудняла производство и быт. Именно поэтому русский человек "задним умом крепок". Но его беспечность, бесшабашность, отраженные в широко используемых присловьях "авось", "небось", "ничего", объясняется не только природными условиями. Важную роль сыграли крепостное право, общинный характер земледелия и образа жизни крестьян, большие затраты на внешнюю защиту. Комплексным влиянием эколого-социального фактора сформирована константа российской действительности - отсутствие хороших дорог.

Вместе с тем русская история и культура изобилуют примерами достижений высочайшего уровня и мирового значения во всех сферах общественных интересов, требовавших не только безудержного полета фантазии, душевной щедрости и одаренности, но и рационализма, чувства меры и ответственности. Только в течение 19 "золотого" века русская культура дала миру таких гигантов мысли и духа как Лобачевский и Вернадский, Менделеев и Павлов, Пушкин и Мусоргский, Достоевский и Чайковский, Толстой и Глинка и много других.

Богатейшая одаренность русского народа также связана с присущей ему противоречивостью, "безмерностью в мире мер" (М.Цветаева). Однако, противоречивость русского национального характера - особого рода. Россия как символический мост между различными культурами (и характер ее народа) являет собой скорее единство противоположностей, обеспечивающее, в конечном итоге, цельность национального характера и судьбы. В этом смысле своеобразие национальной психологии отражено в судьбах российской государственности через единство двух полярных тенденций развития. Центробежная тенденция, помимо объективных

обстоятельств, осуществлялась под действием могучей силы воли и свободолюбия раскольников, казачества, осваивавших к тому же бескрайние российские просторы. Центростремительная векторная сила, под знаком которой проходило объединение русских земель, формировала стержневую идею национального самосознания. "Нам Русская земля, что младенец для матери", - утверждала Летопись бережное, заботливое отношение к Отечеству".

Государство - оптимальная, как показала история, форма существования этноса, в которую он стремился себя облечь сначала интуитивно, из чувства национального самосохранения, потом - осознанно. Осознание государственности, державности как стремления к единству освящено и основной идеей православия - идеей соборности. Соборности, понимаемой как единение людей посредством достижения высшей духовности - любви к Богу через жертвенную любовь к ближнему. Среди самых почитаемых православных святынь - храмы, посвященные пресвятой Богородице, защищающей своим Покровом всю Русскую Землю. Пресвятая Богородица в данном контексте является наследницей дохристианского символа языческой веры - Девы-Зори, накрывающей своей розовой фатой русскую з[illegible]млю и оберегающей ее обитателей.

Широчайший диапазон качеств и свойств русского национального характера позволяет, соединив созерцание и рационализм, интуицию и расчет, чувство и слово, достигнуть истинной гармонии в развитии народа и государства и выполнить тем самым особую миссию России. Наша сложная, богатая примерами глубоких падений и высочайших взлетов судьба дает нам все основания для исторического оптимизма.

Суворов В.А.
Иркутский гос.университет

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

НА ВОСТОЧНОМ УЧАСТКЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ

16 мая 1858 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев и хайлунцзянский цзянцзюнь И Шань подписали Айгуньский договор. Он провозглашал левый берег Амура владением России, а правый - до реки - Уссури - принадлежавшим Китаю. Статья II договора отмечала, что "для взаимной дружбы двух государств разрешается взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств".

В июле 1858 года в Благовещенске состоялась встреча Муравьева с фудутуном г.Айгуня Чжирамингой. Последний от имени богдыхана предложил на рассмотрение генерал-губернатора правила приграничной торговли, состоящие из 14 пунктов. Между прочим в них упоминалось о необходимости назначения особых "сборных пунктов" для взаимной торговли, под тем предлогом, что торговля, под тем предлогом, что торговля должна быть под надзором специальных лиц, которые будут за ней следить и устанавливать обоюдные цены. Муравьев, ознакомившись с правилами, отказался их принять, так как считал, что торговля только тогда может успешно развиваться и быть выгодной для обеих сторон, когда она осуществляется свободно, без лишних притеснений и контроля. Поэтому, отмечал Муравьев, нет нужды утруждать чиновников частными делами. Но китайские представители настаивали на своем: они утверждали, что у них так много чиновников и они не знают, чем их занять. Все их доводы и убеждения сводились к тому, чтобы поставить торговлю в зависимость от местной администрации, предоставив ей возможность наживаться за счет местных жителей, занимающихся торговлей.

Кроме этого, Муравьев не соглашался с предложением Чжирамингги о назначении на всем протяжении Амура только лишь одного пункта для торговли и требовал разрешить жителям обоих берегов заниматься свободной торговлей там, где они пожелают, без "всякого стеснения и надзора чиновников". Наконец, после долгих прений, было решено, что на первое время, через каждые восемь дней, будут открываться семидневные ярмарки поочередно в Благо-

веденске и в Айгуне, а жители левого и правого берегов могут беспрепятственно торговать друг с другом на всем протяжении реки.

В конце августа 1858 года Муравьев извещает Чжирамингу о том, что им отдано распоряжение российским пограничным властям принять к исполнению следующие правила поведения и торговли между жителями приграничных районов:

1. Торговля должна быть беспошлинной;

2. При свободной торговле между гражданами чиновники не должны в нее вмешиваться;

3. Справедливым считался только обмен товара на товар, в долг брать запрещалось;

4. Если расчет за товар производился монетами или ассигнациями и среди них обнаруживались фальшивые, то претензии не принимались;

5. Все проживающие на левом берегу деревенские жители не должны были друг друга обижать;

6. Проплывающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари судам запрещалось останавливаться и опрашивать;

7. В случае порчи или кражи товаров каждая сторона производила свое тайное расследование. При поиске виновные наказывались;

8. Не разрешалась торговля запрещенными обоими государствами товарами. В случае нарушения этого правила каждая сторона разбиралась по законам своего государства. Торговля должна быть справедливой, без споров и ссор;

9. Российские граждане имели право перемещаться только по левому берегу Амура, а зимой по льду реки. Ездить по правому берегу им запрещалось;

10. Весь торговый люд съезжался в строго определенное время в назначенное для торговли место. После окончания расторжи все возвращались домой;

11. В случае споров, ссор и притеснений в торговых местах, если виновный гражданин Китая, то он наказывался плетью; если виновный - гражданин России, то его передовали для наказания

российским властям. При совершении преступления преступники наказывались по законам своего государства;

12. Цены на товары были договорными. После совершения торговой сделки жалобы не принимались;

13. Жителям приграничных районов разрешалось приезжать к друг другу в гости;

14. Так как границей являлась река, то ее легко мог перейти домашний скот. В случае обнаружения он возвращался хозяевам. Местным властям все спорные вопросы предстояло решать справедливо и обстоятельно;

15. В Айгуне и Благовещенске в мае месяце каждого года организовывались торговые ярмарки, которые длились ровно неделю.

Местные пограничные начальники были обязаны оказывать особое покровительство всей торговле и людям, ею занимающимся.

С этого времени приграничная сухопутная российско-китайская торговля на Дальнем Востоке до японо-китайской войны 1894-1895 годов являлась основной формой экономических отношений двух сторон, так как со второй половины XIX века Россия приступила к заселению земель Приамурья и Приморья, а Китай усилил колонизацию северо-восточных провинций. В процессе освоения новых территорий и устройства крестьянского быта население этих регионов испытывало недостаток в товарах первой необходимости, в продовольствии и орудиях труда собственного производства. Поэтому взаимовыгодная приграничная торговля между Россией и Китаем облегчала положение населения обоих государств и способствовала ускорению процесса освоения новых территорий.

Хлебникова В.Б.
Дальневосточный гос.
университет

В настоящем сообщении хотелось бы привлечь внимание историков к малоизученному, но интересному периоду жизни известного русского слависта Павла Апполлоновича Ровинского (1831-1916). Заслуги П.А.Ровинского в отечественном славяноведении получили высокую оценку и его современников и потомков. Но до сих пор нет ни одной научной работы, в которой были бы оценены по достоинству заслуги ученого в изучении Сибири и Дальнего Востока. Между тем, даже неполное перечисление тех мест, где был П.А.Ровинский с научной целью, и статей, о Сибире и Дальнем Востоке, опубликованных им в русских журналах, красноречиво свидетельствует о заслугах его в этой области.

Во второй половине 1870 г. П.А.Ровинский отправился в Сибирь с целью этнографического изучения славян на Востоке. Однако не только это стало причиной путешествия. П.А.Ровинский, родственник Н.Г.Чернышевского, близкий друг его семьи, активный участник "Земли и воли" 60-х гг., видимо имел намерение встретиться с Н.Г.Чернышевским на каторге и даже, по предположениям современников, организовать его побег. Историки отечественного революционного движения неоднократно пытались выяснить как обстояло дело. Известно, что П.А.Ровинский был предупрежден комендантом Нерчинских заводов А.Кнохблохом, что если попытается встретиться с Н.Г.Чернышевским, тут же будет арестован. Таким образом, план побега, если он был, не удался.

Первую научную поездку по Сибири П.А.Ровинский совершил в 1870 г., отправившись в Тунку, на Оку до Окинского караула, "где ему пришлось наблюдать цивилизующее влияние русских на местных бурят, из этой поездки он вывез и археологические данные, так как сам производил раскопки". Писатель М.И.Орфанов, вспоминая о своей встрече с П.А.Ровинским на Тунке, писал, что тот собирал и записывал песни и сказки, раскапывал курганы. "На неуспех своих трудов он не жаловался, что, впрочем, следует отнести к его редкой в других ученых способности сходиться с людьми, преимущественно с простым народом", - замечал М.И. Орфанов. Материалы, собранные П.А.Ровинским в Тунке, позже вошли в его статью "Очерки Восточной Сибири".

В 1871 г. П.А.Ровинский совершил поездку на Верхнеангарские пороги. Затем он отправился на р.Илим, оттуда на Лену, к Усть-Кутской пристани. Вернувшись в Иркутск, ученый договорился с Сибирским отделом РГО о поездке, где вел этнографические исследования по рр.Селенге, Хилоку, Чикою, Онону и Аргуни. В сентябре П.А.Ровинский "попал в Кяхту, когда там снаряжали караван в Калган". Он примкнул к каравану и добрался до Урги в Монголии. Позже исследователь присоединился к каравану братьев Бутиных, и, выехав из Кусудутавского караула, побывал в Долон-Норе, Пекине, Тянцзине. Свое путешествие он описал в работе "Из Нерчинска в Китай с караваном в 1871-1872 гг.". В 1872 г. при помощи Сибирского отдела РГО П.А.Ровинский предпринял поездку по Амуру. Он спустился по реке на пароходе "Купец", принадлежавшем П.А.Пахалкову. Пароход по пути следования делал остановки почти во всех населенных пунктах, благодаря чему П.А.Ровинский собрал богатый материал по этнографии и фольклору, часть которого отправил в Сибирский отдел. Ученый добрался до Благовещенска, а затем (по приглашению управляющего Амурской пароходной компанией Шенбека) поднялся на пароходе "Телеграф" по р.Сунгари со Саисина и Бэдуне, по р.Нонни до Цицикара и на лодке по р.Хурхе. "Обратный путь из Манджурии экспедиция совершила по Мудань-далину из Сап-Синь через Нингуту и с.Никольское на р.Суйфун, т.е. по маршруту, до того не пройденному европейцами".

В 1873 г. П.А.Ровинский отправился в Минусинск через Нижнеудинск. Исследуя этот совершенно неизученный край, он собрал сведения о русских и бурятах, проживавших в данном районе. За 1871-73 гг. было опубликовано более 10 работ слависта - отчетов об экспедициях, заметок, рецензий и т.п. "За географические работы, исполненные по собственному почину, но представленные обществу для его издания" П.А.Ровинский был награжден серебряной медалью РГО".

По воспоминаниям Г.Н.Потанина, время пребывания П.А.Ровинского в Сибири совпало с периодом активной деятельности Восточно-Сибирского отдела РГО, возглавленного генералом Софьяно. "Такого оживленного периода в истории отдела не было ни до, ни после Софьяно, - писал Г.Н.Потанин. - Раньше отдел ограничивался

трудами чиновников, офицеров генерального штаба и других лиц, состоявших на государственной службе. В период Софьино появились другие лица. Украшением отдела были сосланные за участие в польском восстании профессора: (зоолог) Дыбовский и (биолог) Чекановский, а также профессор Щапов. Можно выразиться, что в Иркутске тогда возник штрафной университет; у этого университета были и ученики, т.е. молодые люди, которые потом себе составили более или менее видное ученое имя, и которые своим появлением в науке были обязаны этому ссыльному университету". В кругу сибирской интеллигенции П.А.Ровинский пользовался уважением. "Лица, которым пришлось встречаться с Ровинским в Иркутске и слушать его рассказы о своих путешествиях, передавали, что это был превосходный рассказчик ...В кабинетной беседе он поражал богатством и глубиной своих наблюдений, юмором и остроумными догадками. Он импонировал иркутскому обществу своими знаниями и идеалами...". Не даром Н.Г.Потанин считал, что "он напишет (описание) путешествия лучше Шалгунова и других".

В начале ноября 1873 г. П.А.Ровинский вернулся в Петербург, где еще довольно долго занят сибирскими делами. Во-первых, в 1875 г.он познакомился с Н.М.Ядринцевым, названным П.А.Ровинского "пылучей страстной натурой", "любившей Сибирь". П.А.Ровинский, Н.М.Ядринцев, Б.А.Милютин и Ф.Ф.Буссе пытались создать в столице газету "Восток". Во-вторых, в течение 1874-75 гг. выходили работы путешественника о Сибири, Монголии и Китае. Сохранились письма П.А.Ровинского к редактору "Древней и новой России" С.Н.Шубинскому. Из писем ясно, что автор весьма критически оценивал деятельность царской администрации в Сибири, поэтому статьи его сокращались редактором, что ученый протестовал и был готов скорее отказаться от публикации, чем согласиться на выхолощенный вариант своих работ. Вообще же, П.А.Ровинский собирался написать книгу о Сибири, но не смог. Отчасти это произошло потому, что потерялись его материалы, поданные богачом из Иркутска. Отчасти, видимо, потому, что он весной-летом 1874 г. совершил еще одно необычное для того времени путешествие. С группой купцов П.А.Ровинский побывал в Америке (Нью-Йорке и Сан-Франциско). Экспедиция вернулась в Россию через Тихий океан и Амур. К сожалению, пока не обнаружено никаких документов об этом путешествии, кроме писем П.А. Ровинского к друзьям. Подробности этой поездки пока неизвестны, но точно можно сказать, что в последней трети XIX в., такие маршруты были уникальными.

В целом очевидно, что сибирский период жизни П.А.Ровинского был весьма плодотворным, этнографические и лингвистические исследования его, по оценкам современников, были заметным вкладом в отечественное востоковедение. Надеемся, что и современные историки отдадут должное наследие ученого.

Белоглазова С.Б.
Институт истории ДВО РАН

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ СЕРЕДИНЫ 20-Х ГОДОВ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

К середине 20-х годов,когда советское искусство выросло в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние на массы, борьба вокруг вопроса о руководстве этой"формой общественного воздействия" достигла своей кульминации. В этот период и была официально оформлена позиция партийного руководства страны в области искусства.

Радикалы от культуры, группировавшиеся вокруг журнала "На посту" (органа пролетарского литературного движения) попытались покончить с оппозицией, выступив с требованиями гегемонии в организации литературного процесса, за утверждение"власти диктатуры пролетариата в литературе". Они считали, что беспартийная литература не может стать подлинной литературой ре-

волюции. Следовательно, от литературных школ, не придерживающихся линии "На посту", для пролетариата нет никакой пользы.

С деятельностью "непримиримых" связано формирование концепции культуры и искусства в том числе как формы идеологии, отождествление их с идеологией. Данная концептуальная посылка направляла практику взаимоотношений с представителями других литературных течений. Литературная жизнь приравнивалась радикалами к войне, и поэтому вполне правомерным считалось перенести на искусство методы военно-политической, непримиримо-антагонистической социальной борьбы. Претендуя подобным образом на руководство литературно-художественным процессом, "непостовцы" прокладывали путь насильственными методами руководства культурой.

Главным объектом критики радикалов были писатели-попутчики. А так как, по мнению радикалов, в советской литературе не должно было быть аполитичных писателей, да еще настаивавших на свободе творческого самовыражения, радикалы настойчиво добивались того, чтобы партия осудила попутчиков.

Ситуация в дальневосточной литературно-художественной среде в общих чертах была аналогична той, что сложилась в центре. Малочисленные литературные силы, группировавшиеся вокруг местных газет и журналов враждовали друг с другом. Так, Литературно-художественное общество во Владивостоке, в состав которого входили Я.Матвеев, Н.Толпегин, П.Далецкий, Г.Глушаков и другие, подвергалось яростным нападкам со стороны Владивостокской Ассоциации пролетарских писателей. Против попутчиков выдвигались самые разнообразные обвинения. Самым невинным из них было обвинение в "эстетстве", под которым имелось в виду стремление попутчиков к независимому творчеству. Жесточайшему остракизму со стороны местных радикалов от культуры подвергался тогда и В.К.Арсеньев, несмотря на свою известность и поддержку, оказываемую ему руководством Дальревкома. Противостояние в литературно-художественной среде региона не шло на пользу делу. Попытки местных радикалов консолидировать дальневосточных литераторов в духе традиций "На посту", перенеся методы классовой борьбы в искусство, только обостряли ситуацию, откуда не давал

импульса развитию литературного творчества. Показательно, однако, что, что во Владивостокскую Ассоциацию пролетарских писателей так и не пришел, несмотря на все ее претензии говорить от его имени.

В течение 1924-1925 годов в стране шла открытая литературная дискуссия. Разнообразие подходов, выражаемое в литературе попутчиками и радикалами, налагало особую ответственность на поведение и оценки, исходящие от партийно-государственных лидеров. 18 июля 1925 г. Центральный Комитет партии обнародовал свою резолюцию "О политике партии в области художественной литературы". В ней подчеркивалось принципиально важное положение о том, что ни государство, ни партия не должны связывать себя приверженностью какому-либо направлению в области литературной формы и не могут поддерживать какую-либо фракцию в литературе, делая ее государственным литературным направлением. Должно быть свободное развитие, соревнование литературных группировок (идейно-эстетический плюрализм), а не монополия одной группы.

В то же время в документе содержались нюансы, придававшие ему характер двойственности. Так, определившись по отношению к писателям в вопросах организационного характера, авторы документа поддержали идею радикалов об искусстве как продолжении классовой борьбы специфическими методами.

Осудив грубость, комчванство и нетерпимость пролетарских писателей, партия, в конечном счете, все же встала на их сторону, обещав помочь этим писателям достичь гегемонии в литературе.

Таким образом, хотя на первый взгляд и кажется, что постановление 1925 г. и заявило политику нейтралитета и невмешательства партии в дела искусства, на деле оно обозначало поддержку радикалов. В высшем эшелоне власти твердо следовали классовой доктрине, отводившей место интеллигенции среди непролетарских классов и групп. Соответственно ей отводилась и вторастепенная роль в союзе с пролетариатом, а значение литературного творчества определялось не самоценностью этого труда как культурного феномена, но его прикладными возможностями. Литера-

тура рассматривалась как элемент обслуживающий нужды государства и хозяйственного строительства, сугубо направленного воспитания масс, т.е. как средство осуществления политики.

Троицкая Н.А.
Дальневосточный гос.
университет

"ВОДОЧНЫЕ КОРОЛИ" ПЬЯНКОВЫ. ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПРИМОРЬЕ

I. Вторая половина XIX - начало XX вв. в отечественной истории - время удивительное по насыщенности событиями и их значимости. Более конкретное изучение их может быть плодотворным при привлечении биографических данных людей, живших в эту эпоху.

2. Одной из старейших и самых развитых отраслей обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке было винокурение, чему способствовало развитие здесь зернового земледелия и постоянное расширение рынка сбыта. В дальневосточном спиртопроизводстве изначально использовалась паровая техника, которой были оснащены винокуренные заводы Амурской И Приморской областей. Хронологически возникновение крупного фабричного производства спирта на Амуре произошло раньше, в 60-е годы XX в. В Приморье развитие винокурения связано с фирмой братьев Пьянковых.

Михаил (?-1896) и Владимир (1851 - 28.02.1903) Павлиновичи прибыли на Дальний Восток в 80-е годы XX в. из Сибири. К сожалению, более точную информацию обнаружить не удалось. Старший, Михаил, обосновался в Хабаровске, Владимир поселился во Владивостоке и оба занялись винторговлей. Братья получали льготные гильдейские свидетельства, что подтверждает информацию об их происхождении из купцов. По-видимому, у них был определенный опыт организации винокуренного производства. Младший брат, Иннокентий (1855 - 8.II.1911), окончил в 1871 г. Томскую губернскую классическую гимназию, стал студентом и активно включился в революционное движение. Тесная дружба связывала его с известным народником А.А.Квятковским. В январе 1880 г. член народнической организации "Черный передел" Иннокентий Пьянков был арестован за работу в подпольной типографии, осужден и сослан в Иркутскую губернию. 20 сентября 1889 г. ему было разрешено приехать на поселение в Хабаровку. Занимаясь торгово-промышленной деятельностью, И.Пьянков до 1904 г. находился под надзором полиции. Все братья были женаты и имели детей, из которых Виктор Иннокентьевич (5.02.1883 - ?) с 1915 г. возглавил фирму. В клан Пьянковых входил еще один человек - сын А.Квятковского и Екатерины Константиновны Пьянковой-Квятковской - дворянин Александр Александрович Квятковский, который распоряжался делами наследников в 1911-1914 гг. до своего отъезда за границу.

4. Сложнейшей задачей в деле Пьянковых-винторговцев было преодоление конкуренции более сильных благовещенских винокуров Шукиных. Победить их Пьянковы не смогли, но укрепили за собой рынок Приморья и Нижнего Амура. Немалую роль в этом сыграло строительство железной дороги, оживившее экономическую жизнь региона. В 1892- 1894 гг. на купленных 100 дес. земли на р.Сутунихе близ с.Никольского братья Пьянковы построили паровой винокуренный завод, получивший название "Павлиновский". Он был оснащен паровой машиной в 16 л.с. и двумя котлами. В производстве было занято 35-40 рабочих. На строительство было затрачено более 350 тыс.рублей. Склады и лавки торгового дома были практически во всех крупных населенных пунктах Прим[illegible]. К началу первой мировой войны фирма Пьянковых стала крупным предприятием, монополизировавшим торговлю и производство спирта в крае. Пьян-

ковы владели акциями пароходной компании "Бринер, Кузнецов и К", Хабаровской электрической компании, паями винокуренного товарищества А.К.Макарова в Благовещенске, пивоваренного товарищества Ф.И.Вержбовского в Никольск-Уссурийском, товарищества Уссурийского стеклозавода, акциями горнопромышленного общества "Тетюхе" и др. Значительная часть капиталов семьи вложена в недвижимость во всех городах Дальнего Востока. В 1901 г. Владимир владел недвижимостью во Владивостоке (48 тыс.руб.) и Хабаровске (28 тыс.руб.), наследники Михаила владели домами, оценивавшимися во Владивостоке в 144,5 тыс,руб., в Хабаровске - 128 тыс.руб. На 1 июля 1914 г. чистый капитал фирмы составил более 3 млн.руб.

5. Члены клана Пьянковых, как один из богатейших людей края, были заметны в общественной жизни, способствовали социально-культурному развитию Приморья. Они активно участвовали в деятельности местных органов самоуправления, в предпринимательских организациях, таких как биржевые комитеты, коммерческие собрания. Большую роль в просвещении масс сыграла книжная торговля, которую, несмотря на все трудности, организовал и вел Иннокентий Пьянков. Следует отметить, что все дети Пьянковых, в том числе и девочки, получили хорошее образование. Михаил, Сергей, Зинаида и Надежда, наследники Михаила Павлиновича, учились в Москве, Андрей Михайлович - в Хабаровском реальном училище. Виктор Иннокентьевич окончил императорское Московское техническое училище со званием инженер-технолога. Руководители фирмы приветствовали и активно поддерживали создание новых учебных заведений в крае. Бесспорная их заслуга в поддержке деятельности Общества изучения Амурского края, в строительстве Народного дома в г.Никольске-Уссурийском, носившего имя братьев Пьянковых. А.А.Квятковский был президентом владивостокского общества спорта (1914).

6. Как видим, в истории семьи Пьянковых отразились многие стороны процесса хозяйственного и культурного освоения Дальнего Востока. Предприниматели нового поколения российских купцов стремились к изменению окружающего мира как активной предпринимательской деятельностью, так и участием в революционном

[illegible]ении.

Ващук А.С.
Дальневосточный гос.
технологический институт

[illegible] В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (80-Е - НАЧАЛО 90-Х ГОДОВ XX В.)

Социальные процессы, происходящие как в дальневосточном [illegible], так и в целом в России, в 1990-1991 гг. [illegible] социально-политические причины тактики проведения [illegible] реформ. В 80-е годы в СССР шел процесс [illegible] нового социально-исторического типа субъекта со[illegible], который гипотетически воспринял многие качества предыдущего, начал активную деятельность по созданию более [illegible]ых условий, прежде всего для собственного развития.

Основной тенденцией, определяющей социальные процессы в [illegible] явилось стремление [illegible] правящей социальной [illegible] (в лице [illegible] и хозяйственной бюрократии) [illegible] государственного сектора экономики. В конце 80-х годов (1987-1991 гг.) все быстро [illegible] формы экономической деятельности на Дальнем Востоке [illegible], совместные предприятия, фирмы и т.д.) создавались главным образом для торгово-посреднической деятельности или сбыта [illegible] продукции при государственных предприятиях, как механизм перераспределения полученной на этих предприятиях прибыли. [illegible] производство оставалось государственным, а система распределения более коммерческой. Это явление было закономерным результатом эволюции либеральной распределительно-нормированной системы, которая функционировала в СССР в 60-70-е годы. Номенклатура с 1987 по 1990 гг. выпустила целую серию постановлений,

которые сразу же заработали в обществе, поскольку они в максимальной степени отражали ее интересы (1987 г. - о частичной монополии внешней торговли, о создании совместных предприятий, 1988 г. - о кооперации, об отмене диффиринцированного валютного коэффициента, 1989 г. - о малом предприятии и т.д.) Доказательством нашего тезиса - поиска легальных форм эксплуатации государственного сектора экономики, являются разного рода факты, но в первую очередь - это быстрый рост на Дальнем Востоке посреднических финансовых организаций. К тому же появились новые источники благосостояния региональных политиков и хозяйственников. Например, администрация Приморского края планировала в 1992 г. получить в качестве процентов от лицензирования вывоза сырья за границу товаров и денег на сумму 22 млрд.руб., однако было получено товаров и денег в бюджет всего на сумму 2 млрд. руб. При этом, как сообщал начальник УМБ РФ по Приморскому краю на одной из пресс-конференции, имелись собственные счета в зарубежных банках, открытых на имя руководителей Приморского края, директоров государственных и коммерческих структур. Руководители Хабаровского края (7 членов) в 1992 г. принимали участие в коммерческих структурах и допускали крайний протекционизм по отношению к отдельным структурам, осуществлявшим внешнеполитические связи.

Начавшийся процесс усиления различных региональных структур вызывал протест со стороны высшего слоя управленцев центра, некогда обладавшего монополией на распределение дальневосточных ресурсов.. Таким образом, накапливались причины и внутригруппового социального конфликта. Однако в политическом мире общий материальный интерес к дальневосточным ресурсам и борьба за новые принципы распределения государственной собственности была облечена в формулу "борьба центра и региона".

К концу 1991 г. уже сложилась легальная система коммерческой эксплуатации государственной экономики и возник новый социальный " водораздел" между представителями "социалистического бизнеса" и остальной частью занятого населения на государственных предприятиях. Начался прямой процесс обогащения одних за счет обнищания других, ставшей основной социальной чертой 1992-

1993 гг. Например, на Сахалине, в Приморье, на фоне продовольственного голода, выражающегося в абсолютном сокращении душевого потребления продуктов, продолжался неуклонный вывоз этих товаров. Это с одной стороны способствовало укреплению финансовой базы экспортеров, но с другой сопутствовало накоплению социальных конфликтов и ускоренному расслоению общества.

В 1991 г. после первого апрельского повышения цен, самый массовый тип населения по уровню потребления стала семья в России с душевым доходом в 364 руб; второй тип 1190 руб; третий - 3312 руб; Заработную же плату, свыше 1 тыс.руб., имел всего 1% населения. Эти факты говорят о двух моментах: о социальном расслоении и о том, что статистика не в состоянии была фиксировать истинные источники роста благосостояния определенных групп населения. В среднем уровень третьего типа превышал прожиточный минимум в 1990 г., в 8 раз, в 1991 - в 14 раз.

Отличительной чертой начала 1990-х годов являлся тот факт, что процесс обогащения одних за счет других, охватил не только так называемые господствующие группы в сфере распределения, но и другие социальные группы-рабочих и крестьян. Например, удельный вес доходов за счет спекуляции в семьях рабочих и колхозников в Амурской области составлял в 1990 г. - 5%, в 1991 г. - уже 12%. Причем, эти доходы в таких семьях рабочих возросли за год в 4 раза, в семьях колхозников в 6 раз. Резкое увеличение числа лиц, занимающихся перепродажей, в литературе часто оправдывается необходимостью "первоначального накопления капитала" и даже рассматриваются как будущие предприниматели. Однако эти тезисы являются в основном идеологическим прикрытием грабительской социальной политики господствующей политической элиты, которая формировалась уже на волне новых радикально-либеральных реформ. Понятие первоначального накопления применительно к периоду, который предшествует стадии индустриального общества. СССР же прошел уже эту стадию. Поэтому и характер и цель начавшихся реформ в конце XX в. в России больше определялись социальными процессами, интересами господствующих групп в сфере распределения, в том числе и специализированного аппарата распределения советского типа (продавцы, буфетчики, повара, официанты, кладовщики, экспедиторы и т.д.)

Анализ динамики форм собственности на Дальнем Востоке говорит, что в конце 80-х – начале 90-х гг. социальные процессы, повлекшие за собой новое социальное расслоение, в крайне незначительной степени были связаны с формированием многоукладной экономики в регионе. Анализ среднемесячных доходов работников малых предприятий (по видам деятельности на Дальнем Востоке России) показывает, что наибольшие доходы были на малых предприятиях торговли, общественного питания, посреднических услуг, [illegible] и [illegible], наименьшие в промышленности, в науке, в научном обслуживании. Анализ социального расслоения дальневосточного населения по другим параметрам [illegible] показывает, что происходящие социальные процессы [illegible] с научными представлениями о переходе "к рыночным отношениям", [illegible], который [illegible] формирование [illegible] класса.

[illegible] анализ показывает, что [illegible] [illegible], [illegible] методами [illegible]ической [illegible] политики 80-х годов, либерализация цен нужна [illegible] создания многоукладной экономики, а для освобождения от [illegible] контроля системы распределения материальных благ в государственном секторе. [illegible] [illegible] и социальную структуру: [illegible] в промышленном производстве, в науке и [illegible] посредников и перекупщиков. Таким образом, экономическая [illegible] и социальная политика конца 80-х – начала 90-х годов лишь расширили торгово-распределительный слой населения, причем за счет представителей различных социально-профессиональных групп. Основные социальные тенденции свидетельствуют, что в России в I9[illegible]-I99I гг. по-прежнему власть и степень участия в системе распределения материальных благ, произведенных в государственном секторе, определяли существование неравенства и являлись источником поляризации в обществе.

Власов С.А.
Институт истории ДВО РАН

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТРА И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

До I9I4 г. царизм вкладывал значительные средства в раз-[illegible]тие Дальнего Востока. По самым грубым подсчетам только одну [illegible]ую своих расходов Дальний Восток покрывал за счет местных [illegible]точников, а остальные средства для развития и освоения реги[illegible] поступали из Центра. С победой Советской власти общим [illegible]инципом хозяйственно-экономических взаимоотношений Дальневос[illegible] [illegible] с [illegible]союзными (центральными) органами должна [illegible]ать самоокупаемость Дальнего Востока. Только при таком условии [illegible]италось, что Дальний Восток пополняет общесоюзное богатство, [illegible] транжирит его.

Уже в 20-е годы было положено начало спору о том, чем яв-[illegible]ляется Дальний Восток для страны – обузой, куда вкладывают сред[illegible]а, а должной отдачи нет, или валютно-сырьевым придатком, [illegible]куда центральная власть получает средства, необходимые для раз[illegible]тия страны.

Отношения Центра с Дальневосточным регионом формировались [illegible] трем основным направлениям: I. инвестиционная политика (вло[illegible]ние средств в развитие дальневосточной промышленности); 2. по[illegible] [illegible]нообразования (регулирования розничных цен, транспор[illegible]ных тарифов); 3. социальная политика (заработная плата, рас[illegible]ределение ОФП, решение продовольственной и жилищной проблемы).

С первых лет Совесткой власти Дальний Восто[illegible] стал превра[illegible]ться в сырьевой придаток промышленно развитых [illegible]ионов страны. [illegible] теории при разработке планов развития хозяйства восточ[illegible] районов страны авторы подчеркивали, что Дальний Восток дол-

жен давать на всесоюзный рынок не сырье, а готовую продукцию. Однако в действительности все обстояло иначе. Для подкрепления планов нужны были финансовые средства, а при расчетах выяснилось, что эффективнее всего (с точки зрения быстрой выгоды) вкладывать средства в развитие промышленности в европейской части страны. Так, было подсчитано, что каждый рубль, вложенный в промышленность в центральных районах страны, обеспечивал прирост продукции на 2,19 руб., а рубль, вложенный в промышленность восточных районов СССР, давал прирост продукции лишь на 0,7 руб. Конечно при подобных расчетах не учитывалась перспектива и интересы Дальневосточного региона.

Внешнеполитическая ситуация в 20-е и 30-е годы, когда нужно было в короткий срок создать промышленность, способную обеспечить обороноспособность страны, также повлияла на то, что основное внимание уделялось центральным районам страны. Дальний Восток должен был обеспечить промышленность центральных районов сырьем и валютными поступлениями. Проблемы экономического развития региона считались второстепенными.

Роль Дальнего Востока как сырьевой базы выросла в послевоенный период, в 50-е годы, когда с одной стороны, увеличились потребности народного хозяйства в природных ресурсах, а с другой стороны - возникли условия для реализации крупномасштабных проектов. В последующие годы это направление развития Дальнего Востока стало определяющим.

Формально регион считался дефицитным для Союза. Государство, установив низкие закупочные цены на Дальневосточное сырье (золото, лес, пушнину, рыбу) получало немалую прибыль с Дальнего Востока. В виду низких закупочных цен регион оказывался в должниках у государства. Однако если бы можно было подсчитать ценность и значимость для страны добываемого на Дальнем Востоке золота, получаемой из него валюты и валютных ценностей от продажи пушнины, леса и рыбы, то по существу регион был не только бездефицитным, но и доходным для Союза.

Центральная власть если и вкладывала средства в развитие региона, то только в отрасли добывающей промышленности, что обеспечивало добычу сырья. Средства в развитие обрабатывающей промышленности, социально-бытовой инфраструктуры практически

не поступали. В погоне за быстрыми, сиюминутными результатами о долгосрочной перспективе не думали. Из-за высоких транспортных тарифов, размеры которых ложились на конечную стоимость дальневосточной продукции, чиновники из Москвы считали, что лучше вывозить сырье с Дальнего Востока, изготовить товарную продукцию в европейской России, а затем готовое изделие привезти на Дальний Восток.

Местные властные органы мало что могли сделать в подобной ситуации. Инициатива местных хозяйственников в условиях плановой социалистической системы была жестко ограничена. Инициатива "снизу" (наДальнем Востоке) могла развиваться лишь в одном направлении: как выполнить и перевыполнить спущенный "сверху" (из Москвы) план. Вся система организации народного хозяйства была жестко привязана к выполнению директивных заданий центральной власти, интересы региона в этом случае совсем не учитывались.

При этом подчеркивалось, что центральные органы управления объективно отражают интересы всего советского народа, в том числе и дальневосточников. Однако практика показала, что за общенародные интересы выдавались интересы ведомств и отраслей, чиновничьего аппарата и жителей городов центральной части страны. Производство, обмен, распределение и потребление были организованы так, что интересы дальневосточников ущемлялись.

В тоже время дальневосточникам постоянно внушали, что они являются должниками государства: высокая заработная плата (за счет коэффициентов и северных надбавок), высокие затраты на доставку техники, продовольствия и промышленных товаров, содержание жилого фонда и т.п. - все это якобы затраты государства на содержание Дальнего Востока. Фактически не дальневосточники своим трудом в экстремальных климатических условиях за зарплату, которая не компенсировала низкий уровень развития социально-бытовой инфраструктуры региона и отдаленность от культурных центров страны, обеспечивали благополучие Центра. Во многом Дальний Восток наряду с Сибирью покрывал издержки неэффективной социалистической системы.

Володарская Е.П.
Дальневосточный гос.
университет

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ДОКУМЕНТАХ.

Отмечая позитивные результаты разработки отдельных сторон проблемы формирования и развития высшей школы на Дальнем Востоке, следует заметить, что специального исследования по данной теме до сих пор нет. Можно назвать лишь отдельные кандидатские диссертации, в которых рассматривалась деятельность или только Восточного института, или Дальневосточного университета, или технических вузов.

Чтобы представить в целом процесс становления высшей школы на Дальнем Востоке, целесообразно обратиться к документам, тем более, что исследователи, в силу сложившихся ранее догматических установок и стереотипов, а также узости источников базы, не всегда давали объективную картину. Дальневосточные архивы сохранили постановления и распоряжения центральных и местных властей относительно вопроса значимости создания высших учебных заведений на Дальнем Востоке, учитывая как сложности, так и своеобразные особенности этого региона России.

Первоначально речь шла о необходимости создания центра востоковедения, который способствовал бы официальному изучению разнообразных языков по зарубежному Дальнему Востоку и готовил работников для дипломатической и консульской службы в торгово-промышленных учреждениях, привлекавших в России государств. Эту почетную миссию стал выполнять Восточный институт, положение о создании которого было утверждено 24 мая 1899 года, а открылся он 21 октября этого же года и просуществовал как самостоятельный вуз до 1920 г. В 1916 г. намечено было провести реформу Восточного института, открыв при нем экономическое и юридическое отделения и также предполагалось преобразовать институт в университет. Но предварительно на базе существовавших во Владивостоке частных курсов в 1918 г. открываются педагогический и политехнический институты и только в апреле 1920 г. постановлением Временного правительства Дальнего Востока - Приморской Земской Управы за № 220 учреждается Временное положение о Государственном Дальневосточном Университете (ГДУ).

В проекте о создании ГДУ подчеркивалось, что такой громадный край, как русский Дальний Восток, обязательно должен иметь свой университет, ибо только с его созданием можно связывать всю дальнейшую научную и культурно-просветительскую работу на востоке страны. Дальневосточный университет действительно стал не только высшей школой для подготовки квалифицированных специалистов, но и сосредоточением научной деятельности на территории Дальнего Востока.

В свою очередь в Чите в 1921 г. был открыт Государственный Институт Народного Образования, при котором учреждается первый на Дальнем Востоке рабочий факультет. В "Бюллетенях Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики" возлагалась ответственность на профессиональные организации, областные и уездные управления за обеспечение рабочих факультетов представителями из числа рабочих и крестьян.

После установления Советской власти на Дальнем Востоке в конце 1922 года Дальневосточный революционный комитет принял постановление "О введении в действие на территории Дальнего Востока "Положения о высших учебных заведениях", положившее начало переходу к классовому приему в вузы, который на протяжении 20-30-х годов являлся основополагающим принципом набора молодежи в высшие учебные заведения, и который, в свою очередь, негативно сказался на количественной и качественной подготовке специалистов. Вслед за этим постановлением в январе 1923 г. по решению Приморского губбюро РКП(б) и Губвосревкома создается комиссия во главе с ректором Читинского Института Народного Образования проф. В.И.Огородниковым, результатом работы которой явилось объединение Владивостокских пед[illegible]гического и политехнического институтов с Дальневосточным университ-

тетом, а в мае 1923 г. в Чите на базе Института Народного Образования также открывается свой университет. Нецелесообразность решения относительно создания на Дальнем Востоке двух университетов сказалась буквально в считанные месяцы. Слабость материально-технической базы, нехватка преподавательских кадров, резкое сокращение числа студентов заставили Дальревком 7 сентября 1923 г. принять постановление о переводе Читинского университета во Владивосток и слиянии его с ГДУ. Таким образом, с осени 1923 г. на Дальнем Востоке остается одно высшее учебное заведение - Государственный Дальневосточный университет с пятью факультетами: техническим, восточным, агрономическим, педагогическим и рабочим.

Следующий этап формирования высшей школы на Дальнем Востоке можно отнести к концу 20-х нач. 30-х годов. Весной 1929 г. на Дальний Восток направляется комиссия ВЦИК для решения многих вопросов народнохозяйственного и культурного развития в крае. Комиссия пришла к выводу о необходимости увеличения количества специалистов с высшим образованием для важнейших отраслей народного хозяйства и поэтому предложила Госплану и Наркомпросу определить их число. Для Дальнего Востока предполагалось подготовить на конец первой пятилетки - 3686 специалистов с высшим образованием.

3 июня 1929 г. Далькрайком ВКП(б), рассмотрев вопрос о развитии высшего образования в крае, наметил произвести реорганизацию высшего образования, создав восемь новых институтов. Институты открывались на базе Дальневосточного университета, а сам он с мая 1930 г. по декабрь 1931 г. прекратил свое существование из-за общих антиуниверситетских, ликвидаторских настроений в стране. Нельзя, конечно, отрицать вопрос об увеличении необходимых специалистов, тем более в условиях приоритетного развития ряда отраслей хозяйства, но следует признать грубой ошибкой поспешные решения центральных и местных властей об открытии новых вузов, материально и организационно не обеспеченных.

Произведенное отраслирование высшей школы не увенчалось успехом: одни институты открывались, другие появлялись на их

месте, а третьи вовсе оставались в проектах.

Вновь вопрос о развитии высшей школы на Дальнем Востоке стал рассматриваться в 1932 г., когда президиум Далькрайисполкома в марте-месяце после принятия постановления "Об улучшении условий работы вузов и втузов Дальневосточного края" организовал комиссию по обследованию работы и размещению высших учебных заведений. Комиссия, руководствуясь постановлением местных властей и исходя из решений СНК РСФСР от 20 мая 1932 г. и ВЦИК от 4 августа 1932 г. о немедленном исправлении ненормального положения с подготовкой кадров в крае, наметила конкретные мероприятия для нормального функционирования высшей школы. В числе мероприятий назывались: создание дополнительных курсов по подготовке в вузы, направление отрядов профтысячников, оказание материальной помощи студентам. Причем эти мероприятия касались как уже созданных к тому времени вузов, так и тех, которые предполагали открыть.

Можно сказать о том, что только к середине 30-х годов закончилась реорганизация высшего образования в крае, выразившаяся в ликвидации малочисленных, не обеспеченных кадрами научных работников, оборудованием, помещениями, институтов, созданных в значительном количестве в начале 30-х гг.: если в 1930/31 уч.г. было создано 9 институтов, в 1932/33 уч.г. - 13, то в 1933/34 уч.г. и остается - 8, а в 1935/36 уч.г. - 6.

Горкавенко Н.И.
Институт истории ДВО РАН

ИЗ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (20-30-Е ГГ.).

Двадцатые годы XX в. характеризуется бурным ростом краеведческого движения по всей стране и справедливо названы

его "золотым десятилетием". На краеведческую деятельность возлагались большие надежды в социалистическом строительстве. О важности краеведческой деятельности читаем в резолюциях съездов Советов. Нарком просвещения А.В.Луначарский полагал, что "в проблему развития национального самосознания... дело краеведения в такой огромной стране, как Россия, входит не только элементом, но и базисом". Краеведческие общества характеризовались как "органы самопознания страны".

В стране проводились различные краеведческие конференции, естественно разномасштабные по научному и общественному значению и числу участников, к середине 1927 г. их состоялось более 100. Наиболее существенные вопросы, определившие перспективы развития краеведения, обсуждались на I-III краеведческих конференциях РСФСР и СССР в Москве. После I конференции в 1921 г., в которой приняли участие и видные государственные деятели, и крупные ученые, и многие краеведы с мест, стал функционировать руководящий общеметодический и организационный центр - Центральное бюро краеведения (ЦБК) во главе с С.Ф. Ольденбургом.

Ширилось краеведческое движение и на Дальнем Востоке, преодолевая разрозненность и узость, присущие дореволюционному периоду. Начало созданию обществ. краеведения на Дальнем Востоке было положено в декабре 1920 г. созданием на Камчатке, в Петропавловске-Камчатском Общества изучения Камчатки. Краеведы-энтузиасты (врачи, учителя, учащиеся, старожилы) собирали коллекции, этнографические материалы, выезжали в экспедиции по Камчатке. Были созданы минералогический, ботанический кабинеты и историческая секция.

В 1927 г. в Хабаровске начало свою деятельность Дальневосточное общество краеведения. В его составе работало 7 секций: советского строительства, этнографии, историко-революционная, художественная, музейно-экскурсионная, охраны памятников и природы, культурного садоводства и огородничества. В 1929 г. Дальневосточное общество краеведения открыло свои филиалы на Чукотке (12) членов, в Охотске (52) члена. В стадии оформления находился филиал общества в Николаевске на Амуре.

Во-второй половине двадцатых и в тридцатые годы этими ор-

ганизациями была проделана большая работа по обследованию края: собраны и обработаны анкеты по экономическому, культурному и бытовому положению населения, начато изучение и выявление памятников старины. Накопленный материал нашел выход в свет, благодаря научным публикациям в печати. Так, членом Общества изучения Камчатки П.Т.Новограбленновым были изданы две брошюры о Камчатке, другой член этого общества Ф.М.Физик, опубликовал работу "Туземные племена Камчатки". Дальневосточное общество краеведения издавало "Бюллетень". В то же время краеведческим обществам было не под силу проводить масштабную работу по экономическому обследованию дальневосточного региона. Исследования носили все еще любительский характер и были довольно поверхностны.

Поворотным пунктом в развитии научно- исследовательской и краеведческой деятельности Дальнего Востока стал Первый съезд по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении, проходивший 18-22 апреля 1922 г. в Никольск-Уссурийском. Съезд был организован Южно-Уссурийским отделением РГО и Обществом изучения Амурского края. В подготовке его приняли участие 24 учреждения, представившие более 170 чел., среди которых В.К.Арсеньев, И.П.Толмачев, С.М.Широкогоров, члены краеведческих обществ и др. Съезд поставил и решил задачу объединения научных сил Дальнего Востока в целях содействия советскому строительству в крае. Впервые за годы советской власти была составлена сводка научных экспедиций. В 1928-1931 гг. научные и краеведческие организации Дальнего Востока выполнили ряд исследовательских работ по поручению хозяйственных органов, кабинета народного хозяйства, дальплана и др. В частности, было проведено геолого-минералогическое обследование территории Дальнего Востока. В результате было зарегистрировано более 120 месторождений полезных ископаемых.

Большую роль в развитии краеведческой работы и ее координации сыграл в 20-30-е гг. созданный при Дальневосточном государственном университете Дальневосточный научно-исследовательский институт краеведения (1924г.). Возглавил его профессор В.М.Савич. В круг основных задач института входили: планомерное

изучение русского Дальнего Востока и сопредельных стран, научное исследование отдельных вопросов культурного и хозяйственного строительства края, изучение туземных народностей, населяющих край.

Активной была в этот период времени и деятельность дальневосточных отделов РГО. Произошли существенные изменения в их структуре, уставах, определились новые задачи. Так, Дальневосточный отдел РГО в 20-30-е гг. развивал свою деятельность по двум направлениям сбор и обработка всякого рода материалов о крае и пропаганда краеведческих знаний среди населения. За десять лет дальневосточные отделения РГО провели более 2 тыс. научных экспедиций в регионе.

Однако в 1933 г. в развитии дальневосточного краеведения начался кризис и его развитие пошло на спад. Краеведению был нанесен непоправимый ущерб: многих краеведов репрессировали (Савич, Федоров, и др.), краеведческие организации или перестали существовать (Дальневосточный научно-исследовательский институт краеведения, Дальневосточное общество краеведения), или деформировались. Выявилась тенденция к откровенной политической идеологизации работы краеведов (особенно в сферах просветительной и образовательной). Краеведение оказалось надолго отодвинуты от основной колеи научных исследований, отторгнуто от активной общественной жизни.

Григорова Л.К.
Хабаровский краевой
краеведческий музей

В.К.АРСЕНЬЕВ - ДИРЕКТОР ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ (СЕНТЯБРЬ 1924 Г. - ДЕКАБРЬ 1925 Г.).

О

В середине 1924 года Хабаровский музей находился в кри-

зисном состоянии. Количество служащих было минимальным, финансирование прекращено, некоторые отделы экспозиции закрыты, коллекции музея гибли от холода и сырости.

ДальОНО предложил возглавить музей В.К.Арсеньеву, имевшему десятилетний опыт музейной работы.

В.К.Арсеньев начал формировать трудоспособный коллектив. Он старался привлечь к работе в музее и к изучению края квалифицированных специалистов разных областей: В.А.Величковского, М.А.Сергеева, И.А.Бирсова, В.К.Рубцова, При нем в музее начали свою работу специалисты, оставившие заметный след в его истории: С.Я.Сизых, А.И.Кардаков, Н.А.Серк, Г.Е.Сольский, Е.А.Преженцова.

Ознакомившись с состоянием коллекций и экспозиций музея, В.К.Арсеньев наметил программу вывода музея из кризиса. Работу музея он разделил на научно-исследовательскую, просветительную и деятельность по обеспечению сохранности музейных коллекций.

К научно-исследовательской работе В.К.Арсеньев относил описание, учет коллекций, работу с экспозицией, комплектование фондов, научные связи с другими учреждениями.

К описанию коллекций В.К.Арсеньев привлекал не только сотрудников музея, но и специалистов из других научных учреждений страны.

В 1925 году была начата инвентаризация музейных предметов с постановкой на них регистрационных номеров.

В.К.Арсеньев был сторонником краеведческого, а не энциклопедического направления работы музея. Он наметил создать отделы географии, промышленно-экономический, истории края, истории революции, перегруппировать существующие отделы и подотделы. В сентбяре 1925 г. в музее начал действовать отдел революции.

В период работы в музее В.К.Арсеньева устаревшая экспозиция начала постепенно заменяться новой, построенной по дидактическому принципу, В экспозиции стало больше пояснительных текстов, появились плакаты, карты, модели, рисунки, фотографии и другие научно-вспомогательные материалы.

В.К.Арсеньев разработал план научного комплектования фондов музея, он ратовал за сбор отсутствующих в музее предметов.

Сотрудники музея возобновили проведение экспедиций, привлекая к их участию общественников.

Сотрудники музея разработали инструкции по сбору птиц, зверей, энтомологических и этнографических коллекций для общественного актива. В течение 1924-1925 годов музей значительно пополнился науно обработанными материалами.

Научные связи музей поддерживал с учеными Китая, Японии, Уругвая.

Совместная работа связывала музей с Дальистпартом, с кабинетом народного хозяйства при Дальплане. Сотрудники музея включались в работу всевозможных обществ - краеведческого, географического, охотничьего, культурных связей с заграницей и др. В мае 1925 года в г.Хабаровске было проведено Дальневосточное краеведческое совещание. В.К.Арсеньев выступил на нем с докладом о деятельности музея.

Качество работы с посетителями музея В.К.Арсеньев ставил в зависимость от научности описания музейных предметов. Музейные работники, по его мнению, должны были уметь дать квалифицированные объяснения к этим коллекциям, уметь использовать такие формы работы, как проведение экскурсий, чтение лекций, устройство учебных выставок.

И научно-исследовательская, и культурно-просветительная работа могут успешно идти только при условии обеспечения сохранности музейных предметов. На проведение ремонта здания музея В.К.Арсеньев выхлопотал 29,5 тысяч рублей. Он приобрел новое оборудование, химикаты. Музею было выделено дополнительное помещение по улице Шевченко,24.

В.К.Арсеньев подготовил Временное положение о Хабаровском краеведческом музее, определявшее его функции, обязанности и права. Кроме самого положения о музее оно включало положение об ученом совете музея, должностные инструкции сотрудникам, правила внутреннего распорядка работы.

Организация деятельности музея в целом, распределение обязанностей между сотрудниками, закрепление ответственности исполнителей за порученный участок работы помогли наладить систему работы в музее.

Только принятием регламентирующих документов не исчерпывалась работа по организации труда. Шло постепенное упорядочение жизни музея: систематически осуществлялся контроль за выполнением плановых заданий и указаний директора, на заседаниях ученого совета заслушивались отчеты сотрудников, внедрялись четкие унифицированные правила работы.

Почему же, любя и ценя музейную работу, В.К.Арсеньев сменил ее?

Во-первых, неся огромную ответственность за работу музея, его директор фактически был лишен возможности принимать самостоятельные решения в научной, организационной, административной и финансовой работе. Вопросы научного характера рассматривались на заседании ученого совета, состав которого утверждался ДальОНО. Назначение и увольнение научных сотрудников музея было также его прерогативой. ДальОНО распоряжался финансами музея.

Во-вторых, должность директора музея перестала быть научной. Проведение длительных экспедиций было невозможно. Деятельность директора стала сводиться к административной, бухгалтерской, хозяйственной работе.

В-третьих, работая в музее, В.К.Арсеньев не получил жилье и не имел возможности перевезти свою семью, библиотеку и архив.

Можно предположить, что в комплексе эти проблемы сделали работу В.К.Арсеньева в музее невозможной.

После ухода В.К.Арсеньева во второй половине 1920-х годов коллектив музея, его приемники - К.Я.Лукс, Н.Н.Билибин следовали путями, им назначенными, вывели музей из ситуации разрухи, привели его в состояние организованности, четкости и порядка на всех участках работы.

Ермакова Э.В.
Дальневосточный гос.
университет

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО

ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г., рассматривавший дело Рыкова-Бухарина, вопросы об уроках вредительства, диверсий, шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов, явился стартовой площадкой для новых массовых репрессий в стране. Дальний Восток, далекая окраина, был, как и другие регионы, включен в водоворот репрессий. Центр, считая, что органы НКВД на Дальнем Востоке действуют медленно, посылают в апреле 1937 г. специальную команду следователей в помощь. Одновременно направляют документы о существовании Дальневосточного параллельного Правотроцкистского центра, как составной части союзного Центра, возглавляемого председателем Далькрайисполкома Г.М.Крутовым. Эти материалы стали основой для поиска контрреволюционных троцкистских организаций в вузах, научных учреждениях, на заводах, шахтах, рыбных предприятиях.

В августе-ноябре 1937 г. такая организация была раскрыта в ДВГУ. Преподаватели университета, особенно востоковеды, связаны с заграницей, общаются с иностранцами, почему бы им не стать шпионами иностранных разведок, особенно японской. И удар был нанесен по восточному факультету. Единичные аресты в университете были в 1933-1935 гг., но такой массовый арест, когда были арестованы ведущие преподаватели и молодые преподаватели, когда преподавательский корпус, был обескровлен, совершался органами НКВД в ДВГУ впервые. Арестованы декан и зав.кафедрами: В.А.Войлошников, Н.П.Овидиев, К.А.Харнский, А.А.Смоллер, доценты К.П.Феклин, З.Н.Матвеев, А.В.Маркуев, преподаватели Е.С.Нельгин, И.Г.Ешков, А.П.Ященко, М.Н.Востриков. В середине 1938 г. были арестованы преподаватель доцент Г.С.Юркевич, уехавший в Москву и профессор-монголовед Н.А.Клюкин, ранее уволенный из университета за то, что критиковал теорию Марра об языке. В 1937 г. были арестованы и бывшие директора университета - А.В.Пономарев и И.Е.Файнерман, пом.директора по заочному обучению И.С.Менка. Одновременно шли аресты в Дальневосточном филиале АН СССР. Арестованы химики В.О.Мохнач, П.А.Тихомолова, Метелкина, которые по

совместительству работали в университете. Одним из обвинений, предъявленных им являлось обвинение в плохой подготовке студентов, в стремлении завербовать их в контрреволюционную организацию. Партком университета среагировал на аресты уже 17 октября 1937 г. в духе времени, нисколько не сомневалась в контрреволюционной деятельности преподавателей-химиков и начиная среди вредителей и тех, кто еще не арестован. Органы НКВД воспользовались этой "подачей" и в середине 1938 г. арестовали бывшего декана химфака Ф.Ф.Юшкевича, обвинив его не только во вредительской деятельности, но и в шпионаже. В июле 1938 г. арестовали доцента физфака Ф.И.Кузьмича, являвшегося в 20-е годы деканом агрономического факультета, зав. кафедрой геодезии, доцентом кафедры астрономии. Основание для ареста - прапорщик царской армии, подозрение в принадлежности к монархической организации "Союз спасения России", показания одного преподавателя о вхождении Ф.И.Кузьмича в контрреволюционную организацию ДВГУ.

Всем преподавателям было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности. Для востоковедов, это обвинение усугублялось очень тяжелым другим обвинением шпионаж в пользу Японии, т.е. измена Родине. Некоторым подследственным менялась страна, в пользу которой велся шпионаж. А.А.Смоллеру и химику Ф.Ф.Юшкевичу вначале предъявлялись обвинения в шпионаже в пользу Германии, а Смоллеру и Англии, а затем в обвинении Ф.Ф.Юшкевича исключили шпионаж, а Смоллеру сменили Англию, Германию на Японию.

Методы следствия были направлены на обвинение показаний. Испытанным приемом являлось содержание арестованногов новении, без предъявления обвинения. Это могло продолжаться 3-5 месяцев. Избиения, стойки без отдыха, брань, цинизм: "не напишешь признания отсюда не выйдешь", "мы сделаем из тебя мешок с костями", "когда нам нужно продержать человека в тюрьме мы всегда найдем для этого достаточно поводов".

На следствии большенство арестованных признали себя виновными и зачастую под диктовку дали свои показания, о чем свидетельствуют похожесть показаний, характеристик, поведения

обвиняемых на допросе. Однако некоторые до конца держались, не признавая себя виновными, отдельные - на последних допросах и на закрытом судебном заседании отказывались от своих показаний. А.В.Марохуев, М.Н.Востриков, И.Е.Файнерман не признавали себя виновными и были осуждены к различным срокам наказания. В.А.Войлошников, Ф.Ф.Юкевич отказались на последних допросах от своих показаний, но В.А.Войлошникова это не спасло, а Ф.Ф.Юкевич получил 5 лет лагерей. Не был осужден просидевший 7 месяцев в тюрьме Ф.Н.Кузьмич. 2 преподавателя, 2 руководителя университета были расстреляны в 1938 г.

Выйдший из тюрьмы в феврале 1939 г. Ф.И.Кузьмич застал университет доживавшим последние месяцы перед закрытием. Ф.Ф. Юкевич и М.Н.Востриков, сохранившие жизнь, умерли в лагерях, не дождавшись освобождения.

Аресты прошли и в ДВПИ, многие преподаватели которого работали в университете до 1930 г. Вузовская интеллигенция, зарождавшаяся в начале века и значительно выросшая в 20-е - сер. 30-х гг., была бескровлена и немало потребовалось времени, чтобы восполнить потери востоковедов, химиков, биологов.

Зилова К.Н.
Хабаровский краевой
краеведческий музей

СТЕНОГРАММА ВЕЧЕРА, ПОСВЯЩЕННОГО В.К.АРСЕНЬЕВУ, В СОБРАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Стенограмма вечера, посвященного В.К.Арсеньеву, была передана в Дальневосточный литературный музей Федяевской Верой Константиновной, вдовой Ясиновского Давида Самойловича, бывшего в 70-е годы главным редактором журнала "Вокруг света". Стенограмма из его архива.

Вечер, посвященный В.К.Арсеньеву, проходил 23 января 1948 г. в Москве. Это было заседание секции научно-художественной литературы. Такое собрание, посвященное памяти В.К. Арсеньева проходило в Москве впервые.

Вел вечер писатель Н.Н.Михайлов.

Ведущий отметил, что задача вечера, посвященного Арсеньеву, показать образ этого замечательного мастера. С этой целью на заседание приглашены люди, которые были лично знакомы с Владимиром Клавдиевичем. С вступительным словом выступил М.М. Пришвин. Пришвин говорил об Арсеньеве как об ученом, путешественнике, замечательном этнографе, топографе, охотнике, фотографе, писателе. Он отмечает, что все различные способности Арсеньева вытекают, как реки, из его душевного мира, из его цельной личности. Пришвин рассказал о своих встречах с Арсеньевым: " Он приезжал ко мне в Загорск и заразил меня Дальним Востоком. Арсеньев дал мне свою книгу "В дебрях Уссурийского края". Я послал эту книжку Горькому. Горький прислал мне восторженное письмо об этой книге. Я поехал к Арсеньеву после того, как он умер. Я познакомился с краем, где он жил и поставил ему посильный памятник - написал посвященную ему книгу "Жень-шень".

Далее выступил Б.С.Боднарский, книговед, библиограф. Он встречался с В.К.Арсеньевым в 1910-1911 годах, когда тот приезжал в Петербург и Москву и выступал с докладами в Географическом обществе и Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Второй раз Боднарский встречался с Арсеньевым у известного литературоведа Н.И.Аристова. Вот какое впечатление осталось у Боднароского от Арсеньева: "Наружность Владимира Клавдиевича произвела на меня весьма приятное впечатление. Резкие, но довольно красивые черты лица, светлые слабо-волнистые волосы, голубые глаза. Все это говорило о большой энергии обладателя этих качеств, сочетающихся с добротой этого человека".

Следующим выступил профессор Половинкин. Он познакомился Арсеньевым в 1923 году и расстался в 1930 году, когда шел за его гробом. Он считал Арсеньева географом широкого профиля.

Профессор Половинкин рассказал, что Арсеньев из путешествия 1906-1907 годов привез помимо 430 образцов горных пород замечательный гербарий, который был отдан в Ленинград, в Академию наук, I2 скелетов, 26 черепов.

Два музея - Хабаровский и Владивостокский - значительно пополнились тем, что привозил из своих путешествий Арсеньев.

Он не ограничивался природой, он заглядывал глубоко в человека... Кроме всего прочего он был замечательным, прирожденным педагогом... Он прекрасно знал экспедиционную технику. Но больше всего он любил лесных людей. Все те хорошие черты, которые он нашел у Дерсу, все они имеются и у него.

Владимир Клавдиевич не считал себя писателем. Он не знал, что у него есть талант. Но что он художник и творец - это безусловно.

Владимир Германович Лидин прочел на вечере одну главу из своей книги "Люди и встречи", посвященную Арсеньеву, которая начиналась словами: "На долю В.К.Арсеньева выпало счастье сделать богаче наш мир".

Вот что рассказал о В.К.Арсеньеве И.Халтурин: "Универсализм этого человека меня потрясла. Он был ученый типа ученого XVIII века, которые назывались натуралистами. Это был изумительный рассказчик... Я слышал его лекцию в Историческом музее... Для меня совершенно бесспорно, что это один из крупнейших писателей нашего времени. Арсеньев - это не только человек, которым надо восторгаться, это человек, дело которого надо продолжать".

На этом вечере выступал В.Б.Шиловский, который с Арсеньевым не был знаком.

Следующим выступал профессор Мантейфель: "Я знал Владимира Клавдиевича... Сам он не был зоологом и описывать то, что видел, так, как описывают обыватели, не хотел, а поэтому постоянно приезжал за консультациями в Москву, и четыре раза мы с ним встречались".

В заключительном слове Н.Михайлов говорил, что народ знает Арсеньева, и он не нуждается в популяризации, что очень важны личные ощущения от этого разговора. Он отмечал, что главное в

Арсеньеве, это поразительная способность спонтанно воспринимать окружающую его действительность. " Очень жаль, что умер Арсеньев... Радостно, что мы не забыли его и сегодня помянули добрым словом".

Н.Михайлов предлагает стенограмму вечера напечатать в журнале "Вокруг света".

Каким же представлялся В.К.Арсеньев его современникам, кто знал его, работал с ним? Они видели в нем ученого-энциклопедиста, путешественника, исследователя Дальнего Востока, влюбленного в свой край, в его людей, замечательного педагога, талантливого писателя, книги которого знают и любят у нас в стране.

Ильюхов А.А.
Смоленский гос. пединститут

ТРУДОВЫЕ ПОЧИНЫ И ОТРАЖЕНИЕ РОЛИ ТРУДОВЫХ УСИЛИЙ НАРОДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ. (МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ).

История советского общества - это в значительной степени история трудовых починов, соцсоревнования, трудовых подвигов и свершений. Примат показа именно этих сюжетов истории обусловлен как марксистским тезисом о роли народных масс (объективное условие), так и необходимостью мобилизовать, поднять народ "на трудовые подвиги и свершения" (субъективная установка). Советская историография не имеет пауз в показе трудовых починов и героев труда. Меняется лишь направление и содержание форм ударного труда, а также имена героев, но идея трудовых "маяков", примеров для подражания, остается неизменной. Начало истории трудовых починов положили субботники, затем это движение ударников, производственные совещания, встречные планы, стахановское движение и т.д. После войны это скоростники, "недельное

задание за пять дней", гагановское движение и, как апофеоз, движение ударников и бригад коммунистического труда. Определенный кризис идеи трудовых починов и "мобилизации трудовой активности" наступает уже в 70-е годы, хотя внешние, пропагандистские, количественные показатели вроде и не позволяли сделать такой вывод. Действительно, растет число участников соцсоревнования, ударников коммунистического труда, героев труда и награжденных за труд, несть числа трудовым инициативам. Но уже очевиден формализм движений, искусственность энтузиазма и многих инициатив. Идея "энтузиазма", как средство обеспечения бурного экономического роста, как бы стерлась, формализовалась и постепенно переставала работать по прямому назначению. Понять причину этого исторического феномена крайне важно.

Наиболее существенной причиной "умирания идеи" является общефилософская закономерность, которую можно примитивно выразить словами: "идея не может быть вечно молодой и яркой". Любое общественное движение (в том числе и в сфере труда) проходит естественный путь развития от рождения и расцвета, до трансформации и умирания. Умирание будет тем более быстрым, чем больше будет несоответствие между реальным экономическим бытием и формой (а точнее формами) трудовых починов. В частности, значительные усилия по активизации движения рационализаторов и изобретателей, предпринимаемые в 70-80-е годы, были изначально обречены на неуспех в обстановке технического и технологического застоя на многих предприятиях страны, плохого внедрения предложений и изобретений и совершенно неудовлетворительного материального поощрения изобретателей.

Другой существенной причиной кризиса идеи было форсированное насаждение починов (движений), когда для этого нет соответствующих, особенно социально-психологических, условий. В этом отношении особенно характерна история "Великого почина" - субботников первых лет советской власти. Как известно, отсчет "Великого почина" ведется с апреля 1919 г., хотя первые опыты безвозмездного труда имели место уже в 1918 г. Движение было "замечено" В.И.Лениным и благодаря огромной организаторской

и пропагандистской работе партии и профсоюзов уже в начале 1920 г. стало массовым. Однако обеспечению массовости и широкое распространение субботников убили как минимум два основополагающих идеи нового типа труда - добровольность и безвозмездность. Уже через пол-года коммунистов (да и членов профсоюзов) обязывают под угрозой партийного (профсоюзного) наказания работать на субботниках. Это подчеркивает положение о субботниках, принятое ЦК РКП(б) 10 мая 1920 г., а Оргбюро ЦК 3 июня 1920 г. разъяснило, что посещение субботников обязательно и определило меры наказания за непосещение субботников. А Тверской уездно-городской Комитет партии большевиков не только исключал из партии за непосещение субботников, но и привлекал к суду Ревтрибунала тех, кто плохо организовывал субботники. Пострадал и принцип безвозмездности. Хотя случаи денежной оплаты за субботники были крайне редки, но вот натурой (продовольствием) платили очень часто. А в условиях полного обесценивания рубля плата продуктами питания была самой лучшей и весомой оплатой. В ряде случаев организаторы субботников прямо указывали в объявлении о возможности получить за работу на субботнике паек. В общем, та почва, на которой появились коммунистические субботники, была совсем не подходящей для возникновения действительно безвозмездного, добровольного труда. "Свободный труд" свободно собравшихся людей" плохо уживался и соотносился с милитаризацией труда, наказаниями за неявку на субботники, со все усиливающимся развалом экономики и падением трудовой дисциплины. Поэтому уже через полтора года (в конце 1920 г) наступает кризис движения и с мест раздаются призывы или отменить субботники вообще, или ликвидировать их обязательность. Высказывания различные, в том числе и разумные, предложения о судьбе субботников.

Аналогична ситуация и с другой инициативой составившей эпоху в нашей общественной жизни - движением ударников коммунистического труда. Здесь также ярко проявляется несоответствие между формой и содержанием (а скорее между названием и содержанием). То, что с конца 50-х годов упорно называли коммунистическим трудом (хорошая, высокопроизводительная работа и трудовая дисциплина) было совсем не коммунистическим (т.е.

безвозмездным) трудом. Название движения явно не соответствует содержанию. Более того в тех условиях, при тогдашнем уровне производства и сознания этот новый тип труда просто не мог существовать. Все это насаждение якобы "коммунистического труда" было явным отходом от марксизма, который формально и был положен в основу характеристики нового типа труда.

Куцая М.А.
Уссурийский гос.пединститут

ПРАВОСЛАВНО-БОГОСЛОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ "ХРИСТИАНСКОГО СЛУЖЕНИЯ МИРУ"

I. Социальная теология современной Русской православной церкви, как теоретическая разработка идеологических принципов существования верующих, является своеобразным обоснованием подготовки и поиска новых направлений христианской "миссии в секуляризованном обществе".

2. В результате поиска такого идеологического обоснования возникла концепция "христианского служения миру", которая представляет собой деятельностный аспект новых разделов социальной теологии церкви. Главной задачей данной концепции признается формирование критического богословского сознания вообще, которое исходило бы из новых отношений между теорией и практикой и ориентировало бы всякое богословие на действие, превращая его в практическое.

3. Необходимость "деятельной гражданственности" церкви и верующих обосновывается следующими факторами:

а) церковь является общественным организмом, и в силу своей социальной природы она не может безразлично относиться ко всем изменениям, происходящим в обществе, которые так или иначе затрагивают ее интересы;

б) секуляризация общественного сознания и социума вызывает необходимость для церкви поиска новых форм и способов усиления и актуализации ее влияния на жизненные ориентации верующих;

в) изменение решаемых обществом задач, появление новых проблем не могут не отразиться на содержании и направленности функционирования церковных организаций;

г) перемена в отношении к церкви со стороны общественности, возрастание интереса последней к церковной истории, культуре, идеологии, которую богословы квалифицируют как "религиозный ренессанс". Отсюда - стремление церковного руководства "овладеть ситуацией" сориентировать свою деятельность на широкую христианизацию и миссионерскую работу.

4. Поиск церковью разнообразных форм "служения миру" выступает, таким образом, для нее как внутренняя необходимость, дающая возможность выйти за пределы удовлетворения только религиозных потребностей верующих, преодолеть разрыв между богословскими изысканиями и практическим учением церкви в решении разнообразных проблем современности.

5. В контексте решения данной задачи современные богословы перемещают "царство божие" с неба на землю, что свидетельствует о его трактовке как социального идеала христианства. Прежде чем стать гражданином небес, необходимо стать достойным гражданином земли, ибо принадлежность к церкви не может опираться на "пассивную веру", т.е. внешнее формальное благочестие. Основой церковной жизни может быть только "активная вера", в которой человек трактуется как со-творец бога и активный участник процесса общественного переустройства на основе синтеза демократических принципов с христианскими нравственными ценностями - "всемирной христианизации".

6. Линия на христианизацию представляет собой процесс актуализации христианства в качестве средства освобождения общества и личности, возрождения достоинства человека, его развития. Фактически современные установки в отношении христианизации отражают ориентации на реальные проблемы человека и общества в большей степени, чем на трансцендентные и эсхатологические мотивы религиозного учения, с той целью, чтобы распространить на

всю жизнь в целом "действие христианских правил и авторитета".

Осипов Ю.Н.
Институт истории ДВО РАН

О РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ИВАНОВСКОМ РАЙОНЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Село Ивановка в 1994 году будет отмечать свое 130-летие. Значительную работу по подготовке и проведению этого важного мероприятия в истории села выполняют работники районного музея, библиотекари, учителя истории и географии школ района.

Центром краеведческой работы является Ивановский филиал Амурского областного краеведческого музея имени Новикова-Даурского.

Районный центр - С.Ивановка расположено в 33 км. от г.Благовещенска, в 27 км от железнодорожной станции Березовский-Восточный при впадении реки Маньчжурии в р. Будинду (с1972 г. - река Ивановка), на перекрестке шоссейных дорог Благовещенск-Тамбовка-Березовка-Белогорск. Население района на I января 1992 г. составляло 34 тыс. человек, райцентра - 7582.

Село основано 12 июля 1864 г. переселенцами преимущественно из Воронежской и Астраханской губерний. Первыми жителями села были братья Игнат и Лаврион Анаторцевы, Василий, Герасим, Григорий, Дмитрий, Кирилл, Яков Безруковы, Никита Воронин, Терентий, Гаевский, Корней и Филипп Землянские, Данило Ивахненко, Андрей, Иван, Павел, Ульян Кантемировы, Никифор Капицын, братья Василий Гавриил Мошонкины, Макар Макаренко, Елизар, Иван, Степан, Тихофей, Трофим Остапенко, Варфоломей, Дмитрий, Иван Простокишины, Захар Седельников, Егор, Степан, Яков Сячины, Алексей, Антон, Лаврентий Тарасовы, Мартын Шабельников и др.

В 1917 г. население Ивановки насчитывало свыше 12 тыс. человек, в селе проживали политические ссыльные - рабочие Тулы, Иваново-Вознесенска, Петрограда, Читы - М.К.Бочко, И.Герлых, И.В. Курбин, С.И.Иванов, М.В.Карманов, Г.Д.Костылев, М.П.Нерон, А.С. Мокатилов, П.Ф. Саулин - активные участники первой российской революции 1905-1907 гг., члены РСДРП(б). Именно эта группа рабочих развернула широкую агитационную работу среди населения Ивановки и других сел района, организовала из крестьян и красногвардейцев подпольные группы для борьбы против японских войск, оккупировавших в годы гражданской войны территорию Амурской области.

Ивановка стала одним из центром массового народного повстанческого движения за Советскую власть в годы гражданской войны и иностранной интервенции в Приамурье.

За активное участие ивановцев в партизанском движении японцы жестоко расправились с мирным населением.

22 марта 1919 г. они почти дотла сожгли село, убили 257 человек. Из 800 хозяев совершенно разграблено 196, 160 остались без трудоспособных и около 1000 детей сделались сиротами.

То далекое и тревожное время выдвинуло из крестьянской среды самоотверженных патриотов за народное дело. Среди них: Безродных Илья Григорьевич - командир военнореволюционного батальона крестьян и красногвардейцев Ивановского района (март 1918 г.), командующий повстанческой армией в Мухинском восстании (январь 1919 г.), главнокомандующий партизанскими силами Амурской области (1919-1920 гг.); Бочко Макар Кузьмич - член военно-революционного штаба повстанческой армии Г.С.Дрогомевского, председатель Ивановского райисполкома (1919-1920 гг.); Бондаренко Василий Степанович - инженер-землеустроитель, член правительства Дальневосточной республики (1920-1922 гг.); Бондаренко Георгий Терентьевич - адъютант Г.С.Дрогомевского, командир Ивано-Благовещенского партизанского отряда; Матылин Алексей Алексеевич - первый заведующий Ивановской начальной школы, подпольщик; Воронов Григорий Яковлевич - подпольщик, секретарь Ивановского волостного комитета РКСМ; Воронова Ольга Яковлевна - сестра милосердия, связная подпольных комитетов и штабов парти-

занских отрядов IУ партизанского района; Сорокин Сергей Васильевич - фельдшер таежного партизанского лазарета повстанческой армии Г.С.Дрогошевского и партизанской армии Амурской области; Гранкин Николай Мефодьевич - подпольщик, командир Ивано-Благовещенского партизанского отряда (после гибели Г.Т.Бондаренко); Гранкин Петр Мефольевич - председатель Ивановского Совета крестьянских, рабочих и красногвардейских депутатов.

Около двух тысяч крестьян и красногвардейцев только одной Ивановки защищали Советскую власть с оружием в руках в I9I7 - I922 гг. Ее отстаивали целые семьи: пять братьев Гранкиных - Александр, Николай, Петр, Сергей и Яков; четыре брата и сестра Воронови - Василий, Григорий, Петр, Яков, Ольга и др.

Летопись Ивановки богата революционными традициями: маевки, митинги, протесты против правительства царского самодержавия, участие активистов села в областных съездах трудящихся, организация на местах органов народовластия - Советов.

Район понес значительные потери. В борьбе за власть Советов погибли почти все политические ссыльные и значительное количество трудоспособного мужского населения. Не стало многих партийных, советских и комсомольских активистов. Их благодарные потомки воздвигнули в районе I2 памятников и обелисков.

Описание события, а также активное участие ивановцев в хозяйственном и культурном строительстве в довоенный и послевоенный периоды послужили важными мотивами организации в I966 г. в с.Ивановке на базе кинотеатра "Родина" музея. Первым его директором был учитель Ивановской средней школы № I Даниил Сидорович Евтушенко, руководивший музеем на общественных началах до I июля I988 г.

Активное участие в создании музея, сборе материалов и воспоминаний принимали бывшие партизаны, подпольщики А.К.Туненко, А.Г.Бойко, И.В.Шульга, П.С.Жерепа и др. В музее были представлены 70 снимков участников гражданской войны, 22 - Великой Отечественной войны - I94I-I945 гг. На картах-схемах показаны боевые действия партизанских отрядов, в витринах выставлено оружие участников этих событий, денежные знаки некоторых зарубежных государств..

Музей привлек внимание общественности, его активно посещали жители и трудовые коллективы района и области. Так, в I979-I980 гг. в нем была проведена 5I экскурсия.

Активная краеведческая работа, проводившаяся в музее, позволила на его базе в с.Ивановка открыть I июля I986 г. филиал Амурского областного краеведческого музея.

Музей в настоящее время находится в старом отремонтированном здании бывшей типографии и редакции районной газеты "Амурец". Общая площадь помещения - 2I2 кв.метров. Из них: экспозиционно-выставочная составляет I88,3 кв.м., площадь под хранение фондов - II,7 кв.м.

В I993 г. завершена пристройка к музею площадью в I47 кв. метров, что позволило существенно увеличить площади под экспозиции, выставки и хранение фондов.

Первым директором филиала был Александр Макарович Табунов. А с I4 сентября I989 г. и по настоящее время филиал возглавляет Виктор Григорьевич Первушин - энтузиаст музейного дела, прекрасный краевед.

Экспозиционную работу ведут научные сотрудники А.А.Прилипко, П.Г.Адаменко и др.

После внутренней реконструкции здания в течение I990-I99I гг. в пяти комнатах в первом варианте оформлены экспозиции: "Археология", "Быт и культура первых переселенцев", "Гражданская война", "Сельское хозяйство района до I9I4 г.", "Великая Отечественная война I94I-I945 гг.", "Природа"; имеется выставочный зал.

В настоящее время коллектив музея работает над совершенствованием экспозиций, продолжает сбор материалов по социально-экономическому развитию района с I9I7 г. до наших дней, ведет научное описание коллекций, предметов и научно-техническую обработку документов.

На I января I993 г. число экспонатов основного фонда составило 292I, научно-вспомогательного - II79. За I992 г. музей посетило 7268 человек, проведено 3I2 экскурсий, прочитано 52 лекции, собрано 887 предметов основного фонда, 446 - научно-

вспомогательного. Проведена научная инвентаризация 232 экспонатов, научно-техническую обработку прошли 385 документов.

В течение года организовано I4 выставок, в том числе московская "Русское дерево", а из фонда областного музея "Искусство народов Севера". Проведено I6 мероприятий со школьниками, ветеранами войны и труда. В газете "Амурец" опубликованы 29 статей сотрудников музея.

Заведующий филиалом, научные сотрудники ведут научно-исследовательскую, поисковую работу по следующим темам: "I07-я - 49-я гвардейская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия", "Методика работы над экспозицией", "Ивановцы - участники гражданской войны", "Роль печати в улучшении музейной работы".

Одна из проблем музеев в настоящее время - сохранить стабильность посещения. В поисках новых форм и методов работы, в обновлении экспозиций, в проведении интересных, содержательных мероприятий с различными категориями населения, в организации разнообразных тематических выставок видят сотрудники Ивановского филиала областного музея выход в наше трудное и беспокойное время.

С I99I г. коллектив музея проводит систематическую работу в селах и деревнях района это "День музея в Правовосточненской средней школе", "Встреча с участниками Великой Отечественной войны сел Березовский, Среднебелая, Семиозерка", встречи с престарелыми людьми и инвалидами с.Ивановка в музее за чашкой чая, "День призывника".

За истекший период на дому посещено в селах района свыше 200 участников Великой Отечественной войны.

Одной из первоочередных задач, стоящих перед научными сотрудниками музея, является активное участие их вместе с библиотечными работниками района, учителями, старожилами в подготовке и издании "Истории сел и деревень Ивановского района", выход в свет этой работы внесет посильный вклад в развитие исторического краеведения в Приамурье.

Лазарева С.И.
Институт истории ДВО РАН

АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 20-30-Е ГОДЫ.

Истоки формирования советской бюрократии уходят в дооктябрьский период. Российское государство имело развлетвленный, могущественный бюрократический аппарат. Революция не сломала этой традиции, а создала свою почву для ее возрождения. Тотальная национализация и создание всеобъемлющего государственного сектора породили к 30-м годам сильную централизацию власти и строгую иерархию управления.

Для обеспечения функционирования командно-административной системы нужно было сформировать специфические, имманентные ей кадры руководителей, имеющих определенный комплекс необходимых качеств. Любое решение партии, постановление правительства должно было восприниматься ими как приказ. Слепое повиновение не требовало, как правило, склонности к самостоятельности оценок, критическому мышлению, сомнениям. Однако необходимы были организаторские способности для того, чтобы как можно успешнее провести этот приказ в жизнь, или определенная изворотливость, чтобы представить дело с его выполнением наилучшим образом. Все это не требовало профессиональных управленческих знаний. Определяющим критерием в подборе ответственных работников являлось, как правило, не их профессионализм и эрудиция, а "классовое чутье". Часто в лучшем положении оказывался не тот, кто был образован и специально профессионально подготовлен к управленческой деятельности, а тот, кто, имея организаторские способности, обладал большей исполнительностью, умением предугадывать желание начальства. Для этого не нужны были ни высокая квалификация, ни профессионализм, ни образование.

Ядро вновь созданной бюрократии составляли руководящие работники государственных учреждений, к ним примыкали и высший юридический персонал, без опоры на который невозможно было функционирование командно-административной системы.

Зарождение советской бюрократии еще в 20-х годах видели и опасались В.И.Ленин, Н.И.Бухарин, А.И.Рыков и другие государственные деятели того периода, но воспрепятствовать ее укреплению не смогли. Для того, чтобы воспрепятствовать разбуханию государственного и партийного аппарата в 20-е годы проводилось неоднократное сокращение штатов в госучреждениях, что привело к сокращению госаппарата на Дальнем Востоке в эти годы более чем в два раза.

Однако сокращение коснулось в основном делопроизводственного и учетно-контрольного персонала, к которому относились секретари, писцы, регистраторы и прочие канцелярские служащие. Понизилась его численность и удельный вес. Что же касается административно-руководящего состава госучреждений и высшего юридического персонала в городах Дальнего Востока, то он напротив вырос. Если в 1923 г. руководящий персонал на Дальнем Востоке составлял 1900 человек или 26,4% от всех лиц интеллигентного труда, то уже в 1926 г. 4356 человек, или 44,6%, то есть примерно в 2,3 раза больше. Это отчасти было связано с введением нового административного деления, что сопровождалось образованием новых административных единиц и соответствующего управления.

Что касается высшего юридического персонала на Дальнем Востоке, то в 1926 г., как и в 1923 г., он был крайне мал. В этот период он колебался от 5 до 2,7% от всех лиц интеллигентного труда.

Будучи в большенстве случаев профессиональными революционерами, большевики, придя к власти, своими силами не смогли обеспечить сразу все командные звенья системы квалифицированными кадрами. Подготовить же достаточное число новых кадров за столь короткий срок было невозможно. Отсюда такая большая роль выдвиженцев на руководящих постах. Так, в 1926 г. на административную работу в советские органы Дальнего Востока было выдвинуто 107 человек, или 21%. Среди избранных оказалось немало

талантливых организаторов, сыгравших активную роль в восстановлении хозяйства региона.

Не всегда выдвиженцам хватало знаний, культуры, образования, а отношения со старыми "спецами" часто складывались конфликтные. Многие государственные и партийные деятели считали, что "спецы" являются проводниками в наши аппараты буржуазных, противосоветских влияний и потому неприемлимы по своему классовому сознанию. Отсюда настойчиво звучало требование усилить выдвиженчество. Все это приводило к тому, что в середине 20-х годов административно-управленческий аппарат продолжал активно пополняться выдвиженцами, хотя в него уже начали вливаться выпускники советских школ и вузов.

Природа бюрократизма рассматривалась тогда в связи с наследием старого строя, с личным составом советских учреждений как носителем бюрократических тенденций. Бюрократы определялись не как социальная категория, а как люди, склонные к бумаготворчеству, волоките. Отсюда установки на периодические "чистки" аппарата и выдвижение взамен лучших представителей трудящихся. Происходила недооценка природы советского бюрократизма как следствия осуществления определенных государственных функций аппаратной работы. Поэтому проводимые меры по "чистке" аппарата не давали эффекта. Выдвиженцы в аппарате вынуждены были подчиняться прежнему порядку, формальным процедурам и правилам.

В основном среди управленческого состава преобладали мужчины. Но эмансипация женщин дала свои положительные результаты. Хотя женщин среди руководителей было немного, но они были представлены в госаппарате Дальнего Востока (2%). Характерно, что административный аппарат в его высшем звене сразу складывался как многонациональный: в нем были представлены и русские, и украинцы, и нанайцы, и орочи, проживающие в регионе. То же можно сказать о юридическом корпусе.

Как показывают архивные данные, слишком активно руководящий аппарат госучреждений пополнялся молодежью, не имеющей достаточного хозяйственного, политического и жизненного опыта для руководства всем регионом. Чаще всего это были люди, имеющие

стал комсомольской или партийной работы и выдвинутые в административный управленческий аппарат. Судя по возрасту, они получили свое образование уже в советское время, часто методом ускоренной подготовки через разную систему курсов, школ и т.п. Такую учебу в 30-е годы прошли 3155 дальневосточников.

Что касается грамотности состава управленческого аппарата, то согласно архивным данным, среди членов сельсоветов и волисполкомов Дальнего Востока грамотных было 8,9%. Сюда вошли окончившие среднюю школу, двухклассную сельскую школу и незакончившие среднюю школу. Уровень образования был низким и не мог соответствовать тем требованиям, которые предъявлялись самой сложностью решаемых задач в экономике, политике, культуре. Этот факт сыграл негативную роль в политическом и социально-экономическом развитии Дальнего Востока в 20-30-е годы.

Те тенденции, которые зарождались в формировании административно-руководящих кадров госаппарата в 20-е годы: разбухание штатов, интенсивное его обновление за счет молодежи, не имеющей жизненного и практического опыта, низкий уровень образования - получили свое развитие в 30-е годы, когда завершилось складывание советской бюрократической системы.

В 30-е годы увеличивается численность высшего звена административно-управленческих кадров. С этим периодом связан рост номенклатуры, которая возглавила все сферы жизни. Увеличивается процент женщин в госаппарате (1935 г. - 10,2%), возрастает юридический аппарат в два раза, что объяснялось усилившимися репрессиями.

В 30-е годы компетенция служащих аппарата была в сущности не так уж важна, отсутствие опыта управленческой деятельности, недостаток профессиональных знаний не являлись препятствием для занятия любой должности. Определяющее значение при распределении специалистов и назначении их на должность имела характеристика, в которой отмечалась активная комсомольская или партийная работа. Такой тип кадров обеспечивал стабильность самой системы, делая ее все более централизованной, создавал условия для волюнтаристских решений, для развития всепронизывающего бюрократиз-

ма. В тоже время положение самих кадров было неустойчиво, они могли быть низвергнуты, смещены и даже репрессированы как А. Курпель, В.Шмидт, Л.Лемберг, Г.Крутов и др. Такая политика порождала страх за свое место, что свойственно бюрократической системе любой страны и эпохи.

Таким образом, в 20-30-е годы наблюдался непрерывный численный рост административно-управленческого аппарата на Дальнем Востоке его оформление и проникновение во все сферы жизни. В то же время его качественные черты - грамотность, профессионализм, образование - отставали от численного роста. Аппарат постоянно обновлялся за счет активного привлечения молодежи, проходили годы, а он не старел. Все эти характеристики обеспечивали исполнительность, быстроту проведения принятых решений в жизнь, отсутствие оппозиционных настроений и протеста, сомнений, а значит, и бесперебойное функционирование командно-административной системы.

Высокая мобильность кадров, их постоянная обновляемость развивали в работниках карьеристские устремления, беспринципность, рабскую зависимость от начальства.

Макаренко В.К.
Институт истории ДВО РАН

ИЗ ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ. 30-Е ГОДЫ.

Составной частью большевистской программы построения социалистического общества в России (после захвата власти в октябре 1917 г.) являлась программа культурной революции, включавшая и подъем образовательного уровня пролетарских масс. Исходя из того, что неграмотный человек стоит вне политики и не может быть активным участником социалистического строительства, ста-

вилась задача всемерного развития народного образования и на далеких окраинах, в том числе и на Дальнем Востоке, среди национальных меньшинств.

К началу 30-х годов население Дальневосточного края составляло I,5 млн.чел.; 62% - русские, 20% - украинцы, 3,5% - малочисленные народы (эвены, чукчи, коряки, камчадалы, гольды, гиляки и др.), I4,5 - корейцы и китайцы. Согласно оптимистической статистике тех лет, школьным образованием в ДВК было "охвачено 95% детей корейцев, 87,3% детей китайцев и 49% детей малых народов Севера." В конце 20-х годов учительские кадры для корейских школ готовились в корейском педагогическом техникуме в г.Уссурийске, в ДГУ был рабфак с китайским и корейским отделениями. В связи с острой нехваткой учителей в корейских национальных школах по решению крайкома ВКП(б) и крайоно были открыты учительские курсы (на которые принимались только корейцы) в Никольск-Уссурийске, Спасске, Хабаровске и Посьете. В I93I г. во Владивостоке был создан единственный в мире (!) Интернациональный пединститут с корейским и китайским отделениями, возглавил который коммунист П.Н.Огай. Осенью I933 г. по решению Далькрайкома ВКП(б) китайское отделение было передано созданной незадолго до этого во Владивостоке Высшей китайской ленинской школе, а пединститут стал называться корейским. Попытаемся проследить его судьбу в те драматические годы.

Институт имел собственное здание, где располагались 8 кабинетов, химлаборатория, библиотека, насчитывающая 40 тыс. томов. Из-за нехватки аудиторий занятия проводились в две смены, вторая смена занималась при свечах. Обучение велось на корейском языке. Преподаватели были в основном корейской национальности.

В середине I935 г. состоялся первый выпуск - I7 учителей для корейских школ ДВК. В I936/37 учебном году институт окончил еще 6I чел. К лету I937 г. на четырех факультетах института обучалось 426 студентов.

Политическая атмосфера I937 года, характеризующаяся усилением бдительности в поисках "врагов и шпионов" со всеми вытекающими отсюда последствиями, не могла не затронуть и корей-

ский пединститут. "...Обучение в институте поставлено крайне плохо, - сообщала инструктор отдела школ и науки ДВК М.Шипридова в письме секретарю Приморского крайкома ВКП(б) Пеккеру,- ...70% студентов обучаются на тройки, учебников на русском языке нет, коммунисты по числу отличных оценок - на последнем месте, социалистическое соревнование проводится формально, плохо поставлено изучение истории ВКП(б) - учат по учебнику Ярославского, роста численности сочувствующих коммунистической партии нет.. А главное - нет классовой бдительности. Преподавательский состав засорен чуждыми в политическом отношении людьми: Ни Павел Филиппович, преподаватель химии, служил полтора месяца у Колчака, хоть и из крестьян-бедняков; Огай Тихон, сын крестьянина-бедняка, преподаватель психологии и родного языка - бывший член реакционного буржуазного меркуловского правительства и Народного собрания в I92I г.; Хан Антон, зав.кабинетом педагогики, секретарь учебной части, - сын кулака, в старой армии был прапорщиком; Цой Николай, член ВКП(б), был связан в прошлом с "эмильдановцами", также как и преподаватели Пак Юн ше, Ни Тихон, Хан Моисей.."

Инструктор отдела школ и науки Виноградова в секретном письме к Варейкису бдительно сообщала о "засоренности корейского пединститута людьми, не заслуживающими никакого доверия: ..Хан Ве зе не имеет законченного высшего образования, по сведениям (каким, автор не сообщает - В.М.) учился в японском частном университете два года; Хан Анатолий окончил педучилище, один год учился в Иркутском пединституте; Клюкин - профессор-монголовед, преподаватель русского языка, в прошлом казачий офицер, служил у атамана Семенова, настроен антисоветски. Протаскивает в преподавании антимарксистскую теорию происхождения языка. Яшин - японовед, преподаватель русского языка, служил в белой армии.Хан Борис, Лян Василий, Ни Иван, Цой Николай, Ни Павел замешаны в группировке "Корейского бюро". В заключении автор предлагала "тщательно проверить политическую физиономию преподавателей и отстранить политически чуждых, заменить неугодных".

I0 мая I937 г. к секретарю Далькрайкома Варейкису обратил-

с "докладной запиской" научный сотрудник института С.И.Рывкин. В ней он излагал факты фракционной работы "Корейского бюро" в институте, сообщал о наличии анархосиндикалистской и "иркутской" группировок и лояльном к ним отношении секретарей горкома Касименко и Васильченко, о покровительстве им бывшего секретаря обкома Таничина. "Необходимы срочные меры", - заканчивалось письмо. Меры были приняты. П.Н.Огай был исключен из партии и арестован. Вопрос о партийности нового директора института - Н.Цоя - был передан на рассмотрение областного комитета народного контроля. Результатом "рассмотрения" стали аресты преподавателей, произведенные в институте органами НКВД летом I937 г.

Директором института был назначен отозванный из партийных инстанций г. Благовещенска А.Батобов, оперативно утвержденный Наркомпросом в этой должности в конце июля I937 г. Однако к началу сентября он остался единственным представителем администрации в вузе. "Все помощники арестованы, - писал он в письме к Варейкису I3 сентября, беспокоясь о том, что ему не разрешили выехать в Благовещенск для снятия с партийного учета, в то время как "институту, преподавателям и студентам необходимо выехать" в связи с началом выселения корейцев с Дальнего Востока. Операция проводилась в обстановке строжайшей секретности - даже директору были даны указания о подготовке института к "переводу" без указания конечного пункта. Совершенно искренне верящий в обоснованность и правоту решений, принимаемых ВКП(б), дисциплинированный солдат партии А.Батобов отправил свою семью общим эшелоном, чтобы не сложилось "впечатление, что не институт переводится, а высылаются корейцы", хотя ему говорили, что "директору ехать не надо". Однако он посчитал, что "..это было бы политически неверным, если бы русских коммунистов оставили, в то время как корейцы - студенты и преподаватели - вынуждены уехать". Своим поступком он рассеял сомнения последних, вызвал у них энтузиазм при формировании эшелона.

Таким образом, пединститут был переведен "в первом, сентябрьском этапе переселения корейцев с Дальнего Востока (второй этап выселения - октябрь I937 г.) и размещен в Оплей сто-

лице Казахстана г.Кзыл-Орде. Вуз теперь не был "корейским", т.к. все переселенные корейцы в соответствии с закрытым указом правительства СССР считались спецпоселенцами со всеми вытекающими отсюда последствиями (ограниченный режим передвижения, обязанность отмечаться в комендатуре и т.п.). Кроме того, выселенные с Дальнего Востока корейцы (около I80 тыс.) были расселены небольшими компактными группами в I4 областях Казахской и Узбекской ССР, т.е. искусственно распылены и вряд ли у них была возможность воссоздать свои национальные школы.

Здание, в котором размещался корейский пединститут во Владивостоке, по решению Приморского обкома ВКП(б) было передано двухгодичным педагогическим курсам иностранных языков. Так прекратил свое существование "единственный в мире интернациональный пединститут".

Марьясова Н.В.
Институт истории ДВО РАН

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕССИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 20-Е ГОДЫ.

После воссоединения Дальнего Востока с Советской Россией (I922 г.) встала задача скорейшего восстановления и развития экономики региона. В этой связи было признано необходимым широкое развитие частной инициативы и привлечение иностранного капитала на концессионной основе.

Для упрочения и регламентации концессионного дела I6 декабря I922 г. при Дальревкоме был образован концессионный комитет в составе представителей промбюро, земельного отдела и председателя Дальревкома.

Следует отметить, что проведение концессионной политики

в регионе сразу же оказалось под пристальным контролем центра. Несмотря на то, что Дальревком декларацией № I от I5 ноября 1922 г. провозгласил сохранение в силе законом ДВР в области экономики и финансов на переходный период, по указанию Советского правительства Дальревком признал недействительным все договоры, заключенные ранее как с русскими, так и с иностранными концессионерами. Условием перезаключения концессионных договоров на основе законов РСФСР была уплата задолженности государству со дня эксплуатации концессионных объектов, независимо от прежних платежей.

Главными объектами концессионирования выступали природные богатства Дальнего Востока, которые являлись достоянием общегосударственного значения. Учитывая и политический аспект концессионного дела в ДВО. Вот почему, центральные органы, отвечавшие за проведение концессионной политики уделяли значительное внимание ее развитию на Дальнем Востоке и стремились держать этот процесс под своим непосредственным контролем.

На заседании Главконцесскома 3I января 1923 г. было решено организовать при Дальревкоме Концессионную Комиссию, на которую возлагалось ведение предварительных переговоров, разработка проектов договоров и выявление финансовой и технической состоятельности фирм, ходатайствующих о выдаче им концессий. Концессионная Комиссия создавалась по персональному принципу, и председатель Главконцесскома Г.Л.Пятаков согласовывал этот вопрос с ВСНХ, Наркоматом иностранных дел (НКИД), Наркоматом внешней торговли (НКВТ).

Эта комиссия была образована на основании постановления распорядительного бюро Дальревкома от I7 марта 1923 г. № 40 и получила название Дальневосточная Концессионная Комиссия, сокращенно– Дальконцесском. В ее состав вошли пять ответственных работников, назначенных персонально Дальревкомом. Возглавил Дальконцесском председатель Дальревкома П.А.Кобозев.

Перед Дальконцесскомом были поставлены задачи общего руководства, наблюдения и контроля за проведением концессионной политики в условиях Дальнего Востока.

Оставив в своих руках стратегически важные (в экономическом

ношении) отрасли промышленности и крупнейшие предприятия, государство, проводя нэп, предприняло попытку классифицировать следние по их значимости. Этот процесс не миновал и ДВО. В е 1923 г. на специальном совещании Дальревкома было рассмотно состояние Дальневосточной промышленности. Наиболее крупные предприятия были переданы в ведение Дальпромбюро. Предприятия стного значения перешли в ведение Губисполкомов. Для этих предприятий также не исключалась возможность концессионирования. аво ведения переговоров было передано Губисполкомам, но при ловии согласия со стороны Главконцесскома и выполнения его ректив. В особых случаях Главконцесском имел право отстранить участия в переговорах Губисполком.

В июне 1923 г. Главуонцесском предоставил также и Дальпромбюро право разрабатывать планы и принципы концессионной политики отношении подведомственных ему предприятий, право концессионной циативы, ведения вредварительных переговоров на основе директив Главконцесскома, надзор за выполнением условий договоров, решение текущих вопросов. В ведении Дальпромбюро находилось основном курирование предложений и концессионных договоров в ласти горного дела.

Вопросы концессионирования, относящиеся к сфере лесного хозяйства, возлагались на Уполномоченного Наркомата Земледелия.

Проведение публичных торгов на сдачу промысловых участков в аренду возлагалось на Дальневосточное управление рыболовства (Дальрыбу) во Владивостоке. Общее руководство всеми переговорами о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке возлагалось на Наркомат иностранных дел (НКИД) и Наркомат продовольствия (НКпрод). Назначение их уполномоченных во Владивостоке согласовывалось с Дальревкомом, а копии всех постановлений и директив НКИД и НКпрода поступали в Дальревком для обязательного ознакомления. Копии донесений, направляемых уполномоченными в центр, также препровождались в Дальревком. Казалось, что местные органы могут активно участвовать в проведении концессионирования в этой области народного хозяйства, но возможность самостоятельных и активных действий была сильно ограничена

тем, что Дальревком без указаний НКИД никаких директив уполномоченным НКИД и НКпрода во Владивостоке давать не мог.

Таким образом, текущая концессионная работа не была сосредоточена в едином местном органе, возникла многоступенчатая и достаточно разветвленная система органов, отвечающих за проведение концессионной политики и организацию концессионной практики на Дальнем Востоке. За Дальконцесскомом сохранялась общая руководяще-контролирующая функция при проведении концессионной политики в регионе, но его самостоятельность и возможность проявить инициативу были существенно ограничены. Дальконцесском оставался лишь промежуточно-передаточным звеном при рассмотрении и утверждении концессионных договоров: на него возлагалась подготовительная работа, предшествующая подписанию контракта и контроль за вступившими в силу концессионными договорами, а также текущий контроль на территории края. Право подписания концессионных договоров принадлежало только правительству СССР, что было закреплено на коституционном уровне.

23 марта 1926 г. первым пленумом был избран Далькрайисполком и 14 декабря Дальконцесском официально перешел под его эгиду. Руководителем Дальконцесскома, также как и Далькрайисполкома стал Я.Б.Гамарник.

Все это не повлекло каких-либо принципиальных изменений в статусе, функциях и полномочиях Дальконцесскома: как и прежде наблюдалась строгая ориентация на центр при организации концессионного дела в регионе, ограничивалась возможность проявления какой-либо инициативы. На действия и решения Далькрайисполкома и Дальконцесскома, которые могли повлиять на отношения с концессионерами и не соответствовали установкам центра, оперативно реагировал Главконцесском, привлекая к этому и правительство: накладывалось "вето" на действия местных органов, и инцидент считался исчерпанным.

Кроме того, концессионеры имели право напрямую обращаться в Главконцесском и даже в правительственные органы в случае недоразумений, возникавших с местными властями и наблюдающими органами, игнорируя те или иные распоряжения и действия последних

Панфилова С.С.
Уссурийский гос.пединститут

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕЙСКИХ ХОЗЯЙСТВ В УССУРИЙСКОМ КРАЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В последний период появилось ряд публикаций, посвященных корейскому вопросу. Особый интерес представляет экономическое положение корейских хозяйств в Уссурийском крае.

В 1883 году, когда по существу начинается русская колонизация Уссурийского края, корейские хозяйства уже экономически окрепли. Передача земледельческого опыта корейцами русским переселенцами, незнавшим ни почвенных, ни климатических условий края, поставка дешевой рабочей силы, с самого начала колонизации являются крупным фактором в развитии экономики края.

Обычно корейцы прибывали в край без инвентаря, без денег, обремененные семьей и обосновывались первое время на совершенно не нетронутых и трудно поддающихся обработке пустопорожних землях. Только огромными усилиями можно было превратить землю в состояние возможное для посева. Получение земель корейцами совершалось зачастую в порядке захвата, иногда оседание на земли санкционировалось случайными представителями и только прием в русское подданство давал надежду получить надел. Корейцы не находившие земли искали пропитание, в качестве рабочих и батраков, у крестьян и казаков с крупными наделами, соглашались на любые условия аренды. "Безземельный" кореец при беспристрастном взгляде на положение является "бродячим рабочим скотом" - писал В.Д. Арсеньев в 1913 году.

В первые годы советской власти на Дальнем Востоке было принято решение: наделенных землей корейцев оставить на месте, всех остальных корейцев живущих в крае, наделить землей в Хабаровском и Амурском округах, не останавливаясь даже перед принудительным

переселением. Несмотря на это решение, только по Владивостокскому округу с 1923 г. по I октября 1926 года 5717 корейских дворов получили земельный надел.

Безземельные корейцы вынуждены, как и до советской власти, арендовать землю. Оплата идет натурой за землю и по договренности за водопользование. Например: за десятину земли для суходольных злаков от 15 до 40 пудов кукурузы или бобов; за десятину под рис на старых плантациях от 25 до 40 пудов риса, а также от 40 до 50 пудов соломы с десятины, к тому же от 15 до 30 рублей за воду с десятины рисового поля. Некоторые безземельные дворы арендуют землю под рис у колхозов на I/4 урожая с десятины, при этом за водопользование арендаторы не отвечают. В данном случае эти условия менее кабальные, чем аренда у местных крестьян. Кореец, имеющий надел и арендующий землю, максимально использует ее, и получает высокий урожай в I I/2 - 2 раза больше, чем русский крестьянин. Урожайность в корейских хозяйствах: 50-80 пудов чумизы с десятины; 80-90 пудов бобы; 50-60 пудов пшеницы. Рис является главной земледельческой культурой у корейцев, впервые ими посажен в Приморье в 1917 году.

Корейские хозяйства можно разделить на три группы (в них имеются хозяйства с надельной и арендуемой землей).

Бедняцкие хозяйства - средняя площадь 0,9 десятин, доходов от переработки продуктов полеводства нет. Средние хозяйства - обеспечены землей от I до 4 десятин, имеют I-2 головы скота, доход 22 рубля. "Крупные" хозяйства - имеют от 4 до 6 десятин земли, 2-3 головы скота, доход около 150 рублей, прибегают к найму рабочей силы, используют кредитные операции, дают в долг.

В корейских хозяйствах совершенно отсутствуют усовершенствованные с/х орудия, для обработки почвы используются примитивные деревянные сохи. Из всего количества пропашных орудий у корейцев 82,1% падает на сохи, в то время как у русских на этот вид инвентаря приходится только I,I%, в 97,8% составляют бороны и железные плуги. Скотоводству в корейских хозяйствах уделяется ничтожная роль, способ обработки земли происходит за счет физической силы человеческого труда. Соотношение русского и корейского хозяйств непропорционально в обеспеченности скотом. В

русских хозяйствах скот имеют 88,9%; в корейских почти на 20% меньше. Еще ниже число хозяйств с рабочим скотом, где разница превышает 40%. В качественном отношении русское стадо представляет большую устойчивость и ценность, чем корейское. Такая разница кроется, главным образом, в экономически низком уровне корейского хозяйства.

Итак, несмотря на то, что местная администрация в первые годы советской власти стремилась положительно решить корейский вопрос, обеспеченность землей, рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем в корейских хозяйствах была немного слабее, чем в русских крестьянских хозяйствах. Корейское хозяйство в общем являлось хозяйством бедняцким и в меньшей степени середняцким, но трудолюбивые, нетребовательные корейцы давали на небольших участках земли высокую урожайность, что было выгодно для экономической жизни края.

Проскурина Л.И.
Институт истории ДВО РАН

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ (1932 - 1934 ГГ.).

В ряду преступлений сталинского режима особое место занимает период проведения массовой коллективизации, в результате которой был нанесен основной удар по деревне. Насильственная коллективизация сопровождалась разрушением производственных сил деревни, разорением крестьянства, многочисленными жертвами и человеческими трагедиями.

В настоящее время историки-аграрники пытаются определить масштабы и механизм политического и экономического насилия над крестьянством, установить действительный ход и конкретные формы

репрессий. Наиболее изучены эти вопросы в начальный период сплошной коллективизации, наименее - в завершающий. Насильственные методы продолжали оставаться основными, решающими и в последующие годы, годы завершения массовой коллективизации. Этим сюжетам и посвящено данное научное сообщение.

После весны 1930 г., поставившей деревню на грань гражданской войны, партийно-советским органам пришлось маневрировать. Но в то же время последнее слово всегда оставалось за фактором принуждения: ужесточалось налоговое давление на единоличников, как средство давления на крестьянина, нежелавшего вступать в колхоз, а главное - по-прежнему практиковалось раскулачивание.

Особенно репрессии коснулись крестьян и колхозников после принятия "драконовского" закона от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности. Законом предусматривалось за хищение суровое наказание - "расстрел с конфискацией всего имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества". В деревне его сразу же прозвали "Законом о пяти колосках". С января по август 1933 г. дальневосточные суды применили этот закон к двум тысячам человек, двести из них не могли найти смягчающих обстоятельств и их приговорили к расстрелу.

В 1933 г. во многих районах Дальнего Востока были вскрыты филиалы мифической "Трудовой крестьянской партии", якобы созданной в конце 20-х годов и призывающей крестьян к борьбе с советской властью. Например, на территории Биробиджанского района и г.Хабаровска была "обезврежена" контрреволюционная вредительско-повстанческая организация, якобы активно действовавшая на протяжении ряда лет. По делу было привлечено 248 человек. Обвинительное заключение 28 октября 1933 г. подписал полномочный представитель ОГПУ ДВК Т.Д.Дерибас. До момента вынесения приговора 13 человек скончались в тюрьме, 84 крестьянина по постановлению "тройки" были расстреляны. Многие были казнены, так и не признавшись в сфабрикованных против них преступлениях, 151 человек приговорили к высшим срокам ИТЛ и лишь немногих к высылке.

Репрессии в дальневосточной деревне в период завершения сплошной коллективизации обрушились уже не столько на крестьян-

единоличников, сколько на колхозников. Особую роль в этом сыграли политотделы МТС и совхозов, созданные по решению январского (1933 г.) Пленума ЦК ЦКК ВКП(б) как чрезвычайные органы Коммунистической партии и наделенные полномочиями политических, хозяйственных и карательных органов. Менее двух лет продолжалась их деятельность, однако она оставила заметный след в истории деревни. Советская историография в свое время немало преуспела в безудержном восхвалении этих органов, в затушевывании негативных результатов их деятельности. Особенно слабо изучена деятельность карательно-репрессивных органов политотделов, приведшая к трагедии десятки тысяч людей - рядовых колхозников, механизаторов, организаторов и руководителей производства, специалистов.

Сталинское руководство ориентировало политотделы прежде всего на осуществление в деревне чрезвычайных мер, на продолжение политики "чрезвычайщины". В резолюции Пленума указывалось на особую важность решения двух задач: обеспечения безусловного и своевременного выполнения колхозами и колхозниками своих обязательств перед государством и очищение колхозов и МТС от антиобщественных и классово враждебных элементов. Наличие в штате политотделов МТС заместителя начальника по ОГПУ позволяло им эффективно выполнять функции карательных органов. Причем, в прессе и официальных документах партии о принадлежности второго зама к ведомству ОГПУ умалчивалось, обычно речь шла о двух заместителях "по общепартийной работе".

В 1933 г. в политотделе МТС и совхозов Дальнего Востока было направлено 289 партийных работников, почти половина из них имела партийный стаж свыше 10 лет, по социальному положению 62,7% политотдельцев были из рабочих. Большинство политотдельцев не только не являлись специалистами в области сельского хозяйства, но, как правило, имели смутное представление о деревне.

Политотделы начали свою деятельность с разоблачения и изгнания из колхозов и МТС "классовых врагов". К июню 1933 г. на Дальнем Востоке было исключено из колхозов 3 тыс. хозяйств, объявленных кулацкими. За первый год работы только один полит-

отдел Тамбовской МТС изгнал из колхозов 700 "кулаков", выявил расхитителей семян, виновников порчи тракторов. Неполадки в колхозном производстве, неопытность колхозных кадров, поломки машин и т.д. зачастую квалифицировались как вредительство. Нередко обвинение связывалось с принадлежностью к свергнутым классам. Так, в с.Петровке Серышевского района в 1933 г. были арестованы три брата Дындарей, самых опытных работников в деревне. Они были объявлены враждебными элементами, так как их отец до революции был старшиной волостного управления. Их приговорили к пяти годам тюремного заключения и к пяти годам поражения прав гражданского состояния. Политотдел Веринский МТС исключил из партии и предал суду помощника директора - бывшего белогвардейца Федорченко. По данным на I января 1934 г. из 20 МТС Дальнего Востока было изгнано 25% председателей колхозов, 23% завхозов и бухгалтеров как классово чуждых элементов. В колхозах края, обслуживаемых МТС, было сменено 15% трактористов и бригадиров. Многие из них были репрессированы. Председатели колхозов чаще всего снимались с работы как не обеспечившие выполнения обязательств колхозов перед государством.

Многие политотделы часто подменяли кропотливую политико-воспитательную работу среди колхозников командованием и голым администрированием. Бюро Далькрайкома ВКП(б) дважды рассматривало вопросы о неправильных исключениях колхозников в Георгиевской МТС Александровского района. В постановлении бюро Далькрайкома ВКП(б) от I3 ноября 1934 г. отмечалось, что колхозников исключили из коллективов без обсуждения на общем собрании и без достаточного на то основания. В колхозе "Рассвет" были исключены три тракториста, как кулаки, а после тщательного расследования оказалось, что они бывшие бедняки и середняки. Все трудности деревни Сталин свел к поискам классовых врагов и предложил искать кулаков внутри колхозов среди кладовщиков, счетоводов, завхозов, секретарей.

В резолюции ноябрьского (1934 г.) Пленума ЦК ВКП(б) отмечалось, что политотделы как чрезвычайные органы выполнили свои задачи и главное - при помощи политотделов из колхозов и МТС были разоблачены и изгнаны "антисоветские, антиколхозные сабо-

таннические и вредительские элементы, кулаки и подкулачники". Свои чрезвычайные полномочия они употребили главным образом на то, чтобы провести глобальную чистку кадров колхозов и МТС и путем применения репрессивных мер добиться безусловного выполнения непосильных для крестьян хлебозаготовительных планов. С завершением массовой коллективизации репрессии против дальневосточного крестьянства не прекратились. В I937-I938 гг. на страну, в том числе и на дальневосточную деревню, обрушилась новая волна репрессий, еще более пагубных и жестоких".

Романовский В.К.
Уссурийский гос.пединститут

ПРОБЛЕМЫ НЭПА В НОВЕЙШИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

В конце 80-х - начале 90-х годов, в условиях банкротства прежней системы ценностей и ложных концепций, происходит ломка традиционных представлений о новой экономической политике. В многочисленных публикациях этого времени, посвященных советской истории 20-х годов, утверждаются новые подходы в объяснении причин и условий перехода к нэпу, определении сущности и хронологических рамок нэповской политики. Более объективно, всесторонне освещается нэповский курс, его противоречия и последствия для народного хозяйства страны. Критическому анализу подвергается ленинское наследие о нэпе. Расширился круг вопросов, прежде не обсуждавшихся в рамках этой темы.

На рубеже I920-I92I годов Россию охватил глубочайший кризис, который заставил большевиков пересмотреть свою экономическую политику. До недавнего времени утверждалось, что этот кризис обусловлен последствиями гражданской войны. Авторы новейших публикаций (В.Сироткин, В.Киселев, А.Цыпко и др.) кризисное положение в стране объясняют не столько гражданской войной,

сколько стремлением большевистского руководства с октября 1917 года воплотить в жизнь ранее провозглашенные марксистские идеи о строительстве бестоварного социализма и крахе этих планов. Огосударствление производства, жесткая централизация управления хозяйственной жизнью, всеобщая трудовая повинность, отказ от рыночных отношений и другие военно-коммунистические меры привели к развалу экономики (гражданская война лишь усугубила это положение). Они стали причиной так называемых "контрреволюционных выступлений" (рабочих забастовок, крестьянских восстаний, волнений в армии и на флоте), которые сегодня многими авторами (Р.Медведев, Д.Фельдман, С.Есиков, В.Каницев) оцениваются как акты отчаяния, спровоцированные политикой большевиков.

В литературе прошлых лет упрощенно и односторонне освещался процесс выработки решения о переходе к нэпу. Имелся явный пробел в сведениях о вызревании нэповских идей в условиях военного коммунизма. Все начинания, связанные с нэпом, приписывались Ленину. Благодаря опубликованным научным изысканиям С.Павлюченкова, С.Никольского, Н.Симонова, В.Старцева и др. становится очевидно, что нэповская идея прошла трудный путь становления, прежде чем была воплощена в жизнь. В большевистской партии не было единства в отношении проводимого военно-коммунистического курса. Так, весной 1918 г. против политики "продовольственной диктатуры" выступили Л.Каменев, Ю.Ларин, А.Рыков. Сомнения в целесообразности проводимого курса неоднократно высказывал лидер российских профсоюзов М.Томский. С инициативой об упразднении разверстки и введении натурального налога выступила группа работников ВСНХ во главе с Ю.Лариным. Предложение о замене продразверстки продналогом в политбюро ЦК вносил Л.Троцкий. Альтернативные пути развития экономики предлагали также и политические оппоненты большевиков. Сегодня заметен интерес исследователей (В.Журавлев, Н.Симонов) к меньшевистской программе "Что делать" (1919 г.), в которой многие положения схожи с нэповскими идеями 1921 г. Вероятно, Ю.Мартов не без основания обвинял В.Ленина в том, что он "похитил нашу продовольственную программу". Но несмотря на критическое отношение к военно-коммунистическому курсу и внутри партии и за ее пределами, большевистское

руководство до самого последнего момента продолжало его отстаивать и только реальная угроза потери власти заставила большевиков начать переход к нэпу - эти заключения характерны для многих публикаций последних лет.

Существует широкий спектр мнений относительно того, как понимал В.Ленин. При всем их разнообразии можно выделить две группы суждений. Одни авторы (О.Лацис, Г.Смирнов, В.Наумов) убеждены в том, что крутой поворот, предпринятый лидером правящей партии весной 1921 г. и его высказывания в последние годы жизни дают основания говорить о коренной переоценке Лениным теории социализма, признании им "реформистского", рыночного (нэповского) пути строительства социализма. Нэп рассматривался Лениным как стратегический курс партии на исторически длительный период. Другая часть исследователей (М.Горинов, С.Цакунов и др.), напротив, считают, что несмотря на поворот 1921 г. кардинальных изменений во взглядах Ленина на социализм не произошло. Важнейшие элементы нэпа (хозрасчет, рынок, аренда, торговля и т.д.) он продолжал считать по природе "капиталистическими", а сам процесс утверждения их в хозяйственной жизни как "стратегическое отступление" от "социалистического строительства к государственному капитализму". "Рыночный" нэп Ленин рассматривал как тактический маневр (необходимый для восстановления хозяйства и укрепления власти), продолжая оставаться сторонником "бестоварного социализма" как конечной цели.

Для первых публикаций перестроечного времени (Г.Шмелев, В.Дмитренко, В.Лельчук) характерна идеализация нэпа и нэповского общества. На рубеже 80-90-х годов утверждается более объективная характеристика преобразований 20-х годов, выявляются как сильные так и слабые стороны нэповской системы, ее противоречия (М.Горинов, С.Цакунов, В.Козлов, Г.Бордюгов, В.Попов, Н.Шмелев). Противоречивым было нэповское общество (экономика рыночная, а политическая власть в форме диктатуры пролетариата). Серьезные диспропорции наблюдались в народном хозяйстве (между деревня и промышленность, где доминировал государственный сектор, развивались неравномерно). Противоречиями страдала нэповская система управления народным хозяйством (разногласия между ВСНХ

и трестами по поводу прав и обязанностей, использование не только экономических, но и административно-карательных методов хозяйствования). Руководство страны, с одной стороны провозглашало свободу частного предпринимательства, с другой - призывало к решительной борьбе с капитализмом" и "новой буржуазией".

В новейшей литературе по-разному оцениваются итоги, результаты нэпа. Ряд авторов (В.Сироткин, В.Лельчук, Г.Шелев) высоко оценивают нэповскую политику, в короткий срок преобразовавшую страну. При нэпе были достигнуты наилучшие показатели развития экономики за весь советский период. Эта политика, имевшая огромный потенциал, могла оставаться эффективным инструментом в решении хозяйственных задач и после восстановительного периода. Другие исследователи (Г.Ханин), не умаляя ее значения для возрождения страны, указывают на то, что результаты нэпа значительны в сравнении с состоянием экономики 1921 г., но весьма скромны на фоне дореволюционного уровня развития народного хозяйства. Далее к концу нэпа по всем основным экономическим показателям сохранялось заметное отставание отечественной экономики от уровня 1913 г. И нэповская политика, ориентированная на восстановительные процессы, тем более не могла обеспечить решение новых социально-экономических проблем (реконструкция, индустриализация народного хозяйства).

В отечественной историографии впервые поставлен вопрос о демонтаже нэпа. Среди исследователей идут острые дискуссии о причинах слома новой экономической политики. Одни (И.Клямкин) считают, что нэпа не было перспективы, он изначально был обречен, так как в стране не было объективных условий (высокого уровня социально-экономического развития, цивилизованности) для поведения и утверждения такой политики. Другие (Г.Бордюгов, В.Козлов, М.Горинов, С.Какунов) исходят из того, что в самом нэпе была заложена альтернативность социально-экономического развития страны (нэповский и административно-командный варианты). Возможность того или иного пути обусловливалась нестабильными, противоречивыми социально-экономическими и политическими процессами в стране. Деструктивное влияние на экономику стихийных элементов нэпа привело к усилению государственных начал. И по мере

углубления противоречий в нэпе сталинское руководство все активнее выступало за административно-командный вариант развития. Третьи (Ю.Борисов) утверждают, что судьба нэпа зависела от результатов борьбы между сторонниками и противниками его в большевистской партии. С победой "левых" в большевистском руководстве в конце 20-х годов нэп сразу не был отброшен. Некоторые исследователи (Л.Гордон, В.Клопов, С.Стариков и др.) обращают внимание на социальные факторы (слои общества, поддержавшие сталинскую "революцию сверху"), которые привели к слому новой экономической политики.

Несостоятельным оказался господствовавший до недавнего времени сталинский тезис о завершении нэпа в середине 30-х годов, на смену которому пришла "политика победившего социализма". В современных публикациях однозначно утвердилась точка зрения, согласно которой период нэпа заканчивается в конце 20-х годов. Причем речь может идти, отмечают исследователи, не о завершении нэпа, а о его ускоренном демонтаже, насильственном сломе.

Оленев Е.В.
Дальневосточный гос.
университет

ИЗ ИСТОРИИ ГОРНОПРОМЫШЛЕННОГО КОМБИНАТА "СИХАЛИ" (1932-1940 ГГ.)

Данный период истории комбината интересен с точки зрения передачи концессионного предприятия "Тетюхе" в руки Советской власти.

Первыми шагами советской администрации рудника стали введение жесткой дисциплины и "чистка" в рядах бывших ИР концессии. В результате более половины наиболее квалифицированных сотрудников были уволены, как "социально чуждые элементы". Итогом этого стало выполнение плана 1932 г. лишь на 55%. Для вывода предприятия из прорыва акцент делается на "силовые", административ-

вные методы управления: введение I0-часового рабочего дня, ужесточение борьбы против прогульщиков, персональная ответственность за определенный участок работы. Принятие мер плюс жесткое директивное управление позволило выйти предприятию в I935-I938 гг. на уровень определенной стабильности, хотя в целом комбинат не выполнял плановых заданий. Следует выделить ряд причин хронического отставания производства:

-недопоставка оборудования и снаряжения (в I937 г. из-за этого простои составили 93 дня);

- кадровая проблема. Текучесть за I937 г. составила более I00%. Основная масса - сезонники. Крайне низкий профессиональный уровень. Результатом чего являлось катастрофическое состояние техники безопасности (33I несчастный случай за I937 г.). Такого не было у концессионеров даже в худшие года;

- неорганизованность производства. Из-за недопоставок в I935 г. простои составили 28% от возможного. Для спасения плана в конце года проводился аврал, что в том же I935 г. дало I0752 чел. (часов сверхурочных работ);

- существуя на дотации государства, комбинат тем не менее только за I935 г. принес сверх дефицитного бюджета еще миллион рублей убытка.

Все эти минусы практически делали комбинат хронически нерентабельным.

С экономическими трудностями добавлялись проблемы политического характера. Не прошли незамеченными годы "большого террора" (I937-I938 гг.). Только за I937 г. в руки органов НКВД передано 47 работников комбината, в основном наиболее квалифицированные сотрудники.

Набор хронических проблем, а также "вымывание" лучших специалистов в I937-I938 гг. привели к тяжелейшему прорыву в I939 г. В целом план был выполнен только на 60%. В два раза снизилось качество выпускаемой продукции. За I939 г. комбинат "Сихали", у которого и так был запланирован убыток 2085 тыс. руб., фактически получил чистого убытка на сумму 7I38 тыс.руб.

Рассматривая в целом период с I932 по I940 годы, можно сделать вывод о том, что с установлением Советского власти не произошло кардинального роста производства. Производственный потенциал оставался на концессионном уровне. Рост количественных показателей был достигнут за счет всемерного ужесточения дисциплины и ответственности, а также экстенсивного способа добычи руды, при котором рост количественных показателей вел к снижению качественных.

Решение о ликвидации концессии в I932 году с экономической точки зрения было невыгодно.

Сергеев О.И.
Институт истории ДВО РАН

КАЗАЧЬИ СТАНИЦЫ И КАЗАЧЕСТВО
(Из истории российской эмиграции в Китае)

Одним из крупнейших районов расселения российской эмиграции в 20–40-х годах XX в. являлся зарубежный Дальний Восток. Значительное место в ней занимало казачество. В местах проживания казаков-эмигрантов, и прежде всего в Китае, ярко проявлялась их роль в политической жизни региона.

Оказавшиеся за рубежом представители различных казачьих войск очень скоро проявили стремление к организационной сплоченности, что объясняется как историческими традициями казачества, так и особыми условиями жизни в эмиграции. Уже с начала 20-х годов в различных городах и поселках Китая стали создаваться казачьи станицы, своеобразные землячества казаков, проживающих в одном населенном пункте. Станицы объединяли либо представителей одного войска, либо нескольких. Основная задача таких объединений заключалась в сплочении казаков в чужой стране для взаимопомощи. Однако руководители казачьей эмиграции преследовали при создании станиц и политические цели, прежде всего - сохранения своего влияния на рядовых казаков. При этом руководство казачьей эмиграции особо остро реагирова-

ло на попытки других политических объединений и партий как-то влиять на казаков. А такие попытки несомненно были. В том числе большое внимание казачеству уделяли лидеры русского фашизма.

Фашистская организация возникла в Маньчжурии в середине 20-х годов в среде тех российских эмигрантов, которые, сохраняя свой антисоветский настрой, начали искать новые социальные идеи и новые организационные формы борьбы с Советской властью. Деятельность русских фашистов в Харбине находилась под полным контролем Японии. Эта зависимость в значительной степени определяла и взаимоотношения РФП и ее руководства с другими эмигрантскими организациями и в целом с российской эмигрантской средой в Маньчжурии. Основная масса российских эмигрантов относилась к деятельности местных фашистов отчужденно, сложные отношения были у Родзаевского и со многими лидерами эмиграции; его молодость и политические перспективы беспокоили старых "вождей" белого движения. Так, откровенную неприязнь к Родзаевскому высказывал атаман Семенов.

Однако Г.М.Семенов официально был объявлен японцами "главой российских эмигрантов в Маньчжоу-го". Поэтому фашисты стремились к сотрудничеству с казачьим атаманом и в целом с казачьей эмиграцией в Китае. На третьем съезде РФП (июнь - июль 1935 г.) был официально подтвержден курс партии на такое сотрудничество.

Фашисты стремясь привлечь в свою партию как можно большее число людей, в том числе и из среды казачьей эмиграции. С этой целью, наряду с организационными усилиями, они стремились идеологически обосновать исторически существующую, по их мнению, связь фашизма и казачества.

В 1934 г. лидер фашистской партии К.В.Родзаевский опубликовал в журнале "Дальневосточный казак" обращение "фашизм и казачество". Отмечая, что казачество всегда было "объединением мирных землевладельцев и земледельцев, превращавшихся в воинов при первых сигнальных звуках войны", Родзаевский делает своеобразное заключение, что последнее обстоятельство "роднит казачество с той новой организованной националистической

силой, которая в Италии называется "фашистской милицией", а в Германии - "штурмовыми батальонами". А в качестве общего вывода глава РФП подчеркивал: "История и долг ставит перед российским казачеством совершенно определенную задачу - сомкнуть свои ряды с рядами Русских фашистов и в качестве одной из важнейших составных частей - войти в Русское фашистское движение, идеологически оформляемое и направляемое Русской фашистской партией".

В обращении отмечалось, что "растут и укрепляются казачьи очаги РФП. Крупнейшее объединение казачества - Союз казаков на Дальнем Востоке - все ближе подходит к РФП". Однако это было скорее благое пожелание, чем реальная деятельность. Идеологи и руководители казачьей эмиграции придерживались иной позиции.

Так, руководитель Восточного казачьего союза Е.П.Березовский подчеркивал, что казачество не может согласиться с такими утверждениями. Оно "выросло на русской исторической почве. Оно исторически оправдано. Оно верно и самоотверженно служило родной стране. И оно еще послужит ей... Нам не нужно ездить в Италию и учиться, как любить Родину и служить ей". Один из лидеров другой казачьей организации - Союза казаков на Дальнем Востоке - В.Л.Сергеев отмечал, что для России "готовые западные образцы.... совершенно непригодны, ибо Россия и по своим пространствам и по составу населения слишком разнится от западной Европы. Мы можем и должны взять от них лишь то, что полезно, но ни в коем случае не должны слепо подражать иностранным порядкам".

Политическая программа дальневосточного казачества в зарубежье именовалась кратким термином - "Россизм", который был выдвинут атаманом Семеновым. По его определению "Россизм" - это политическая вера Дальневосточного казачества, тот национальный фронт, на котором оно мыслит полное объединение всех составных элементов Российского государства, тот фундамент, который должен быть заложен под новое здание Российской государственности". Необходимо отметить, что непременным условием для осуществления данной программы являлось "абсолютное и бескомпромиссное уничтожение коммунизма".

Последнее обстоятельство – антикоммунистическая направленность политических программ казачьих организаций зарубежья предопределило возможность для некоторых представителей казачества находить точку соприкосновения с программными установками фашизма. Березовский, в частности, признавал, что подобные посулы "слушают простых сердцем казаков... Бывают случаи, что нетерпеливые и уставшие от треволнений эмигрантской жизни пытаются успокоить себя в лоне фашизма... Отдельные казаки, понуждаемые заботами о приисках службы или работы, идут к фашистам".

Каких-либо полных данных о членстве представителей казачества в РОП – ВОП не сохранилось. Но отдельные материалы и документы содержат подобные имена. Так, в январе 1934 г. фашистская газета "Наш путь" опубликовала списки погибших членов РОП, сражавшихся на стороне прояпонских вооруженных сил против патриотов Китая. Среди погибших в лесах Хингана были члены РОП казаки-забайкальцы Я.Ф.Дружинин, А.Ф.Колябов, В.Д.Горбунов. Там же сообщалось о гибели в июле 1933 г. казака Енисейского войска, действительного члена РОП и члена правления Русского клуба (организован РОП) И.П.Бизова. Будучи специалистом типографского дела, Бизов "вел работу партии по общественной и агитационной линиям". Членом ВОП являлся в 1936 г. и казак Общеказачьей станицы на ст.Пограничная, служащий в железнодорожной полиции, В.М.Нижегородцев. Выходец из Амурского войска, в годы гражданской войны состоял членом Временного войскового правительства, возглавляемого ген.Сычевым.

Свидетельством наличия казаков в фашистской организации Родзаевского служит и их участие в мае 1936 г. в смотре-параде фашистов в ознаменование 5-летия создания партии. В колонне фашистов, в составе кавалерийского отряда были представлены казаки всех войск, каждый в своей форме и со свастикой.

Однако в целом фашистам не удалось сколько-нибудь значительно привлечь казаков-эмигрантов в свою организацию. Казаки оставались приверженцами своих исторически сложившихся организационных структур и идеологических установок.

Фашистская организация в Маньчжурии была ликвидирована

японцами в 1934 г. Казачьи же объединения существовали почти до конца 1945 г., то есть до разгрома японских оккупационных войск советской армией.

Слабнина Л.А.
Институт истории ДВО РАН

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОНДОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ РАБОЧИХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1946-1960 ГГ.

В настоящее время, в эпоху демократизации, приходит понимание того, что социальная сфера является тем фокусом, в центре которого отражается экономика, политика, культура. Возрос интерес историков к данным проблемам, чему послужило и открытие архивных фондов, ранее являвшихся секретными.

Термин "уровень жизни", "материальное благосостояние" включает в себя множество характеризующих их показателей, в частности, общественные фонды потребления и их влияние на уровень материальной обеспеченности населения.

Наличие общественных фондов потребления было обусловлено формой существующего общественного строя, поэтому мы не рассматриваем терретические вопросы о целесообразности данной формы общественного распределения, которые оказывали наибольшее влияние на уровень жизни рабочих Дальнего Востока, Приморского края, после окончания Великой Отечественной войны и до начала 60-х годов.

Наиболее сложной задачей в работе органов социального обеспечения было содержание домов инвалидов и престарелых. В послевоенные годы ощущался острый недостаток мест в таких домах и средств на их содержание.

К началу 50-х годов в Приморском крае было пять домов для инвалидов, крайне неблагоустроенных: общей их бедой была

огромная скученность - на одного проживающего приходилось не более трех квадратных метров. Например, Спасский дом для инвалидов был организован на базе лагеря для заключенных, помещения обветшали, не было изолятора, не хватало мебели, инвентаря. Наличие мест в домах для инвалидов и престарелых не обеспечивали потребности края.

Положительным явлением тех лет было то, что при таких учреждениях имелись подсобные хозяйства, которые снабжали проживающих продовольствием.

Анализируя уровень жизни рабочих Приморского края, необходимо учитывать удельный вес в доходах рабочих поступлений из общественных фондов потребления, направленных на оказание помощи в воспитании детей, охрану материнства, медицинское содержание. Существовала прямая денежная помощь в виде выплат единовременных и ежемесячных пособий семьям, имеющим детей, матерям - одиночкам. Кроме того, осуществлялась помощь через дотации на содержание детей в детских садах, пионерских лагерях, санаториях, бесплатное питание в школах, бесплатное содержание детей в интернатах. Однако, для Дальнего Востока, Приморского края, несмотря на расширение сети детских дошкольных учреждений, санаториев, проблема обеспеченности местами в них всех желающих оставалась наиболее острой в течение многих лет. Например, при норме на тысячу человек 40 мест в детских учреждениях, 30- в яслях, в Приморском крае имелось только 8,5 мест, то есть минимальное количество приморских семей получало дотации из общественных фондов потребления в виде содержания детей в дошкольных учреждениях.

Во второй половине 50-х годов удельный вес выплат из общественных фондов повысился. Связано это было с изменением системы пенсионного обеспечения на основе "Закона о государственных пенсиях" (1956 г.). По новому закону о пенсионном обеспечении увеличивался размер пенсии, расширился круг лиц, получавших пенсию. Однако, как в целом система выплат из общественных фондов потребления, так и пенсионное обеспечение, слабо учитывали факторы, объективно влияющие на территориальную дифференциацию расходов на содержание нетрудоспособных

членов общества, пенсионеров, учащихся.

Прожиточный уровень в крае был значительно выше среднереспубликанского вследствие поясных наценок на товары и услуги, суровых климатических условий. Частично компенсировалось это повышенной заработной платой через систему северных льгот. Для трудящихся края был понижен возраст для достижения пенсии и стаж, дающий право на ее получение.

Северные льготы распространялись только на 6% населения Приморья. На пенсию не распространялись денежные начисления, предусмотренные льготами для работников Крайнего Севера: при выходе на пенсию рабочие и служащие края теряли денежные компенсации, резко снижался их уровень доходов. Это принуждало пенсионеров или выезжать за пределы края или продолжать работать. В связи с этим количество работающих пенсионеров в крае было выше, чем в среднем по стране.

Таким образом, можно сделать вывод о возрастании выплат из общественных фондов потребления, росте доходов рабочих края за пятнадцать послевоенных лет. Однако, дальневосточному региону не удалось достигнуть среднереспубликанских показателей по размеру выплат на одного жителя страны.

Слабая сеть учреждений социальной инфраструктуры через которую жители края получали дополнительные косвенные доходы, ставили их в неравноправное положение с жителями центральных районов, где сеть этих учреждений была более развита. Основой роста доходов рабочих оставалась заработная плата. К тому же все бесплатные фонды, услуги, социальное обеспечение образовывались за счет прямых недоплат за труд и вычетов по заработной плате в виде налогов, подписок на государственные займы, то есть опосредованно оплачивались низкой номинальной заработной платой.

Министерства и ведомства, отстаивая интересы государства, считали, что более высокий уровень заработной платы в таких отраслях приморской промышленности как рыбная, горнодобывающая, является достаточным средством для привлечения кадров рабочих в регион и достаточной компенсацией за отсутствие жилья, низкий процент его благоустройства, нехватки мест в дет-

ских учреждениях, школах, больницах.

Ткачева Г.А.
Институт истории ДВО РАН

КОЛОНИЗАЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ В 20-30-Е ГОДЫ.

Основные положения колонизации впервые были сформулированы в Постановлении Совета Труда и Обороны 17 октября 1924 г.,где отмечалось, что "задачей колонизации должно быть вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального, как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов, расселения и эксплуатации естественных богатств колонизуемых районов".

В числе прочих ближайших колонизационно-переселенческих мероприятий, в постановлении ставилась задача немедленного выявления возможности колонизации районов Дальнего Востока, непосредственно примыкающих к Читинской и Уссурийской железных дорог. На заседании Коллегии Народного Комиссариата Земледелия РСФСР 26 ноября 1924 г. давалось поручение подготовить земельный фонд Дальневосточного края для переселения крестьянского населения из малоземельных районов, а уже 6 июля 1925 г. Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров было открыто плановое переселение в районы Дальнего Востока.

Разработка колонизационных планов осуществлялась и согласовывалась с планами организации государственных и концессионных предприятий по эксплуатации богатств окраины страны; строительства путей сообщения вообще и железнодорожных в частности в намеченных для колонизации районах; с реальной возможностью размещения в колонизуемых районах добавочного

населения, его прочного хозяйственного и своевременной подготовки фонда для заселения.

Колонизация в пределах РСФСР осуществлялась Народным Комиссариатом Земледелия на основании правил, утвержденных 17 марта 1925 г., регулирующие основные вопросы подготовки колонизационного фонда, подбора, передвижения, водворения и хозяйственного устройства переселенцев. На основании Постановления СНК РСФСР от 22 августа 1925 г. было открыто в г.Хабаровске Дальневосточное районное переселенческое управление, на которое возлагались обязанности по обследованию и изучению заселяемых территорий с правом организации экспедиций и необходимых научно-исследовательских учреждений, а также подготовки заселяемых территорий к хозяйственному использованию (землеустроительные, мелиоративные, дорожные, строительные и другие необходимые работы); оказывать помощь переселенцам по возведению построек, снабжению предметами хозяйственного обихода, организации промыслов и принимать другие меры для прочного устройства переселенцев.

Первые планы колонизации Дальневосточного края были разработаны краевыми органами (план Дальэкосо и Крайзема) в середине 1925 г. и в последствии перерабатывались, определяя задачи в период 1925-1936 гг., и включали историческую и экономическую характеристику региона, освещали его роль и значение для народного хозяйства; намечали меры для хозяйственного развития края и приживаемости переселенцев, а также определяли их численность и социальную структуру; устанавливали очередность и приблизительный срок выполнения намеченных мероприятий; подсчитывали примерную стоимость колонизационно-переселенческих работ и намечали источники и порядок их финансирования; определяли ожидаемый экономический эффект в результате выполнения колонизационно-переселенческих планов.

В 20-30-е годы, исходя из задач и в зависимости от общественного положения населения, выделялись различные виды колонизации: сельскохозяйственная, наряду с освоением сельскохозяйственных ресурсов региона, укреплением собственной продовольственной базы для последующего промышленного освоения,

решали земельную проблему в центральных районах страны; промышленная, создавая повышенный спрос на рабочие руки, прежде всего в топливной, горной, лесной, рыбной отраслях, содействует укреплению сельского хозяйства, обеспечивая для последнего рынки сбыта, снабжая его дешевой промышленной продукцией и понижая стоимость в жизни края.

Условия, в которых протекала колонизация дальневосточного региона обусловили своеобразие форм и методов заселения, шедших двумя путями: иммиграцией и переселением. Иммиграция - вселение граждан другого государства регламентировалось Постановлением Совета Труда и Обороны от 2 февраля, I6 марта I923 г., I7 февраля I925 г., а также Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 3I марта I925 г., определявших порядок и условия сельскохозяйственной и промышленной иммиграции в пределы страны.

Иммиграция населения, находясь в тесной связи с процессами, происходящих во всех сферах общественной жизни, изменяя свои параметры под влиянием социально-политических, экономических, демографических, национальных, международных факторов вносила существенные коррективы в решение различных проблем Дальнего Востока.

Переселение - процесс перемещения населения внутри страны, исходя из задач колонизации, осуществлялся принудительными и добровольными методами. Принудительные методы применялись в основном к осужденным как судебными, так и внесудебными органами. Относительно свободно прибывали крестьяне, рабочие, демобилизованные воины путем планового переселения, оргнабора и прикомандирования, свободного найма и общественных призывов.

Направление на спецпоселение в дальневосточный регион - следствие государственной политики освоения малообжитых районов, разрабатывалось в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от I8 августа I930 г. "О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области". Важнейшим компонентом спецколонизации являлось промышленное и сельскохозяйственное освоение края. Спецпереселенцы призваны были обеспечить быстровозрастающие потребности в трудовых ресурсах, создать постоянные кадры прежде всего для важнейших, но трудоемких отраслей, создать потенциал для последующего увеличения производства промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Несомненно, что между хозяйственным освоением края и заселением существовала полная зависимость и тесная связь. По предварительным расчетам, сельское хозяйство должно было давать основную долю валового дохода и соответственно за десятилетие из I053 тыс. плановых переселенцев, 90% должны размещаться в сельских районах и только I0% - в городах и промышленных центрах.

В связи с изменением производственной специализации основной формой заселения становится промышленное переселение. По сведениям переселенческого отдела Управления НКВД ДВК, за I925-I937 гг. в колхозы прибыло I75838 чел. и убыло 65623 чел. (37,3%), причем в I929-I930 гг. выбывшие составили 70,2%, I932 г. - 252,9% переселившихся. Общие затраты на финансирование переселенческих мероприятий составили I06,8 млн.руб. в т.ч. 6I,I млн.ссуды.

В соответствии с принятыми установками, промышленной колонизацией являлось оседлое население, которое подавляющую часть своего дохода получали от заработной платы, не имели собственных средств и не получали земельных наделов. Из плана промышленной колонизации полностью исключалась группа интеллектуального труда из-за специализации и необходимости персонального подбора. Их пополнение проводилось за счет смет соответствующих предприятий и учреждений.

В этот период преобладали коллективные формы переселения, многообразие форм и методов.

Трифонова Г.А.
Дальрыбтуз

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ И МАЛОГРАМОТНОСТИ В РАБОЧЕЙ

ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 20-40-Е ГОДЫ

После гражданской войны и окончания иностранной интервенции хозяйственное возрождение Дальнего Востока неразрывно было связано с ликвидацией неграмотности и малограмотности среди взрослого населения региона.

В 1923 г. по выборочным данным грамотные составляли 62% в ДВК, а в рыбной промышленности этот процент был значительно ниже, так как сезонный характер производства привлекал большое количество неграмотных сельских жителей.

Мероприятия по ликвидации неграмотности в рыбной промышленности региона проводили представители краевых и районных отделов народного образования, профсоюзные, партийные и комсомольские организации, учителя и культармейцы.

Для ликвидации неграмотности и малограмотности требовались значительные денежные средства. Ежегодно государство выделяло определенные денежные суммы на проведение ликбезработы, но этого было явно недостаточно. Поэтому в начале 1923 г. между Всесоюзной чрезвычайной комиссией по ликвидации безграмотности и ВЦСПС было заключено специальное соглашение, по которому от профсоюзных организаций стали поступать ассигнования на обучение неграмотных и малограмотных.

Активизация работы по обучению неграмотных тружеников моря была связана с созданием в мае 1924 г. Дальневосточного бюро Всесоюзного общества "Долой неграмотность!" (ОДН). В 1925 г. на Дальнем Востоке действовало уже 636 первичных (губернских и уездных) ячеек ОДН, охвативших около 210 тыс.чел. Росло и число ячеек, и членов общества в рыбной промышленности Дальнего Востока, которые на свои средства открывали ликпункты, школы по обучению малограмотных. ОДН обращало внимание и на работу среди рыбаков китайской и корейской национальности. Рыбаки китайской национальности обучались либо на латиноязированном языке (для них были составлены учебники и учебная литература на латинском языке), либо изучали иероглифику - по выбору и желанию. Обучение корейцев проходило на их родном языке. Существовали также группы по обучению китайских и корейских рыбаков на русском языке.

В 20-е годы в рыбном хозяйстве региона, как и по всей стране, в первую очередь обучали грамоте молодежь допризывного возраста, коммунистов и комсомольцев, членов профсоюза, лиц в возрасте от 18 до 35 лет. Сжатые сроки обучения - 7 месяцев для неграмотных и 6 - для малограмотных при 6-8 часовых занятиях не давали устойчивых знаний. Ликбезработа проводилась в основном среди постоянных рабочих, сезонники обучением были охвачены слабо. Высокая текучесть кадров, сезонный характер производства приводили к постоянному обновлению состава рабочих, что приводило к массовому рецидиву неграмотности в рыбной промышленности Дальнего Востока.

Работа по активизации форм и методов обучения неграмотных улучшилась в 1927 г., что было связано с техническим оснощением рыбного хозяйства Дальнего Востока. Важную помощь профсоюзам и ликбезработникам оказал комсомол. К обучению привлекались не только учителя, но и учащиеся старших классов школ 2-й ступени, студенты техникумов и институтов, инженерно-технические работники, врачи, все грамотные работники. Ликбезработа приравнивалась к партийной, комсомольской и общественной нагрузке. В рыбной промышленности региона были созданы группы содействия ликвидации неграмотности. Стали проводиться общественные смотры работы школ ликбеза.

Но несмотря на проделанную работу общественных организаций по ликвидации неграмотности и малограмотности в 20-е годы, отсутствие в стране всеобщего обязательного начального образования не позволили добиться значительных успехов. о

Новый этап в борьбе за неграмотность связан с выполнением постановления ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. "О всеобщем начальном обязательном образовании". С начала 1930-х годов основная роль по обучению неграмотных и малограмотных рыбаков стала отводиться профсоюзу рабочих рыбной промышленности Дальнего Востока.

С 1932 г. система и содержание ликбезработ[ы] рыбной промышленности Дальнего Востока претерпели существенные изменения. Вместо ликпунктов и школ малограмотных при крупных подразделе-

ниях создавались единые начальные школы с тремя курсами обучения. В программы сети ликбеза были включены беседы на хозяйственно-политические темы, занятия стали проводиться и в летнее время, учебой были охвачены рыбаки-сезонники. Запрещалось привлекать к сверхурочным работам обучавшихся рыбаков и учителей-культармейцев.

С I936 г. обучением стали охватывать рыбаков в возрасте до 50 лет. Расширение возрастного диапазона обучающихся потребовало дополнительных материальных затрат и культработников. Для обучения 5800 неграмотных и 9900 малограмотных была организована 42I школа. На ликбезработу по бюджетам фабрично-заводских местных комитетов было выделено 360 тыс. руб. Но несмотря на проведенные мероприятия, результаты ликбезработы были далеки от плановых показателей. Так, в ноябре I936 г. охват обучением неграмотных составил 33% и малограмотных - 3I,6%.

Проанализировав недостатки I936 уч.года, в I937 г. усилили внимание к ликбезработке. Для обучения 5 тыс. неграмотных и 6,5 тыс. малограмотных было организовано 607 школ, в группе неграмотных теперь стало обучаться 20 человек, малограмотных - 25 человек, работало 507 учителей, было дополнительно привлечено несколько тысяч культармейцев. Расход на обучение одного человека был увеличен с 36 до 50 руб., по бюджетам ФЗМК рыбопредприятий выделялось 578 тыс.руб.

Местные профсоюзные организации зачастую не знали по каким критериям оценивать грамотен ли человек или малограмотен. Поэтому в I938 г. были выработаны специальные инструкции для проведения общего статистического учета неграмотных и малограмотных, разработан специальный вопросник, исходя из которого оценивалась работа местных профсоюзных комитетов по ликвидации неграмотности и малограмотности.

Успешное решение проблемы ликвидации неграмотности во многом зависело от правильной методической постановки ее. Обучение проводили помимо студентов, старшеклассников, учителей и профработников, демобилизованные воины, хетагуровки, инженерно-технические работники и их жены. Этим людям крайне была необходима методическая помощь. Поэтому проводились краткосрочные

семинары для всех культармейцев, не имевших педагогического опыта. Подготовку учителей для обучения неграмотных и малограмотных рыбаков осуществляла специальная школа, организованная на средства от уплаты членских взносов. Для повышения квалификации культармейцев без отрыва от производства работали курсы внешкольных методистов, ежегодно в августе организовывались курсы по подготовке и переподготовке ликбезработников. Практиковались и другие формы обучения преподавательских кадров.

Для привлечения рыбаков в школы ликбеза использовались различные агитационно-пропагандистские мероприятия, льготы на работе, поощрение. В 30-е годы основным методом стало поощрение учащихся, учителей и культармейцев. При обучении неграмотных и малограмотных рыбаков использовали соцсоревнование. В I936 г. культотдел ЦК Союза рыбаков Дальнего Востока разработал положение о социалистическом соревновании председателей ФЗМК, преподавателей школ, культармейцев и учащихся. В I939 г. был заключен договор на соцсоревнование по ликбезработе с Бассейновым профсоюзным комитетом моряков.

Несмотря на проводимые мероприятия по ликвидации неграмотности в отрасли, выявление, учет и охват учебой были слабы. Так, в I939-I940 гг. необходимо было обучить 9,5 тыс. рыбаков и членов их семей, но план обучения был выполнен только на I8%, а учебу закончили всего I726 чел. В I940-I94I уч.году требовалось обучить 4682 неграмотного и 8933 малограмотного, исключая ошибки и недочеты прошедшего учебного года.

Решение проблемы ликвидации неграмотности и малограмотности в рыбной промышленности Дальнего Востока вышло за очерченные нами хронологические рамки. Эта работа продолжалась вплоть до середины 50-х годов.

Таким образом, несмотря на определенную положительную работу, проделанную в рыбной промышленности Дальнего Востока, результат по ликбезработе был незначительный. Не было до конца введено четкой системы по обучению взрослых: сохранение на рыбных предприятиях начальных неполных и средних школ. Для обучения неграмотных и малограмотных не создавались нормальные

условия на многих рыбопредприятиях, не хватало хорошо оборудованных помещений, учебников, учебных пособий, письменных принадлежностей, грамотных, опытных преподавателей и культармейцев.

Безответственное отношение руководителей рыбопромышленных трестов и других хозяйственных подразделений к впоросам ликбеза наносило серьезный вред и людям, и производству. Не всегда были последовательны в выполнении принятых решений и постановлений вышестоящие профсоюзные организации рыбаков-дальневосточников. Нередко они сами запутывали отчетность, действительное положение дел по ликвидации безграмотности, приукрашивали успехи, проявляли инертность.

Краевые и районные отделы народного образования оказывали слабое содействие, несмотря на многочисленные просьбы о помощи со стороны профсоюза рыбников Дальнего Востока.

Отрицательно влияли на ликбезработу в отрасли: сезонность производства, большая текучесть рабочей силы, привлечение рабочих восточной национальности и переселенцев из центральных областей страны, в основном из деревень, в большенстве своем - неграмотных и малограмотных.

Шулепова М.С.
Приморский гос.объединенный
музей им. В.К.Арсеньева

ФОНД ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ИВЛИЕВА В ПРИМОРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИМ. В.К. АРСЕНЬЕВА

Владимир Клавдиевич Арсеньев, известный русский исследователь Дальнего Востока, внес большой вклад в освоение и развитие этой далекой окраины России. Это был всесторонне

даренный человек: археолог, этнограф, литератор. Он умел очень красиво, ярко и заинтересовано рассказать своим современникам об этом далеком, удивительном крае. Благодаря В.К. Арсеньеву многие молодые ученые, писатели приехали на Дальний Восток, где полностью раскрылись их дарования и таланты. Одним из них был Дмитрий Иванович Ивлиев.

Это известный советский геолог, Герой Социалистического труда, Лауреат Ленинской премии. Родился от в I9I0 году в станице Арчадинской Михайловского района Волгоградской области, в семье донских казаков.

С I93I по I937 год учился в Уральском горном институте. После его окончания был направлен на работу в геологоразведочные организации Хабаровского края, а с I944 года постоянно работает в Приморье.

Дмитрий Иванович Ивлиев отличался увлеченностью и полной самоотдачей в работе. Он внес большой вклад в развитие минерально-сырьевой базы Дальнего Востока, но наиболее полно его талант геолога раскрылся в Приморье. Велика его заслуга в развитии оловорудной базы Кавалеровского района, под его руководством открыто крупнейшее месторождение вольфрама "Восток - 2". При его активном участии были открыты и разведаны многие другие месторождения Приморья.

В I966 году за открытие вольфрамового месторождения "Восток - 2" Д.И.Ивлиеву была присуждена Ленинская премия, а в I97I году за успехи в развитии геологоразведочных работ и разведке месторождения полезных ископаемых присвоено звание "Герой Социалистического труда".

В фондах Приморского государственного музея им. В.К.Арсеньева отложились документальные материалы о жизни и деятельности Дмитрия Ивановича Ивлиева. Передала их в музей его жена - Татьяна Степановна Ивлиева (Смирнова) в I986 г., сразу после смерти мужа.

Фонд содержит 73 единицы хранения на 2932 листах. Всего 2 документ. Фонд состоит из следующих разделов:

I. Материалы служебной деятельности.
2. Материалы общественной деятельности.
3. Биографические материалы.

4. Переписка.

5. Материалы, не связанные с деятельностью Д.И.Ивлиева, не отложившиеся у него в фонде.

6. Материалы о Д.И.Ивлиеве.

Самый обширный раздел первый – материалы служебной деятельности. В него входят 27 дел.

Среди документов этой группы служебные удостоверения, пропуска, пикетажные журналы, полевые книжки, геологические карты-схемы, справки, характеристики о работе, служебная переписка, приказы, протоколы, записные книжки, отчеты о работе.

В раздел "Материалы общественной деятельности" входят II дел. Среди документов этой группы материалы депутатской деятельности Ивлиева Д.И., мандаты, удостоверения почетного члена Всероссийского общества охраны природы.

Биографические материалы содержат 21 единицу хранения. Среди материалов этой группы орденские книжки, удостоверения к медалям, почетным знакам, военный билет офицера запаса, удостоверение дружинника, членские билеты, читательские билеты, пригласительные билеты, диплом Лауреата Ленинской премии, почетные грамоты, приветственные адреса.

Переписка Дмитрия Ивановича Ивлиева составляет II дел. В эту группу документов входят письма Д.И.Ивлиева и письма ему от различных людей.

Дмитрий Иванович Ивлиев был большим почитателем и ценителем таланта Владимира Клавдиевича Арсеньева. Поэтому не случайно, что в фонде Д.И.Ивлиева отложились материалы о путешественнике. Это вырезки из различных газет со статьями о В.К.Арсеньеве. А в фонде редкой книги хранится посетитомник произведений В.К.Арсеньева изданный во Владивостоке в 1947-1938 гг. Эти книги были очень любимы Дмитрием Ивановичем при жизни, они помогали ему в работе, дарили минуты общения с дальневосточной природой. Поступили книги в музей в 1986 г., также от жены геолога.

В С Е О Б Щ А Я И С Т О Р И Я

Кузьмина Н.Е.
РГПУ им.А.И.Герцена

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЯ ДЕМОКРАТИЯ В АФИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 30 - 20-х гг. IУ в. до н.э.

30 - 20-е гг. IУ в. до н.э. - время установления в Греции македонского господства. Афинское общество раскололось по вопросу о возможности сохранения афинского полиса в сложившихся условиях. Одновременно в афинском народном собрании стал обсуждаться вопрос о сущности основного понятия, заложенного в сознание афинян, краеугольного камня всей их системы представлений - вопрос о сущности демократии.

I. Можно полагать, что одна группа афинских ораторов и политических деятелей, и среди них те, кого традиционно считают демократами - Демосфен и Гиперид - полагала, что основой демократии являются решения Народного собрания. В них отражается воля, желания и интересы народа и они дают возможность возобладать мнению большинства граждан афинского государства (Дем.XIX.2;296;300;Гип. У.У).

2. С суверенитетом решений Народного собрания как основой демократии в сознании афинян было тесно связано право свободного выступления ораторов с защитительной или с обвинительной речью, т.е. право на свободу слова (Арист.Аф.полития.гл.9,I;Гип.I.I0; III.II). Но в таком случае очень многое в решениях афинского Народного собрания и в конечном счёте в существовавшем тогда в Афинах демократическом государственном устройстве зависело от честности и искренности выступлений афинских ораторов, и уже сами афиняне понимали это (Дем.XIX.I84;Эсхин.I.I77;I79).

3. Из-за зависимости решений афинского Народного собрания, зависимости этих решений от большого числа трудноконтролируемых параметров, таких как эмоциональное состояние и настрой массы афинского демоса, искренность и честность афинских ораторов, желание и возможность со стороны ораторов манипулировать сознанием афинских граждан, в Афинах в 30 - 20-х гг. IУ в. до н.э. существовала другая группа политических деятелей, которая считала, что основой демократии являются законы. В эту группу входили ораторы Эсхин (I.4-5;I78), Динарх (I.62) и даже отчасти Гиперид (III.3-4); финансист Ликург (I.3-4); философ и историк Аристотель (Аф.полития.гл.I6,8;гл.I2,4;гл.26,5) и, возможно, стратег Эсхин.

4. В отличие от своих современников Аристотель четко разграничивал два вида демократического устройства государства и противопоставлял демократию, основанную на постановлениях Народного собрания, зависящих от сиюминутного эмоционального всплеска демоса, особенно под влиянием агитации демогогов-ораторов и демократию, основанную на незыблемой силе законов. В отличие от своих современников, афинских ораторов, которым в зависимости от политической конъюнктуры было выгодно либо убедить афинских граждан принять необходимое постановление Народного собрания, либо проголосовать за необходимый для политического деятеля закон, а потому они указывали на какой-либо один вид демократии, Аристотель указывал на оба эти вида демократии сразу(Арист.Политика.IУ,4,3,p.I292a,4).

5. В сознании древних афинян жизнь по законам в демократическом государстве была тесно связана с отсутствием насилия, тирании, необходимости подчиняться чьим-либо приказам. Характерно, что абсолютно все ораторы, независимо от того, что они считали основой демократии, выделяли этот аспект демократического устройства государства (Эсхин.I.I7;Гиперид.II.I0;Ликург.I.I25;Демосф. XIX.I85;Арист.Аф.полития.гл.I2,3:I6.8).

6. Однако древние афиняне уже сами понимали, что недостаточно принять хорошие законы, необходимо еще, чтобы данные законы соблюдались гражданами государства (Эсхин.I.5-6;36). Но законопослушность граждан демократического государства зависела от уровня гражданского самосознания, воспитания, общей нравственной культуры афинян, а не от многочисленности и точности принятых законов, которые по мнению Исократа (Ареопагитик.39-4I), свидетельствовали о падении нравов и росте преступности в государстве. Понимая, что закон, как основа демократии, не является ещё сам по себе гарантом соблюдения прав и обязанностей граждан, ораторы,наряду с законом, считали также основой афинской демократии клятву для руководителей государства (Ликург.I.79;Динарх.I.76), "отцовские обычаи" (Ликург.I.25;75), "отечественные примеры" и "установления предков" (Демосфен.XIX.269). Все эти явления выступали у афинян в качестве нравственных гарантий соблюдения законов, нравственной основы сохранения демократического устройства афин. Предательство для афинян было равносильно ниспровержению демократии (Ликург.I.I24;I26;I47).

7. Но, т.к. афиняне не были уверены в высоком гражданском самосознании и нравственности всех своих соотечественников, то часть афинских политических деятелей, и среди них Эсхин, Динарх

и Ликург, считали основой афинской демократии суд. Именно голосование судей, в данном случае Совета Ареопага, должно было охранять и оберегать демократию, благополучие государства и жизнь граждан (Ликург.I.3-4;Динарх.I.9;I.67), потому что судьи исходили не по одних только речей, но прежде всего из того, что они сами узнали и установили (Эсхин.I.92), а поэтому судьи пользовались в Афинах всеобщим почётом и уважением не только своих сторонников, но и противников (Эсхин.I.92;Ликург.I.12;Динарх.I. 62;66;67). По мнению этих ораторов суд являлся стражем демократии и законов в афинском государстве (Динарх.I.62;III.16).

Мысли и представления афинских политических деятелей в трансформированном виде отражали сознание простых афинян, ибо для них в первую очередь ораторы предназначали свои идеи. В общественном сознании афинских граждан в 30 - 20-х гг. IУ в. до н.э. произошла дифференциация понятия "демократия", видение мира для каждого афинского гражданина стало не коллективным, полисным, а индивидуальным. Эта индивидуализация гражданского сознания повлияла на общественное поведение граждан и стала импульсом к созданию различных политических группировок. Все политические деятели по существу являлись демократами, но вкладывали разное содержание в данное понятие, что и привело к исчезновению единства в гражданском коллективе полиса. Таким образом, под кризисом демократии в Афинах в 30 - 20-х гг. IУ в. до н.э. следует понимать отсутствие единства у граждан полиса в интерпритации основополагающего понятия афинского государственного строя - понятия "демократия", что и явилось первым шагом на пути крушения афинского классического полиса.

Пиков Г.Г.
Новосибирский
Гос. Университет

МЕСТО И РОЛЬ ГОРОДА В КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВА ЛЯО)

Проблема возникновения города в Ляо имеет две стороны. Одна из них фактическая: где, когда и как начал развиваться киданьский город. Другая сторона - каузальная: почему у них возник город.

Самое первое столкновение кочевых киданей и осёдлых городских жителей произошло при династии Вэй (386 - 557): "В период правления Дэн-ге (386 - 396) император Дао-у нанёс им сокрушительное поражение" (ЛШ 63,2б). На территории Тоба-Вэй жили, в основном, китайцы, жители городов и посёлков.

В начале X столетия кидани начинают строительство своих собственных городов. Они считали, что градостроительство могло обеспечить управление своими китайскими земледельческими подданными и трансформировать их племенную власть ("королевство, созданное верхом на лошади") в империю. Как свидетельствует "Ляо ши", первый киданьский правитель построил в 902 г., "в девятом месяце Лун-хуа к югу от реки Хуан укреплённый город и начал строительство Храма Начала Учения" (ЛШ I,1б). Вскоре Елюй Абао-цзи создал свой улус с центром в долине реки Ширa-мурэнь. В Китае начался период "Пяти Династий и Десяти Царств" (907 - 960). Многие китайские беженцы в поисках мирной жизни бежали к киданям. Абаоцзи понимал, что без сотрудничества с китайцами нет возможности для кочевой власти усилить свою власть над Срединной империей. Это и есть одна из основных причин начала киданьского градостроительства. Другая важная причина связана с социально-экономическим развитием собственно киданей. Они к началу X в. находились на стадии трансформации племенного общества в феодальное и потому появление городов может быть признано одним из признаков этого процесса.

Киданьский город во многих случаях впитывал наследие обоих предшествующих типов: китайские и собственно киданьские племенные поселения. Сейчас нам известно более 50 киданьских городищ. Они обычно размещались в речных долинах, например, в долине р. Ширa-Мурэнь. Сунский историк Оуян Сю писал в "У-дай ши-цзи" ("Истории Пяти Династий"): "У Абаоцзи были китайцы для сбора урожая и он, следуя примеру городов Б-чжоу, основывал города, поселения, магазины и рынки. Эти китайцы были довольны, расселены и не имели желания возвращаться".

Широкое градостроительство киданей, расселение земледельческого населения внутри домена и возделывание культур формировали ту основу, на которой Елюй Абаоцзи начал свою дальнейшую деятельность по основанию империи.

В "Ляо ши" ясно отмечаются различные типы основанных город-

ских центров: "5 столиц, 6 администраций, I56 префектур, командований или городов, 209 уездов, 52 племени и 60 подвластных государств". Таким образом, мы видим, что кидани владели более чем I50 городами. Возможно, часть их была городами, уже существовавшими на китайских и бохайских территориях до киданей.

В соответствии с данными письменных источников эти киданьские города можно ориентировочно разделить на четыре типа: I) столицы, 2) феодальные владения знати, 3) центры торговли и ремёсел, 4) пограничные города.

Наиболее важными городами были пять столиц. Среди них особое значение имеет Шан-цзин, Верховная столица. Образцом для неё кидани выбрали Ю. Неслучайно среди строителей были китайцы - Ган Моцзи, Хань Яньхуй и другие. Рабочей силой были, в основном, китайцы-пленники, беглецы, изгнанники. В то время кидани продолжали сохранять свою систему НА-БО (сезонных лагерей). Если большинство киданьских городов или городищ скорее ориентированы по сторонам света и осью своей ориентированы на юго-восток, как города Китая, Бохая, Японии, Верховная столица и некоторые другие города имеют направление северо-запад - юго-восток. Это направление связано со старой киданьской традицией ориентировать выходы своих жилищ и обращаться во время религиозных церемоний на восток - к восходу. Верховная столица была первым космополитическим городом, идеологическим "рынком", а также экономическим центром империи.

Феодальные владения знати (или Вверенные территории) перечислены в ЛШ 37 после постоянных префектур и уездов Шан-цзина. эти территории очевидно были по сути феодами. Их хозяева, однако, были ограничены в своей независимости, как ограничена была их численность. Они обязаны были платить винный налог в Верховную столицу и большинство их возглавлялись чиновниками центрального правительства. Они являлись экономическими центрами и были расположены к северу от Великой Стены. Здесь их обитатели занимались обеспечением земледельческих нужд киданей. Эти города были в тоже время разновидностью "концентрационных лагерей", т.к., концентрируя здесь пленников под наблюдением, киданьские правители получали возможность предотвратить любое восстание или побег. В ляосский период эти города назывались теу-ся-чэн.

Центры торговли и ремесла были преимущественно новыми городами в киданьском домене. Среди них можно перечислить И-гунь чжоу, Чан-ле сянь, Цзу-чжоу, Хун-цзинь сянь. Они были пограничными городами.

Как часть округа Шан-цзин перечислены в "Ляо ши" укреплённые пограничные города. В качестве военных центров они очевидно находились под прямым контролем центрального правительства в Верховной столице. "Ляо ши" называет также девять пограничных оборонительных городов. Они были основаны преимущественно на северной границе. В них находились преимущественно киданьские воины и в качестве вспомогательных сил бохайцы, чжурчжени и китайцы.

Японский историк Симада Масао обнаружил остатки 47 поселений и смог выделить несколько групп этих поселений, отличающихся друг от друга экономическими и административными особенностями. Это: земледельческие посёлки, посёлки ремесленников, имперские почтовые станции.

Таким образом, киданьское градостроительство включало обширное китайское население, не кидани строили и большое количество своих собственных городов. Эти города были большими центрами и имели многочисленные функции, а именно: I) были сравнительно крупными поселениями, 2) имели значительное и плотное население, 3) имели специфическую застройку, 4) были центрами не аграрного производства, 5) были центрами рыночных отношений, 6) были центрами обмена, 7) были политико-административными центрами, 8) были военно-стратегическими центрами, 9) были правовыми центрами, I0) были идеологическими центрами, II) были культурными центрами, I2) были центрами обмена разными видами деятельности.

В целом мы видим три начальных типа города:
I) собственно киданьский, т.е. племенной город,
2) китайский (и бохайский), т.е. древний город,
3) новый, основной только в ляосское время.

Развитие киданьских городов было одним из факторов способствовавших китайскому политическому и экономическому влиянию. Этот опыт создал прецедент для китайской урбанизации среди монголов в последующие столетия. В то же время мы видим, что киданьское градостроительство было историческим феноменом в Восточной Азии. Градостроительство резко противоречило жизни кочевых народов. Поэтому кидани, как впоследствии чжурчжени, не преумножили китайский опыт и внесли в него много изменений. Это новое мы видим в оформлении столиц, больших административных цент-

ров и в их благоустройстве.

Пиков Г.Г.
Новосибирский
гос. университет

БЕДА ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ОБ АРАБАХ И ИСЛАМЕ

В начале УШ в. арабы впервые появляются в Западной Европе. одним из первых попытался осмыслить место арабов и ислама в мире Беда Достопочтенный (672 – 735). Его выводы стали основой для латинских авторов вплоть до конца XII в.

Арабская экспансия была остановлена только после битвы при Пуатье (732). "Церковная история народа англов" была Бедой уже закончена, но он вносит в неё соответствующую дополнительную информацию. Он пишет о сарацинах спокойно и равнодушно. Более обстоятелен он в своих библейских комментариях. В трактатах "О неделе" и "О шести возрастах мира" Беда даёт развёрнутое историко-философское построение, где история человечества представлена как трудовая неделя, приготовляющая к блаженству вечной субботы. Дорога истории представляется ему весьма длинной, ведь мир стар, и Беда, подобно Аврелию Августину или Иоахиму Флорскому, ощущает себя близким к пределу времени. Шестой трудовой день уже наступил. Сколько лет или веков осталось – не знает никто, но симптомы приближения субботы несомненны, среди них и остановка арабской экспансии Карлом Мартеллом.

В своих библейских комментариях Беда Достопочтенный детально останавливается на вопросе о происхождении сарацин. Делает это он с помощью Библии и считает их потомками Агари – египетской жены Авраама. Агарь была привезена из Египта в числе прочих даров, которыми снабдили Авраама египтяне (Быт.I2:I6). Имя её означает "бегство", дано оно было либо по пророческому предсказанию, либо благодаря последующему воспоминанию о её двукратном бегстве из дома госпожи своей (Быт.I6:6;2I:I4). Прошло I0 лет с тех пор, как Бог обещал Авраму и Саре многочисленное потомство, а у них всё ещё не родилось ни одного сына. Сара виноватой считала себя (Быт.I6:I –I6), потому и предложила мужу Агарь. Она основывалась при этом на обычае своих: дети мужа от служанки считались законными детьми и принадлежали мужу и жене (Быт.30:3). Агарь стала как бы женой

второго ранга. Впоследствии она стала презирать Сару, ибо на древнем Востоке, особенно у евреев, многодетность была признаком божественного благословения, составляла фамильную гордость (Быт.2I:6;34:60;Исх.23:26;Втор.7:I4), а бесплодие считалось несчастьем и бесчестьем (Быт.I9:3I;30:I,23;Лев.20:20;Лк.I:48 и др.). Агарь стала непочтительно обращаться с Сарой, поэтому стала Сара жаловаться Аврама и тот в конце концов отдал наложницу жене. От притеснений Сары Агарь вынуждена была бежать в Египет, но в пустыне Сур (в северо-западном углу Аравийского полуострова, теперь известна как пустыня Джафар), на пути между Египтом и Ассирией, её нашёл Ангел Господень и велел покориться Саре, предсказав: "вот, ты беременна и родишь сына, и наречёшь ему имя: Измаил, ибо услышал Господь услышал страдание твоё; он будет между людьми как дикий осёл; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих" (Быт.I6:II,I2), потомство его будет великое. Сара вернулась и родила восьмидесятишестилетнему Авраму сына.

Эта идентификация приведена была не Бедой, а Евсевием в начале IУ в., а, может быть, и раньше. Непосредственным источником Беды были комментарии на книгу "Бытие" Исидора Севильского. Но Исидор традиционно отождествлял агарян с евреями. Данное отождествление идёт от ап. Павла: "Ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве" (Галатам 4:25; более подробно см. Галатам 4:22–26, 30). У Аврама было два сына: Исаак от Сары и Измаил от её рабыни, но который от рабы, тот рождён по плоти; а который от свободной, тот по обетованию". Отсюда, по представлениям средневековых христиан, Исаак как сын свободной женщины был прообразом Христа (его потомки и составили Церковь), а Измаил и его потомки были аллегорией евреев.

Однако, анализ Библии позволял под потомками Измаила понимать сарацин:

I. Измаил был в пустыне (Быт.2I:20–2I), имел I2 сыновей, которые стали родоначальниками I2 племён аравийских (Быт.25:I2–I8; I:20), но ведь и арабы пришли из пустыни.

2. В Библии часто встречается имя измаильтян. Братья Иосифа видят караван именно измаильтян (Быт.37:25). Измаильтяне и мадианитяне – это одно и то же (Быт.37:28;Судей 8:24). Иосиф Флавий в "Иудейских древностях" (I,I2;II,4) говорит, что потомки Измаила заняли всю страну от р.Евфрата до Чёрного моря. Любопытно,

что мусульмане поддерживали эту интерпритацию. В их преданиях подробно рассказывается, что Измаил был старшим сыном Ибрахима от невольницы Хаджар. Из-за вражды и ревности своей жены Сары Ибрахим увёл Хаджар и Измаила в Аравию и оставил их одних в бе водной пустыне. Мальчика очень мучила жажда, мать искала колоде или оазис. На помощь пришёл главный ангел Джибрил, по воле кото рого, там, где Измаил топнул ножкой, забил священный источник Земзем. Ибрахим часто посещал своего сына, именно они вдкоём по строили мекканский храм Кааба. По арабской генеалогии от Измаи произошли все североарабские племена. Традиционная его могила располагается возле Кааба.

3. Измаил был диким, необузданным человеком ("рука его на всех"). Это давало возможность средневековым авторам провести параллели между ним и арабами, которые обладали таким же бешеным нравом.

4. Измаил был исключён из завета (Быт.17:20-21), как и са цины. Помимо этих способов были и другие, с помощью которых ар бы отождествляли с измаильтянами. Беда не первый сделал это, именно он ввёл эту идентификацию в средневековую традицию библ ской экзетики, после него это становится общим местом для лати нских авторов. Тем самым Беда дал мусульманам "нишу" в священн истории, привязал их к ней.

Вместе с тем эта идентификация подняла и ряд сложных проблем. Почему эти люди именовались сарацинами, если произошли от Агарь, а не Сары? Греческие авторы (Иоанн Дамаскин и др.) связ вали это со словами Агарь "Сара вакуам ме димисит" (Сара отпус меня пустой). Их мнение было известно в Европе и латинские авто ры давали другое объяснение. Исидор Севильский, например, счит что либо сарацины ложно объявили себя происходящими от Сары, л бо названы так из-за своего сирийского происхождения. На самом деле слово "сарацины" происходит от арабского корня аш-шарк, ко торый означает "люди Востока".

Удивляет отсутствие злобы по отношению к арабам у Беды и его каролингских последователей. Объясняется это, видимо тем, что североевропейские авторы обитали далеко от сарацин и от той опасности, которую те представляли. Было множество более близких врагов у стен монастырей, а не на границах христианского мира. Кроме того в космической борьбе Бога и Сатаны сарацины играли довольно скромную роль. Максимум, что смогли и захотели

делать северные латинские авторы - привязать их к ветхозаветной истории. С тех пор их гораздо больше интересовало, сколько букв "р" в слове "Сарра", чем история, быт и религия этого народа. ля решения этих проблем они подготовлены были лучше. Анализом иблейских пророчеств с целью понять сущность ислама займутся ис нские авторы середины IX в.

На примере интерпритации Беды Достопочтенного видно, что сре евековая литература по исламу создавалась преимущественно тео огами, информация отбиралась предвзято, факты сознательно или ссознательно искажались. Преобладали религиозно-идеологические тивы, ибо надо было найти религиозное обоснование исламу и его нователю. Если для христианства вся цепь пророчеств и откровен й есть постепенное подготовление к кульминации мировой истории "боговоплощению", то Мухаммед через 6 веков заявил о себе как подлинном завершителе пророческого цикла, более того, он утвер дал, что ему ниспослана вся полнота божественного откровения. отверг некоторые фундаментальные догмы христианства. Неудиви льно, что в Европе сформировалось представление об исламе как еси и о Мухаммеде как ересиархе.

Кожевников В.А.

Хабаровский госпединститут

О ДУАЛИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ У ХАЗАР

Из многочисленных проблем социально-экономического разви ия народов Восточной Европы в эпоху раннего средневековья мно их исследователей интересовала проблема "двоевластия" у хазар явления, казавшегося уникальным в истории восточно-европейс их государственных образований. Этот процесс вызвал интерес арабских историков и географов привыкших к неограниченной ласти мусульманских правителей, по сравнению с которой обычаи организация государственной власти в Хазарском каганате дей твительно казались странными и ни с чем не сравнимыми.

Уже один из первых востоковедов в России - В.В.Григорьев освятил этому вопросу специальное исследование, в котором

предложил связывать происхождение двоевластия с иноземным, от тюрок, происхождением династии - эта гипотеза стала очень популярной в последующих работах (М.И.Артамонов, Б.Н.Заходер, А.П.Новосельцев и др.). Однако в отношении времени и причин этого явления мнения расходятся: М.И.Артамонов, А.Костлер, А.П.Новосельцев и др. связывают его с принятием иудаизма при кагане Обадии, другие - с поражением от арабов в 737 году.

Есть и иные точки зрения на происхождение этого явления: Д.Данлоп, А.Альфельди говорят о его связи с независимостью командованием правым и левым крыльями кочевой орды. Наконец, третья теория, высказанная в 1931 г. Д.Паисом, связывает дуализм государственной власти у хазар с сакрализацией хаханата, приведшей постепенно к полному отстранению хакана от всяких реальных политических дел. С.А. Плетнёва связывает двоевластие с тем, что "в период военной демократии вождь выполнял и функции военного жреца, т.е. обладателя сверхестественной силы", в результате "все его действия были строго регламентированы и постепенно каган превратился в носителя древних традиций и потерял реальную власть". Сторонники позднего (не ранее УШ века) происхождения дуализма политической власти у хазар не обращали внимание на те обряды и функции кагана, которые явно связаны с его обожествлением и уводят нас в глубокую древность. Во-первых, к ним нужно отнести церемонию "ритуального удушения" при возведении кагана на трон. Ал-Истахри, оставивший наиболее подробное описание этой церемонии, пишет: "Когда они желают поставить кого-нибудь этим хаханом, то приводят его и начинают душить шёлковым шнурком. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: "Как долго желаешь царствовать?" - он отвечает: "столько-то и столько-то лет." Если он раньше умрёт (то его счастье), а если нет, то убивают по достижении назначенного числа лет царствования".

Другую сторону функций кагана раскрывает текст из ал-Масуди: "Когда бывает в стране хазар засуха, или какое-нибудь несчастье поражает страну, или несут они неудачи в войне при торжестве врагов племени, или застаёт их врасплох какое-нибудь событие, то чернь и знать спешат к царю и заявляют ему: "Мы приписываем своё несчастье этому хакану и его существование приносит нам несчастье. Убей его или отдай нам, мы его убьём!" Иногда он выдаёт им его и они его убивают, иногда он берёт на себя его убий-

ство, а иногда, сжалившись над ним, его защищает, говоря, что нет греха, в котором бы тот был виноват, и нет преступления, которое бы он совершил."

Ибн-Фадлан сообщает, что продолжительность правления хакана сорок лет, и если он переживает этот срок хотя бы на день, его убивают или "увольняют", говоря: "У этого ум уже уменьшился и суждение стало путанным".

Объяснение этим, на первый взгляд очень странным обычаям было дано Дж.Фрезером в книге "Золотая ветвь", специально посвященной исследованию подобной обрядности и её корней. На стадии разложения родового строя у первобытных народов возникает представление о личной связи правителя с силами природы и зависимости благоденствия и процветания его подданных от жизни и здоровья этого правителя. "Обожествление" личности царя и выполнение им жреческих функций (так называемые "цари-жрецы") было распространено почти повсеместно у первобытных народов. Дж.Фрезер пишет: "Суверен существует только ради своих подданных; жизнь его обладает ценностью лишь постольку поскольку он выполняет свои обязанности и направляет на благо народа течение природных явлений." Следовательно, если правитель становится дряхл и немощен, над его подданными нависает опасность утратить те благодеяния, которые они от него получают и возникает необходимость убрать тем или иным способом старого "царя-жреца", передав его обязанности более молодому и сильному. А если на народ обрушивается какое-либо несчастье, в этом прямая вина правителя, которого требуют предать смерти и заменить другим, более способным.

С этими представлениями следует связать и ритуал "удушения" - в полубессознательном состоянии претендент на престол "выдаёт" число отпущенных ему счастливых лет, после которых оставлять его в живых опасно во избежание несчастья. "Царь-жрец", в данном случае каган, был окружён многочисленными запретами-табу, его не имели права видеть посторонние, кроме хён и приближённых, что видимо объясняется страхом перед вредоносной магией, могущей причинить вред властителю и в его лице всему народу; при выезде никто не мог взглянуть на него и даже посещение близких к нему лиц было обставлено унизительным церемониалом с целью предотвращения "порчи".

В конечном итоге сакрализация и строжайшая регламентация жизни кагана постепенно приводят к утрате им реальной власти,

которая переходит к его"заместителям" (по Ибн-Фадлану у кагана их было три), однако духовный авторитет кагана был дос аточно высок у хазар вплоть до самого падения каганата. Этому способствовало и иноземное происхождение династии Ашина.

Дуализм политической власти не был явлением уникальным и встречался у многих народов Европы и Азии на разных этапах их развития: у некоторых германцев (франков, лангобардов и др.), у венгров (Алмош и Арпад), у аланов, в Японии и особенно широко был распространён у тюркских народов (гунны, авары, хазары, кумыки и др.).

Тем самым нет причин связывать этот механизм организации политической власти с какими-то особыми историческими обстоятельствами. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с древней традицией, сохранившейся благодаря благоприятным историческим условиям.

А.А.Егоров
Ростовский-на-Дону
государственный педагогический
университет

МОНТЕНЬ И ФРАНЦИЯ XVI ВЕКА

Среди записок, мемуаров, литературных произведений Франции XVI в. отдельно и особо стоят "Опыты" Мишеля Монтеня (I533 - I592), этот, по выражению А.Моруа, "кладезь мудрости для всех". Опубликованные в I580 г. три книги "Опытов" - своеобразный итог культурного развития Франции XVI века, "энциклопедия знаний" современных Монтеню французов. Однако сводить книгу Монтеня только к богатствам фактического материала нельзя. Нельзя так же и утверждать, что Монтень - "это его опыты, а они (т.е. опыты) это он", хотя как раз в таких выражениях сказал о цели своего труда сам автор. В подобном смысле высказалась и американская исследовательница Барбара Боузи, когда писала, "что его (Монтеня) главное намерение в "Опытах" это - нарисовать свой собственный портрет". Такое решение очень важного вопроса, зачем всё же Монтень писал свои "Опыты", отдав работе над ними двад-

цать лет своей жизни, кажется нам неправомерным. Куда более верной представляется точка зрения профессора Ф.А.Коган-Бернштейн: "Опыты", - отмечала она, - оказались широким полотном, на котором воспроизведена окружавшая Монтеня жизнь во всех её противоречиях, во всём живописном богатстве её черт и красок".

Мишель Эйкем, автор "Опытов" не был человеком ограниченным узкорелигиозным мышлением и теологическими пристрастиями. Мысль его широка,- она обнимает безбрежное море фактов и тем. Будучи одним из передовых людей своего времени Монтень борется в "Опытах" против схоластики и теологии, высказывает материалистические взгляды. Суждения Монтеня отличает рационализм: "с осторожностью, - пишет он, - следует относиться к общепринятым мнениям ... судить о чём бы то ни было надо, опираясь на разум, а не на общее мнение". К религиозным войнам во Франции Монтень относится резко отрицательно: "Хуже всего в этих (гражданских) войнах то, что карты в них до того перемешаны, что нет никакой определённой приметы, по которой можно было бы признать своего врага...". Гражданская война настолько бедственна и гибельна для народа, что, по мнению Монтеня, "война внешняя - меньшее зло, чем война внутренняя...". Монтень верно уловил суть гражданских войн: "если, - писал он, - отобрать даже из законной и обычной армии тех, кто идёт в бой только из религиозного рвения ... то из них едва ли можно будет составить роту солдат ... участники этих междуусобиц движимы своими частными, своекорыстными побуждениями, подчиняя им всё остальное".

В трёх книгах "Опытов" Монтень часто упоминает о религии, говоря о "грубом обмане, лежащем в основе многих религий" и о том, что "если чудеса и существуют, то только потому, что мы недостаточно знаем природу, а вовсе не потому, что это ей свойственно". Шестая часть "Опытов", так называемая "Апология Раймунда Сабундского", это, в сущности, хлёсткий памфлет, направленный против религиозных предрассудков, гонений на мысль под покровом религии. Атеистом Монтень, впрочем, не был, и даже осуждал людей, придерживавшихся атеистических взглядов. Религиозный фанатизм Монтень полностью отвергал и при случае высмеивал. Так, в третьей книге "Опытов" он пишет: "решительные дамы нашего времени ... будучи верны своим заблуждениям, заявляют, что они предпочли бы обременить свою совесть целыми десятками

насладившихся ими мужчин, чем одной единственной мессой".

Важной проблемой, поднятой в "Опытах", был вопрос о форме государственной власти. Почти что общим местом в статьях и монографиях о Монтене и о его книге стало утверждение о том, что Монтень – сторонник абсолютной монархии. Действительно, в "Опытах" встречаются высказывания автора в пользу абсолютизма. Вместе с тем Монтень никоим образом не пытается обожествить носителя светской власти. "Царь, – по словам Монтеня, – всего навсего человек. И если он плох, то даже власть над всем миром не сделает его лучше." "По существу говоря, – замечает он в другом месте, у короля нет ничего своего: он сам принадлежит своим подданным". Основание королевской власти автор "Опытов" видит в согласии народа. Что это, как не "теория общественного договора" в зачаточной, так сказать, эмбриональной своей форме.

О своём личном отношении к проблеме народовластия и монархического правления Монтень говорит неоднократно. Например, в первой книге: "Я проникаюсь почти что ненавистью к народоправству, хотя этот образ правления и представляется мне наиболее естественным и справедливым". Какая же форма политического устройства является более совершенной: республика или монархия? "Не только предположительно, но и на деле лучшее государственное устройство для любого народа – это то, которое сохранило бы его как целое. Особенности и основные достоинства этого государственного устройства, – подчёркивает Монтень, – коренятся в породивших его обычаях ... я держусь того мнения, что каждая власти немногих в государстве, где правит народ, или стремиться в монархическом государстве к иному виду правления – это преступление и безумие". Эту своеобразную политическую консервативность автора "Опытов" объяснят следующие слова: "Ничто не ввергает государство в такую бестолочь, как вводимые новшества:... Все крупные перемены расшатывают государства и вносят в них сумятицу". Консерватизм в политике разумнее поисков новых государственных форм, ибо "застарелое и хорошо знакомое зло всегда предпочтительнее зла нового и неизведанного".

Сословно-классовое деление французского общества XVI в., господствовавшие в нём предрассудки нашли интересное преломление в "Опытах". Как истинный сын своего класса Монтень утверждал: "Воинское призвание – самое великое, самое подходящее к

единственное призвание французского дворянства". Как выдающийся философ, глубокий мыслитель, он полагал, что есть доблесть большая, чем воинская доблесть: она "заключается в стойкости и силе нашей души".

Монтень выступил против сословной дворянской спеси. "Благородное происхождение, – иронизировал он, – великолепное качество ... но ... оно ... может достаться человеку порочному и ничтожному. Если знатность и впрямь добродетель, то это добродетель искусственная и чисто внешняя, зависящая о века и от удачи ... выводимая в качестве следствия явно необоснованного". К простому же народу Монтень относился с симпатией и сочувствием: "Болезнь для него (т.е. для простого человека) по-настоящему тяжела тогда, когда из-за неё приходится прекращать работу. Эти люди (Монтень имеет в виду крестьян) ложатся в постель лишь для того, чтобы умереть". И в другом месте: "Я видел на своём веку сотни рабочих и крестьян, которые были более мудры и счастливы, чем ректоры университетов, и предпочёл бы походить на этих простых людей".

Те немногие проблемы, которых мы коснулись, говоря об "Опытах", позволяют сказать о них как о выдающемся философско-художественном, историческом произведении XVI века. "Французский гуманизм в широчайшем смысле слова, – писал американский исследователь европейского ренессанса С.Томсон, – достиг своей вершины в творчестве Мишеля де Монтеня ..." и с этим трудно не согласиться.

"Нет писателя, – заметил как-то Моруа, – который был бы нам так близок, как этот перигорский дворянин, умерший в 1592 году. Идет ли речь о невежестве, терпимости, бесконечном многообразии обычаев, мы можем воспользоваться его опытом. Нет лучшего советчика – лучшего путеводителя ... для людей нашего времени ... этот делатель книг главным образом стремился направить свою жизнь. Он всё ещё может направить и нашу".

Пархимович В.Л.
Уссурийский
госпединститут

РУССКИЕ НЕВЕСТЫ ДЛЯ НАССАУСКОГО ДОМА

Царствующий в Нидерландах (с 1815 года) и Люксембурге (с 1890 года) Нассауский Дом ведёт свою родословную от средневекового немецкого феодала Вальрама I фон Лауренбурга (1146 - 119[illegible] основавшего в XII в. на берегу реки Лан в северо-западной Германии графство Нассау. Уже в 1255 году при внуках Вальрама I основанный им Дом распался на две линии: Вальрамовскую и Оттоновскую. Крупнейшим представителем первой линии был Адольф Нассауский, находившийся в 1292 - 1298 годах во главе Священной Римской империи. Всемирную известность Оттоновской линии принесла Нидерландская революция, исключительную роль в которой сыграл принц Виллем I Нассау-Оранский, вошедший в историю Нидерландов как Отец Родины. В XIX в. представители обеих ветвей Нассауского Дома взошли на престолы Нидерландов (Оттоновская линия) и Люксембурга (Вальрамовская линия). Но, наверное, не очень многим известно, что в том же XIX в. две русские дамы, знаменитые своим происхождением, вступили в брак с принцами Дома Нассау. В 1816 году за принца Виллема Нидерландского вышла замуж младшая дочь "русского Гамлета", как иногда называют императора Павла I, великая княжна Анна Павловна. А в 1867 году супругой принца Николая Вильгельма Нассауского из Вальрамовской линии стала младшая дочь "царя русской поэзии" А.Пушкина Наталья Дубельт.

Великая княжна Анна Павловна родилась в 1795 году. Императрица Екатерина II без восторга относилась к своим младшим внучкам. Не восхищалась она и Анной, по поводу первой годовщины рождения которой Екатерина писала: "Анна до сих пор столько упрямо, сколько толста; вообще три последних не стоят пяти первых". Юная принцесса получила блестящее образование. Помимо языков она изучала живопись и музыку, основы математики и естественных наук. В возрасте четырнадцати лет Анна уже представляла собой дорогой товар на брачном рынке европейских монархов. В 1809 году впавший в "династическое безумие" Наполеон I просит у царя Александра I руки его сестры. Но при резко враждебном отношении русского общества к Наполеону брак Анны с императором Франции был фактически невозможен. И вопрос о замужестве Анны Павловны на несколько лет снимается с повестки дня.

В те годы в во[illegible] образованном Нидерландском Королевстве предполагалась женитьба наследного принца Виллема на английской прин-

цессе тоже не состоялась по соображениям политического и личного порядка. Романовы и Нассау-Оранские вступают в контакт, и после успешных переговоров в 1816 году в Петербурге состоялось бракосочетание Виллема и Анны. Принц, за год до женитьбы командовавший нидерландскими войсками в битве при Ватерлоо, с самого начала пришёлся русским по душе. Особенно импонировали в нем голландце такие черты, как весёлость, страсть к пирам и представлениям.

Анна Павловна так же быстро завоевала сердца голландцев. Несомненно, она придала блеск королевскому двору в Нидерландах. В 1840 году её супруг становится королём под именем Виллема II. Новый монарх проводит реформы конституции, финансовой и податной систем, предоставляет автономию Люксембургу. Анна поддерживает либеральную политику мужа, однако в письмах к брату Николаю I часто выражает озабоченность финансовым положением королевской семьи. В бытность свою королём Виллем II сорил деньгами направо и налево. Только после его смерти (1849 год) выяснилось, в какое расстройство он привёл семейный бюджет. Долги составили 4,5 миллиона гульденов. "Для их уплаты нам нужно будет продать все земли и недвижимость в этой стране," - писала Анна. По её просьбе Нассау-Оранский Дом от неминуемого разорения спас император Николай I. Он согласился купить коллекцию картин Виллема II. Теперь это бесценное собрание картин, среди которых многие принадлежат кисти Рембранта, - предмет гордости петербургского Эрмитажа.

Немало огорчений доставляла Анне её отношения с невесткой Софьей. "Подле моего сына - опасный человек - его коварная супруга, которую Бог дал ему в наказание." И далее: "Не знаю, как долго ещё смогу противостоять хитроумным козням Софьи, которая недостойна трона, в то время как мой сын позволяет ей собою помыкать". Похоронившая любимого мужа, двух сыновей, лишившаяся братьев, в письмах к которым она могла излить душу, Анна Павловна умерла в 1865 году, оставив любопытный след в истории русско-голландских отношений.

Спустя два года после смерти Анны за принца из Дома Нассау вышла замуж Наталья Пушкина-Дубельт. Младшая дочь Пушкина поражала современников своей необыкновенной привлекательностью. Её называли "прекрасной дочерью прекрасной матери", "эффектной брюнеткой", "экзотически красивой женщиной". От отца Наталья Александровна унаследовала черты лица, порывистость движений,

страстность. Характер был у неё далеко не ангельский. И на семнадцатом году жизни, вопреки воле матери, Н.А.Пушкина вышла замуж за полковника М.Л.Дубельта. Но через восемь лет после замужества Наталья Александровна оставила мужа, человека жестокого, неуравновешенного, способного на пьяные разгулы.

I июля 1867 года дочь Пушкина обвенчалась с принцем Нассауским. Познакомились они ещё в 1856 году. Тогда и завязался их роман, который, возможно, явился одной из причин разрыва супружеских отношений с Дубельтом. Поскольку Наталья Александровна, как морганатическая жена принца, не могла носить фамилию особы королевской крови, ей был пожалован титул графини Меренберг. К браку своего младшего брата великий герцог Люксембурга Адольф относился одобрительно. Он часто принимал у себя графиню Меренберг и её детей, питал к ним сердечные родственные чувства. Люди, знавшие дочь поэта в зрелые годы, отмечали её острый ум и душевную щедрость. Во втором браке Наталья Александровна была счастлива. Принц Вильгельм был благородным, чрезвычайно добродушным человеком, превосходным семьянином. Последние сорок с лишним лет своей жизни Н.А.Пушкина-Меренберг провела в основном в Висбадене, в России бывала редко. Но она до последних дней сохранила любовь к Родине, ко всему русскому. И, разумеется, к Пушкину.

Умерла Наталья Александровна 10 марта 1913 года в Канне. За несколько лет до смерти она узнала, что царствующий герцог Нассауский не дозволит похоронить морганатическую жену своего дяди в родовом склепе Дома Нассау. И властная дочь русского поэта завещала, чтобы её сожгли и пепел рассыпали на могиле мужа. От второго брака у Натальи Александровны было трое детей, один из которых, Георг Меренберг, в середине 1900-х годов выступал претендентом на люксембургский трон. Граф Меренберг оказался к тому времени единственным, не считая престарелого герцога, представителем мужского пола в династии Нассауских. Таким образом, внук "царя русской поэзии" имел бесспорное право на люксембургскую корону. Обеспокоенный такой перспективой, великий герцог Вильгельм позаботился о том, чтобы этого не произошло. Брак отца графа Меренберга с Натальей Пушкиной был признан неравным, а его потомки были лишены династических прав. Родственные отношения внуков Пушкина и правящей династии великих герцо-

...в люксембургских являются одним из стимулов растущего в наши ...и интереса люксембуржцев к России, её народу, культуре, рус...ой литературе.

Чернавская В.Н.
ДВО РАН

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ АМЕРИКИ, РАЗРАБОТАННОЙ КАНАДСКИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ ДЖЕЙМСОМ Р.ГИБСОНОМ

Русская Америка, возникнув как следствие великих русских ...ографических открытий на востоке Азии и в северной части Ти...ого океана, стала логическим продолжением и завершением похо...в русских землепроходцев и мореходов, прошедших из конца в ...нец Сибирь и Дальний Восток и добравшихся через океан к бе...гам Северной Америки.

История Русской Америки как составная часть истории Аляс... - предмет особого интереса американских и канадских истори...в. Литература по истории Русской Америки многообразна и носит, ...авным образом, историко-географический характер. В 1976 г. в ...е-Йорке вышла книга канадского исследователя Джеймса Р.Гибсо... "Имперская Россия в погрничной Америке. Меняющаяся география ...абжения Русской Америки, 1784 - 1867". Джеймс Р.Гибсон - из...стный канадский исследователь, автор большого ряда работ по ...тории Русской Америки и истории Дальнего Востока России. Рас...матриваемая нами работа представляет особый интерес тем, что ...ней впервые в англоязычной историографии представлена тщатель... разработанная автором концепция истории Русской Америки в ...риод с 1784 по 1867 гг. Основным предметом рассмотрения авто... является проблема обеспечения Русской Америки продовольст...ем, которая, как считает автор, возникла лишь с началом пос...янного заселения региона в 1784 г. Дж.Р.Гибсон затрагивает ...просы занятия, заселения, развития, снабжения, транспорта, го...ит о развитии земледелия на Аляске, в Новом Альбионе, на Са...вичевых островах, приводит данные о торговле в регионе. Заня... русскими Аляски с конца XVIII в., по мнению канадского иссле...вателя, не было ни неожиданным, ни новым, став самой последней

и самой глубокой фазой длительного процесса экспансии на восток, начатого Москвой в середине XVI в.

Работа Дж.Р.Гибсона основана на большом количестве документальных источников и литературы. В ней фактически впервые была не только представлена разработанная автором концепция истории Русской Америки, но и дана наиболее полная и детально обоснованная периодизация. Автор выделяет четыре стадии в истории региона, кратко характеризуя каждую из них. Первую он называет стадией "бума" (период 1743 - 1799 гг.), которая предшествовала организации Российско-Американской компании. Это время установления первых постоянных поселений характеризующееся "незначительным сопротивлением со стороны аборигенов (алеутов), "незначительной конкуренцией" со стороны других стран. В этот период, по данным автора, 42 русские компании совершили 101 путешествие вдоль Алеутских островов. Вторую стадию он называет стадией Баранова (1799 - 1819 гг.). Её характерной чертой он считает дальнейшую экспансию на юг, при более сильном сопротивлении со стороны аборитенов и более остром иностранном соперничестве. Гибсон отмечает укрепление в целом позиций Русской Америки в этот период. Третьей стадии соответствует период 1819 - 1840 гг., время правления компанией рядом морских офицеров; это время он называет "безмятежной" стадией, в самом названии подчёркивая её характер. По его мнению, это период "стабилизации" отношений с соперниками Русской Америки, когда был заключён ряд соглашений, "положивших начало русской экспансии в Северной Америке, установив её юго-восточные границы и узаконив американское соперничество в приморской пушной торговле. Дж.Р.Гибсон отдельно останавливается на вопросах изучения региона, предпринятого в этот период, а также на вопросах его хозяйственного освоения. Период 1840 - 1867 гг. автор называет четвёртой, "убывающей" стадией. Считая, что Российско-Американская Компания была орудием правительства, канадский исследователь отмечает, что её двойное происхождение было политически целесообразным.

Дж.Гибсон впервые в англоязычной историографии сделал попытку чётко определить периодизацию истории Русской Америки. Предложенная им периодизация вполне обоснована в хронологическом плане.

Работа Дж.Гибсона "Имперская Россия в пограничной Америке

тщательное исследование, основанное на архивном и документальном материале. Автор показывает и процесс хозяйственного освоения русскими людьми региона, в частности организацию земледелия, овощеводства, начало судостроения и т.д. Так, начало земледелия, по его данным, было положено в 1784 г., а в 1790 г. стали видны уже первые результаты. Но, на наш взгляд, неверной является исходная позиция, на которой автор строит своё исследование. Она выражена уже в самом эпиграфе, где утверждается, что русские жили здесь не как народ, а как товарищество торговцев пушниной, имея единственную цель - приобретение шкурок. Смысл Русской Америки для России Гибсон видит почти исключительно в приморской пушной торговле, а основным занятием русских до середины XIX в. считает приобретение и вывоз пушнины. Погоня за пушниной, по его утверждению, вызвала развитие земледелия, рыболовства, судостроения, появление обрабатывающей промышленности.

Тем не менее весь сделанный Дж.Гибсоном очень тщательный анализ материала по-своему опровергает подобный тезис, показывая, что характер поселений со временем становился всё более и более постоянным по мере хозяйственного освоения территории русскими.

Курбатов Ю.И.
Дальневосточный
госуниверситет

ФРИДРИХ СМИТ - ИСТОРИК ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830 - 1831 гг.

Фридрих Смит (1787 - 1865) родился в Нарве в семье нотариуса магистрата. Обучался в нарвском городском училище, брал частные уроки. В 1804 - 1806 гг. продолжал образование в Кильском университете, где изучал теологию. До 1812 г. - домашний учитель в Нарве и Москве. В 1812 г. - волонтёр в составе русских войск, но по состоянию здоровья вынужден был выйти в отставку и с 1813 г., после сдачи магистерского экзамена, служил в качестве помощника почтового инспектора Варшавы. В 1815 г. Смит стал директором канцелярии русского коменданта в Париже. После упразднения комендатур участвовал в работе смешанной комиссии по рассмотре-

ник текущих счетов между Россией и Францией. В 1819 г. вернулся в Россию и вскоре вышел в отставку. В 1822 г. получил место цензора газет при виленском почтамте. Во время польского восстания 1830 - 1831 гг. Смит был прикомандирован к армии, редактировал известия о действиях русских войск для заграничных журналов. С 1835 г. - чиновник почтового управления в Петербурге, статский советник, с 1855 г. - чиновник министерства иностранных дел. В 1859 г. Смит назначен историографом при Главном штабе.

По политическим убеждениям Ф. Смит - монархист, апологет самодержавия.

Как историк Смит не получил какой-либо систематической подготовки. Под влиянием сочинений А.Л.Шлецера увлёкся изучением древней русской истории, но испытывал склонность и к занятиям военной историей. Историко-теоретические воззрения Ф.Смита сформировались под влиянием классической немецкой философии, отчасти философии французских просветителей. Смит был знаком с творчеством Канта. Основу его философии истории составляли шеллингианские идеи. Исторические судьбы народов, по Смиту, определяются их характером, который складывается из природных дарований. Физические и умственные дарования народа наследственны, т.е. национальный характер сохраняется, хотя природные свойства и подвержены изменениям под влиянием географического положения, политического устройства, образа жизни. Последние обусловливают направление, по которому развивается природное начало. "Кроме особенных случайностей, предопределения свыше" судьбу народа "решают врождённые и приобретённые ... свойства характера". Подтверждение своим взглядам Смит находит в истории польского народа - "большею частию своих неудач они (т.е. поляки - Д.К.) обязаны своему характеру". Теоретические позиции Ф.Смита вполне проявились в его "Истории польского восстания и войны 1830 и 1831 годов" и определили концепцию Ноябрьского восстания.

Причины восстания историк сводил, в конечном итоге, к одной изначальной - к польскому национальному характеру, предполагавшему "постоянную готовность" к опрометчивым шагам. "Взрыв не был вызван несчастием и необходимостью, а просто старой привычкой к заговорам и конфедерациям"..."очевидно каждому, что не бедствия, лишение прав и притеснения были причинами восстания, но легкомыслие, непостоянство, склонность к подражанию, наконец, страсть ... молодёжи к борьбе".

Начиная "несогласий", лежащих в основании народного характера, Смит объяснял и существование различных политических "партий" в восстании. Упрощая политическую картину в период восстания, Смит выделил две партии: "консервативную" и "демократическую". Либеральную группу "кавалеров" отнёс к консервативному лагерю, а во главе его поставил не игравших такой роли, Любецкого и Хлопицкого, оттеснив на второй план политически сильную фигуру А.Чарторыского.

Главным двигателем восстания, считает Смит, была "восторженная молодёжь": часть дворянства, литераторы, военное сословие, чернь больших городов. Смит признаёт, что восстание захватило в той или иной степени все слои польского общества и в этом смысле оно было всеобщим, национальным. Восстание поддержали народные массы, в частности, городские низы, но, оговаривается Смит, большинство жителей Варшавы "подчинялись общему увлечению ... под влиянием страха, внушаемого революционерами". Историк констатирует и факт участия в восстании крестьян, хотя и отмечает, что оно не стало значительным. Действительно, самостоятельного крестьянского движения в Королевстве Польском не было, но крестьянство являлось важнейшим компонентом среди рекрутов польской армии. В представлении Смита национальный характер восстания - "заслуга" шляхетских революционеров, добившихся вовлечения в него нации вполне довольной своим положением "и не желавшей никаких перемен".

Причины поражения восстания Смит объяснял весьма субъективно, он писал: "Чтобы Польше бороться с Россией ... нужен был гениальный полководец: такого не оказалось, и дело их было проиграно". Таким образом, по мнению Смита, недоставало только талантливой личности, чтобы восстание победило.

Освещение Ф.Смитом восстания 1830 - 1831 гг., несомненно, тенденциозно, но по ряду пунктов историк расходился с официальной версией, принятой в период николаевской реакции, в частности, в оценке восстания как общенационального, а не узкошляхетского.

Киселёва О.А.
Вологодский
госпединститут

ЗАВЕРШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1861 - 1865 гг.) И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США

История внешней политики США традиционно привлекала внимание отечественных исследователей. Основательно изучена внешнеполитическая деятельность Соединённых Штатов на Дальнем Востоке и в Латинской Америке в конце XIX - начале XX вв., созданы многочисленные работы, посвященные проблемам идеологии, форм и направлений экспансии на начальной стадии монополистического капитализма. Что же касается тридцатилетия после гражданской войны, а особенно фазы Реконструкции Юга (1865 - 1877 гг.), этот период изучен гораздо меньше.

Гражданская война 1861 - 1865 гг. стала рубежом не только в развитии американского общества, его социальных и политических институтов, но и в положении США на мировой арене, в характере целей и задач государственного департамента. В предвоенный период во внутренней и внешней политике Североамериканской республики доминировали интересы рабовладельцев Юга, определявшиеся преимущественно экстенсивным типом хозяйства, обусловливавшим постоянное стремление к овладению новыми землями и переносу на них хлопковых и иных плантаций. Это, в свою очередь, предопределяло не только основное направление экспансии - на юг, но и её главный метод - непосредственного присоединения (насильственного или оформлявшегося в виде покупки) к США новых территорий.

С победой Севера над Югом и восстановлением единства страны консолидация государственных внешнеполитических интересов происходит уже на основе целей и устремлений буржуазии, завоевавшей власть в национальном масштабе и сумевшей создать условия для высоких темпов роста экономики. Укрепление хозяйственных позиций и политического влияния крупной американской буржуазии, опиравшейся на вооружённые силы, созданные во время войны, означало наступление качественно нового этапа в становлении Соединённых Штатов как державы с глобальными по характеру интересами.

Эти интересы были сформулированы, обоснованы и провозглашены государственными секретарями США У.Г.Сьюардом и Г.Фишем, что рассматривалось многими современниками и историками в качестве веского доказательства безудержного роста экспансионизма Вашингтона после гражданской войны. Подобная оценка выглядит слишком упрощённой, так как исключает из поля зрения исследователя вопрос о том, насколько эти устремления были реальны с точки зрения их достижимости, выходили за рамки широковещательных деклараций, когда были предложены и воплощены в жизнь способы их реализации.

Новая внешнеполитическая тактика разрабатывалась американскими государственными и политическими деятелями на протяжении всего тридцатилетия после гражданского конфликта, но более активная реализация её на международной арене приходится на конец 80-х - 90-е гг. XIX в. Провозглашая в 1870 г. доктрину гегемонии на Американском континенте, Г.Фиш указывал на развитие флота и торговли в качестве материального залога этого преобладания. Но вопрос о том, как практически создать условия, при которых Соединённые Штаты решали бы все американские проблемы, оставался, до известной степени, открытым. Конкретные политико-дипломатические способы его решения были намечены позже. В конце 1870-х гг. госсекретарь У.Эварте выступил глашатаем посреднической миссии Вашингтона в делах латиноамериканских стран и их связях с третьими державами. Следующий шаг в этом направлении был совершён Дж.Блейном, возглавлявшим госдепартамент в 1881 - 1882 и 1889 - 1893 гг. Но если Эварте стремился реализовать свои планы посредством двусторонних соглашений США со странами Центральной и Южной Америки, то Блейн - при помощи "возрождённых им" идей панамериканизма.

Однако это вовсе не означало, что в 60 - 70-е гг. XIX в. экспансия США прекратилась. Произошла временная смена ориентации - перенос упора с территориальной экспансии на торговую, не исключавшая, правда, сочетания того и другого. Главной причиной такой перемены была необходимость для американского общества в период Реконструкции сконцентрировать главное внимание и усилия на внутриэкономических и -политических проблемах. Чтобы в полной мере воспользоваться плодами предыдущего этапа экспансии, прежде всего в пределах североамериканского конти-

нента, необходимо было освоить обширные, захваченные ранее земли, для чего требовалось определённое время. В условиях открывшихся новых огромных возможностей для развития страны после её воссоединения основные ресурсы направлялись на внутренний рынок. Наконец, все политические силы страны были вовлечены в напряжённую борьбу по вопросам перестройки бывших рабовладельческих штатов в интересах интенсивного развития капитализма в США, условий их возвращения в Союз и путей восстановления федеральных органов власти. С одной стороны, это являлось содержанием Реконструкции как второго этапа буржуазно-демократической революции 1861 -1877 гг., а, с другой, не могло не привести к определённому снижению активности США на международной арене.

С окончанием гражданского конфликта при реализации своих внешнеполитических целей США продолжали придерживаться традиционной тактики использования противоречий между своими соперниками - Англией, Францией и Россией. Царское правительство видело в укреплении США определённый противовес влиянию Англии и Франции и поэтому заняло благожелательную позицию по отношению к Северу во время войны 1861 - 1865 гг. Эта тенденция продолжала действовать в период Реконструкции как логическое завершение расстановки сил в мировой политике, где тон задавали творцы "крымской системы" - Англия и Франция. США и Россия, не занимая доминирующего положения в международных расчётах друг друга, старались использовать взаимную поддержку при выполнении своих планов. США - для укрепления позиций в переговорах с Великобританией по "делу"Алабамы", Россия - в стремлении разорвать тяготившие её "черноморские статьи" Парижского мира 1856 г. и разрешить противоречия с европейскими державами на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

Гражданская война оказала и непосредственное негативное влияние на международное положение США. Накануне конфликта США выступали серьёзным конкурентом Великобритании на море. Их торговый флот занимал второе место в мире. Блокада южных портов, пиратские операции рабовладельцев против флота северян подорвали позиции США в морском торговом судоходстве. К окончанию войны торговый флот составлял менее трети своих довоенных размеров. К 1880 г. США занимали 12-е место в мире по размерам военно-мор

кого флота. Всё это снижало, до известной степени, способность мериканского капитала к активному внешнеторговому проникновению.

Таким образом, при всей противоречивости внешнеполитических итогов гражданской войны очевиден рост экспансионистских устремлений части американского общества после её завершения. В то же время в 1865 - 1870-е гг. эти устремления носили по преимуществу потенциальный характер и не могли быть реализованы, так как ресурсы страны были крайне необходимы для завершения внутреннего переустройства США, отсутствовали тактические средства осуществления экспансии, одним из важнейших среди которых мог быть торговый и военно-морской флот.

Лихарев Д.В.
Уссурийский
госпединститут

РЕФОРМА ПОДГОТОВКИ И ОБУЧЕНИЯ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ БРИТАНСКОГО ФЛОТА 1902 г.: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Первой в списке преобразований британского военного флота, осуществлённых в начале нынешнего века адмиралом Дж.А.Фишером, стоит реформа обучения и подготовки морских офицеров. Критики адмирала часто упрекали его в чрезмерном увлечении чисто техническими вопросами и пренебрежении к проблемам личного состава флота. Между тем, Фишер всегда был убеждён, что "люди важнее машин". Ещё в 1899 - 1902 гг., будучи командующим Средиземноморским флотом, Фишер активно взялся за изучение проблем отбора, обучения и подготовки матросов и офицеров флота. Поиск наилучших форм системы военно-морского образования был вестись актуален для британского флота на протяжении многих лет. Многочисленные комиссии, которые занимались изучением данного вопроса ещё в 70-х гг. прошлого века, были единодушны в том, что существующее положение вещей надо менять. Однако все рекомендации этих комиссий имели совершенно ничтожный практический результат. Идея дифицированного обучения морских офицеров не была единоличной заслугой Фишера. Известный военно-морской теоретик Джон Коломб

почти 20 лет пропагандировал этот принцип. Заслуга Фишера состояла в том, что он претворил идею в жизнь.

Реформа подготовки морских офицеров началась с опубликования в конце декабря 1902 г. так называемой "схемы Селборна", которая предусматривала новые правила поступления и новую программу обучения морских офицеров. Несмотря на то, что проект был назван по имени морского министра, "...в действительности он был детищем адмирала Фишера, ... который и являлся реальной движущей силой в Адмиралтействе того времени". Новая система предусматривала общие правила поступления и единую программу обучения для трёх отраслей военно-морской специальности - командной, инженерной и морской пехоты. Для этого планировалось создать два военно-морских колледжа в Осборне и Дартмуте с двухгодичным курсом обучения. По окончании Королевского военно-морского колледжа молодой человек последовательно в чине кадета, мичмана и младшего лейтенанта в течение 4 - 5 лет проходил обучение в начале на учебном корабле, а затем на одном из боевых кораблей флота. В возрасте 22 лет ему присваивалось звание лейтенанта и курс обучения считался законченным. Далее морской офицер мог по своему желанию специализироваться в любой из трёх названных областей.

"Схеме Селборна" в Англии склонны были придавать большое значение. Интерес к предстоящей реформе вышел далеко за пределы узких рамок военно-морского ведомства. Полный текст проекта реформы опубликовали многие газеты. В "Таймс", например, ему отвели целых шесть полос, отпечатанных самым мелким шрифтом. Проектирование здания Королевского военно-морского колледжа в Дартмуте было поручено одному из лучших архитекторов - Астону Уэббу. "Военно-морской ежегодник" Томаса Брассея опубликовал эскиз здания. 7 марта 1902 г. Эдуард VII в торжественной обстановке лично заложил первый камень в фундамент главного корпуса будущего колледжа.

"Схема Селборна" представляла собой громадный шаг вперёд в деле подготовки командных кадров для флота. До реформы существовало раздельное обучение морских офицеров разных специальностей. Программы обучения различались самым существенным образом и в дальнейшем между разными отраслями службы продолжала сохраняться "китайская стена". В самом плохом положении находились военно-морские инженеры. Они были лишены многих прав по сравнению с "палубными" офицерами и их продвижение по служебной лест-

нице было затруднено. Морс ие инженеры носили совсем другую форму, не имели права наказывать матросов и т.д. У морского инженера практически не было шансов дослужиться до адмирала или даже капитана I ранга. В условиях, когда роль морского инженера возрастала по мере усложнения судовых механизмов и насыщения корабля новой техникой, такое положение дел вызывало в их среде законное недовольство.

С другой стороны, "палубные" офицеры, не получавшие технического образования, практически не имели никакого представления о судовых механизмах. Адмирал Чарльз Бересфорд как-то заметил в одном из своих писем: "Через 20 лет морские офицеры будут удивляться, как мог паровой броненосный флот управляться людьми, которые не имели ни малейшего представления о паре и механизмах ...". По системе Селборна командные кадры стали получать солидную техническую подготовку и в случае необходимости могли нести вахту в машинном отделении.

По реформе Фишера морские инженеры получили те же права что и "палубные" офицеры. Различия в военной форме между ними сводились к минимуму, устанавливалась общая очерёдность в присвоении воинских званий. Согласно новому уставу, морской инженер в чине капитана I ранга мог быть назначен командиром крупного корабля. Морской инженер, получивший адмиральские погоны, вполне мог рассчитывать на такие престижные посты, как начальник государственных военных верфей или комендант военной базы в Портсмуте.

"Схема Селборна" предусматривала большую степень интеграции морской пехоты в систему военно-морской службы. До реформы офицеры морской пехоты обучались только сухопутному бою и рассматривали себя как часть армии, а не флота. Офицерский корпус морских пехотинцев до 1902 г. формировался на добровольном принципе из числа выпускников армейских колледжей в Вулвиче и Сэндхерсте. Теперь подготовка кадров для морской пехоты велась в военно-морских колледжах Осборна и Дартсмута по единой программе обучения с курсантами других специальностей. По новому уставу у офицеров морской пехоты появились обязанности на корабле: учения во время плавания и несение вахты во время стоянки в бухте.

Однако "схема Селборна" была делом гораздо более серьёзным, нежели просто пересмотр устава и программы обучения. Реформа но-

сила ярко выраженную социальную направленность. На рубеже XIX и XX веков в офицерской среде британского военно-морского флота господствовал "дух корпоративности". "Палубные" офицеры представляли собой замкнутую элитарную касту. Все они, как правило, были выходцами из очень обеспеченных семей, многие могли похвастаться аристократическим происхождением. Военно-морские инженеры, выделившиеся в самостоятельную отрасль службы на английском флоте с 1843 г., вообще не рассматривались как офицеры.

Надо отдать должное Фишеру - он всячески стремился демократизировать корпус морских офицеров. "...Ум, характер и манеры не являются исключительными качествами детей тех родителей, которые могут позволить себе потратить тысячу фунтов на их обучение. Давайте дадим возможность каждому мальчишке испытать свой шанс независимо от глубины кошель его родителей". По подсчётам Фишера, плата за обучение в военно-морском колледже автоматически исключала из числа претендентов представителей тех семей, чей годовой доход был меньше 700 ф.ст. "Если предположить, что средний состав семьи пять человек, то отсюда следует, что число людей, из которых набираются морские офицеры составляет не более I 500 000, а ведь больше половины этого числа женщины и дети. Из оставшейся части населения в 4I 500 000 человек практически ни один не имеет шанса стать офицером военного флота! Поистине мы ищем наших нельсонов внутри слишком узкого круга!"

На наш взгляд, утверждение американскрго исследователя Артура Мардера, что "Фишер был демократом, а возможно даже в душе социалистом", страдает некоторым преувеличением. Тем не менее, приведённые выше высказывания характеризуют взгляды Фишера на проблему комплектования офицерского корпуса как весьма радикальные. Такие убеждения тем более удивительны, что адмирал, на первый взгляд, сам являлся представителем замкнутой военной касты. Но это только на первый взгляд. В начале своей морской карьеры Фишер испытал серьёзные материальные затруднения и быстрым продвижением по служебной лестнице был обязан только своим талантам и настойчивости. За военные заслуги в 1894 г. Фишер получил титул барона (барон Кильверстон), в 1909 г. стал пэром и пожизненным членом палаты лордов. Титулы облегчили адмиралу доступ к монарху, возможность общения с членами кабинета министров, сделали возможными связи и знакомства с влиятельными

людьми. И всё же Фишер так и не смог до конца интегрироваться в истеблишмент Британской империи, оставшись до конца своих дней аутсайдером, несмотря на титулы и заслуги. Лондонский высший свет не принял адмирала. В письме Эдварда Грея от I2 июля 1905 г. есть такие строчки: "Вчера вечером на обеде у Розбери леди Фишер сделала массу неуместных замечаний, которые шокировали всех, кроме самого Фишера".

Неприятие, по-видимому, было взаимным, поскольку адмирал часто высказывался о верхушке в весьма нелестных выражениях. Несмотря на частые контакты с монархом и танцы с герцогинями на придворных балах, Фишер до конца дней остался радикалом по своим политическим убеждениям. Старый адмирал считал, что подавляющее большинство людей, облечённых высшей властью в Британии, занимают свои посты по праву рождения, а не по заслугам. Как правило, Фишер предпочитал общество либеральных политиков, таких как Маккена, Черчилль, Асквит, Ллойд Джордж. Тори гораздо чаще навлекали на себя критику адмирала, который называл их "мандаринами" и "ретроградами". Возможно именно по этой причине у первого морского лорда были довольно натянутые отношения с Лигой военно-морского флота Великобритании, которая неизменно поддерживала консерваторов. Аналогичным образом политические убеждения Фишера характеризуют и его связи с прессой. Среди журналистской братии "лучшими друзьями" адмирала были либо откровенные радикалы вроде У.Т.Стида, либо, на худой конец, "неортодоксальные" правые вроде Арнольда Уайта. Таким образом, стремление Фишера демократизировать офицерский корпус военно-морского флота не шло вразрез с его политическими убеждениями.

Неудивительно, что многим из власть имущих такая радикальная реформа подготовки морских офицеров пришлась не по вкусу. Десять лет спустя после опубликования "схемы Селборна" Фред Дрейк пишет: "Немногие реформы критиковались так неистово и в то же время так незаслуженно... Как и все его преобразования она явилась слишком смелым шагом для ультраконсервативных умов британского флота, ненавидивших всё, кроме самых медленных, постепенных перемен". Здесь следует отметить, что "социальная" критика "схемы Селборна" началась гораздо позднее. Первоначально реформа получила почти единодушное одобрение. Даже такие непримиримые противники Фишера из числа профессиональных военных, как

Кардион Белаерс, отметили её положительные качества и своевременность.

Поначалу немногочисленные критики, главным образом отставные адмиралы и офицеры, требовали отказа от "схемы Селборна" под тем предлогом, что на военных флотах других стран такие изменения не планируются. Этот аргумент был отвергнут. Некоторое время спустя многие морские державы последовали примеру Англии, осуществив аналогичные преобразования в системе подготовки морских офицеров. Причём в Японии это было сделано в самый разгар войны с Россией.

Романов В. В.
РГПУ им. А.И.Герцена

О ХАРАКТЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ США В 1913 - 1914 гг.

Рассмотрение концептуальных основ европейской политики США в начале XX века наглядно демонстрирует характер эволюции американской внешнеполитической мысли от изоляционизма к "интернационализму". Этот процесс был связан с приспособлением стратегической линии США к новому соотношению сил в мире, которое требовало изыскания наиболее эффективных путей и средств обеспечения американских внешнеполитических интересов, внесения определённых корректив в сложившиеся представления о роли Соединённых Штатов в системе межгосударственных отношений. Осмысливать новые реалии международного положения США и претворять в жизнь новые внешнеполитические задачи выпало на долю прежде всего демократической партии, лидер которой Вудро Вильсон победил на президентских выборах 1912 года.

Среди факторов, повлиявших на характер эволюции доктрин и концепций европейской политики США выделим следующие:
- стремление правящих кругов Соединённых Штатов к расширению экономического, политического и идеологического влияния в мире;
- изменение соотношения сил в Европе, которое было связано с усилением Германии, как потенциального конкурента США при одновременном относительном ослаблении позиций Великобритании;
- резкое углубление противоречий между ведущими мировыми державами, получившее распространение в связи с этим "блоковой дипло-

матия".

Главным теоретическим обоснованием концептуальных основ внешнеполитического курса Соединённых Штатов в 1913 - 1914 гг. оставались традиционные идеи американского экспансионизма (доктрина "предопределения судьбы", социал-дарвинизм, теория "подвижных границ" и др.), которые во многом разделял президент Вильсон. Ещё в 1902 году он писал, что главные внешнеполитические задачи США - завоевание международных рынков и распространение американских идеалов и принципов на те районы мира, в которых лежат интересы Соединённых Штатов. Однако, ход избирательной кампании 1912 года, назначение государственным секретарём США Уильяма Брайана, имевшего прочный авторитет противника империализма и пацифиста, позволяли американской общественности надеяться, что президентство Вильсона станет началом "более идеалистической эры" во внешней политике США.

Первые месяцы пребывания демократов у власти показали, что внешнеполитические вопросы, например, положение в Мексике, американо-японские отношения, ситуация в Китае, решались новой администрацией, главным образом, в духе традиционных американских концепций. Вместе с тем, наглядно проявились и новые подходы. Вильсон и его окружение старались привнести в американскую внешнюю политику дух миссионерства и морализма, стремление к укреплению демократии в мире. Подобное видение роли США на международной арене имело решающее значение и при оформлении концепций европейской политики.

С начала XX века в основе европейской политики Соединённых Штатов лежала концепция "баланса сил". Американская дипломатия видела своей главной задачей активное балансирование между союзами европейских держав, что предполагало в определённых внешнеполитических условиях прямое вмешательство США в политические конфликты в качестве посредника. Логически развивая эту схему, администрация Вильсона попыталась предложить мировому сообществу свои пути предотвращения европейской войны и создания новой системы международной безопасности. Инициатором этих действий стал государственный секретарь У.Брайан. Он разработал план подписания Соединёнными Штатами со всеми странами арбитражных, или "охладительных", договоров. Договоры предусматривали создание наднационального органа, который разбирал бы взаимные пре-

тензии. Стороны не могли вступать в конфликт до истечения годичного "охлаждающего" периода, во время которого запрещалось наращивание всех видов вооружений. Государственный секретарь США планировал вынести свой проект на обсуждение третьей конференции мира, которую предлагал созвать в 1915 году. Замысел У.Брайана был, безусловно, перспективен. Однако реалии международной обстановки 1913 - 1914 гг. не позволили американской дипломатии достичь поставленных целей. Великобритания и Франция затягивали подписание договоров, поскольку видели, что реализация американских предложений прежде всего принесёт резкое повышение международного статуса США. По мнению ведущих дипломатов Старого Света, арбитражные договоры были неприемлемы для оздоровления собственно межевропейских отношений. Германия отказалась от подписания договора, так как она лишилась бы своего главного козыря в политике - возможности внезапного нападения на соперников. Позиция европейских держав вынудила главу американского дипломатического ведомства исключить из своего проекта статью об отказе сторон от наращивания вооружений на период работы арбитражной комиссии, что свело брайановское предложение к простой пацифистской декларации, поскольку в такой редакции договор лишался конкретных путей предотвращения военной опасности.

Другую концепцию урегулирования европейских противоречий предложил советник президента полковник Э.Хауз. Замысел своего плана он раскрыл ещё в январе 1913 года. Суть новой инициативы сводилась к следующему:

1. Предотвратить развязывание войны, для чего следует немедленно остановить гонку вооружений, воспользовавшись либо брайановскими договорами, либо предложениями лорда адмиралтейства Великобритании У.Черчилля о "морских каникулах".
2. Ослабить англо-германские противоречия путём создания новой, рациональной системы объединённого использования "неразработанных" мировых территорий, главным образом в Латинской Америке, Китае и Малой Азии. Конкретизируя это положение, Хауз выдвинул проект трёхстороннего американо-англо-германского соглашения об определении единых политических и экономических условий для предоставления финансовой помощи слаборазвитым странам.

План Хауза полностью соответствовал стремлению президента Вильсона к созданию союза трёх мировых держав - Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Германии.

Свои предложения Хауз обсуждал с высшим эшелоном политической власти европейских стран в мае - июне 1914 года. Визит американского эмиссара, по оценке Вильгельма II, "едва не предотвратил мировую войну". Однако, следует заметить, что высокая степень остроты межгосударственных противоречий в Европе и неподготовленность западноевропейской внешнеполитической мысли к восприятию американских инициатив обрекли на неудачу очередной демарш, предпринятый Соединёнными Штатами. Урегулирование англо-германских отношений требовало долгого и тщательного согласования позиций, а времени для этого, к сожалению, не хватило. Кроме того, вновь сказались опасения европейских политиков, что США добьются роли посредника или "третьей силы", в результате чего будут реально влиять на решение важнейших международных проблем прежде всего в американских интересах.

Анализ предвоенных концепций европейской политики США показывает их очевидную направленность на отказ от изоляционизма, стремление американского руководства стать инициатором создания новой системы международных отношений и привнести в свои действия известный дух мессионерства и морализма.

Лихарев Д.В., Вахрамеева Т.В.
Уссурийский госпединститут
Вологодский госпединститут

ВОЕННО-МОРСКИЕ СПРАВОЧНИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Исследования по истории морской политики западных держав и Японии 20 - 30-х гг. нынешнего столетия имеют свою присущую им специфику. Данная область исторического исследования, на наш взгляд, имеет две стороны: политико-дипломатическую и военно-техническую. В связи с этим для историка-марксиста, занимающегося проблемами морской политики новейшего времени, особое значение приобретает работа с военно-морскими справочниками,

представляющими собой специфический вид исторических источников. Справочники по военно-морским флотам содержат подробные тактико-технические характеристики боевых кораблей всех классов, сведения о судостроительных программах и т.д. Всё это является косвенным свидетельством о стратегических и тактических задачах, которые ставятся перед флотом той или иной державы, направленности морской политики страны, выборе потенциального противника. Военно-морские справочники можно подразделить на текущие периодические издания, современные изучаемым событиям, и справочники, изданные спустя значительный промежуток времени от изучаемого периода (они носят, как правило, узко тематический характер).

По интересующему нас периоду из текущих изданий наиболее авторитетным и солидным источником несомненно будет являться британский ежегодник "Джейнз Файтинг Шипс". Издания справочника "Джейн..." за 20 - 30-е гг. представляют собой довольно большие по объёму тома (по 400 - 500 страниц каждый), содержащие очень подробную, фактически исчерпывающую информацию по всем флотам мира. Тактико-технические данные, приводимые в справочнике "Джейн...", проиллюстрированы фотографиями хорошего качества, чертежами, таблицами, силуэтами боевых кораблей. Справочник "Джейн..." позволяет очень наглядно проследить изменения, вносимые в судостроительные программы, динамику военно-морского бюджета страны и т.д. Однако при работе с английскими военно-морскими справочниками историку следует принимать во внимание ряд присущих им особенностей. Отечественные и зарубежные военно-морские эксперты отмечали, что английские справочники "Джейнз Файтинг Шипс" и "Брассейз Нейвал Эннъюал" дают искажённые данные о скорости хода английских военных кораблей. Как правило, корабли британского флота в нужные моменты развивали скорость хода на 2 - 4 узла больше справочных, что можно считать весьма существенной разницей. Это объяснялось тем, что британское Адмиралтейство вносило в официальные справочники данные проектной, а не фактической скорости.

Так было с линейными крейсерами типа "Инвинсибл" (1907 г.) и типа "Лайон" (1910 г.), вошедшими в состав флота ещё в "Эру Фишера". Три корабля первой серии имели проектную скорость 25,5 узла, однако при испытаниях на мерной миле превысили 28 узлов, а "Индефатигебл" показал 29,13 узла. Линейные крейсеры типа

"Лайон" при проектной скорости 28 узлов фактически показывали 32 узла.

Поэтому у военно-морских экспертов довольновысокую репутацию имел германский военно-морской справочник "Ташенбух дер Кригсфлоттен". Немецкие издатели, как правило, весьма ответственно подходили к публикуемой информации. Впрочем, искаженная информация о боевых кораблях чаще всего появлялась не по вине тех, кто эти справочники издавал. Сообщением заведомо искажённых данных часто грешило японское Адмиралтейство. Так, например, специалисты в США и Великобритании долгое время пребывали в уверенности, что японские крейсеры типа "Могами" являются лёгкими крейсерами. Фактически же эти корабли проектировались и строились как тяжёлые крейсеры. Сразу после начала второй мировой войны трёхорудийные башни со 152 мм орудиями на них были легко заменены двухорудийными с 203 мм пушками.

Из литературы такого характера заслуживают внимания справочники "Военные корабли мира" (1933 г.) Оскара Паркеса и "Британские военные флоты" (1935 г.) Гая Верко. Довольно точную и подробную информацию даёт советский справочник "Военные флоты. 1928 - 1929" (1928 г.), составленный Е.Е.Шведе.

Самую точную и подробную информацию о военных флотах межвоенного периода содержит современная справочная литература. Эти издания предназначены для специалистов и носят, как правило, узко тематический характер, как например, "Авианосцы" (1977 г.) Дэвида Брауна, "Линейные корабли" (1978 г.) Антони Уатса или "Английские линейные корабли" (1966 г.) Оскара Паркеса. Некоторые неудобства для историка может доставить работа с серийными справочными публикациями по военным флотам 20 - 30-х гг. на страницах авторитетного японского журнала "Шипс оф зе Уорлд". Так, например, в тактико-технических данных дредноутов 1905 - 1945 гг. указывается калибр и количество стволов орудий, участвовавших только в бортовом залпе (т. XXII, март 1987).

Таковы, на наш взгляд, главные параметры периодических и специальных военно-морских справочников при использовании их в качестве исторических источников по истории морской политики западных держав и Японии 20 - 30-х гг. Познавательная ценность любого источника или вида источников не есть нечто абсолютное, раз и навсегда. В зависимости от исследовательской задачи, с которой связано их использование, источники как бы повора-

чиваются своими разными гранями. Какие-то из них, малоинтересные в одном отношении, могут оказаться глубоко содержательными в другом. Документ, непримечательный сам по себе, подчас становится весьма важен в совокупности себе подобных. Свидетельств же, которые вообще недостойны внимания историков, по всей видимости не существует.

Сараджан Г.С.
Дальневосточный
госуниверситет

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В США В ПЕРИОД ВАШИНГТОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Отношения США и ДВР с первых дней её существования были отмечены двойственностью. Правительство США наряду с торговой миссией ДВР разрешило прибытие в Вашингтон делегаций Торгово-промышленной палаты Временного Приамурского правительства братьев Меркуловых из Владивостока. Кроме того, в США ожидалось прибытие представителей белого движения из Парижа, Берлина и других западных центров. Приглашением их в Вашингтон американское правительство пыталось создать противовес делегации ДВР. В условиях отсутствия общепризнанного официального представительства России в Вашингтоне буржуазное правительство Приморья считало своей первейшей задачей дать полную и точную деловую информацию о крае. С этой целью Торгово-промышленная палата постановила избрать особую комиссию для подготовки докладов по вопросам экономической жизни Дальнего Востока, назначить специальную делегацию для поездки в Вашингтон и поручить ей передать материалы комиссии участникам конференции.

В состав делегации Временного Приамурского правительства были назначены управляющий иностранными делами правительства В.С.Колесников и И.Окулич. Меркуловцы также направили в Вашингтон делегацию Приморской Торгово-промышленной палаты в составе П.П.Гудкова, И.С.Алексина.

Прибыв в Вашингтон 23 ноября 1921 г., делегация Торгово-

промышленной палаты установила отношения с делегациями держав, участвовавших в конференции. Все материалы об экономике края были представлены председателю конференции г. Хэу, а делегатам - общие сводки докладов. Представители Приамурского правительства установили тесную связь с послом правительства в США Бахметьевым, в результате чего обнаружилась общность взглядов. Делегация Торгово-промышленной палаты имела беседу с министром торговли США Г.Гувером, который проявил интерес к возможности развития торговых отношений с русским Дальним Востоком. Делегация палаты представила Гуверу тезисы докладов о возможности развития производительных сил Сибири и роли американского капитала в её возрождении.

Делегация ознакомилась с постановкой внешней и внутренней торговли и организацией банковского дела в США. Со своей стороны администрация США поощряла и поддерживала отношения с меркуловским режимом во Владивостоке. Американские фирмы поставляли меркуловцам оружие и обмундирование, о чём свидетельствуют многие документы.

Глава делегации Владивостокского правительства В.С.Колесников установил полуофициальные отношения с госдепартаментом США. 5 января 1922 г. заведующий русским отделом Пуль докладывал Хэу, что его посетил Колесников и предъявил вверительные грамоты полномочного представителя Владивостокского правительства в США.

Беспрерывное давление на государственный департамент оказывали другие представители белого движения в Европе и Америке. Центром русской белоэмиграции стал Париж. Всего за рубежом (в Германии, Англии, Франции, Югославии, Турции, Польше) насчитывалось 910 тыс. Русская эмиграция имела 45 дипломатических представительств. Берлин был главным центром сосредоточения русских монархистов. В период Вашингтонской конференции активную деятельность развернула делегация Высшего монархического совета, расположенного в Германии. Эту делегацию возглавлял генерал-адъютант В.М.Безобразов.

На делегацию Высшего монархического совета возлагалась задача защищать русские монархические интересы путём как личных отношений с делегатами держав на конференции и американскими деятелями, так и посредством выступлений в печати. Делегация Высшего монархического совета представила правительству США осо-

бую записку относительно русских интересов на Дальнем Востоке. Русская монархическая депутация во главе с Безобразовым не настаивала на очищении Восточной Сибири и Дальнего Востока от японских войск, а готова была идти на соглашение с японцами.

Из Парижа в Вашингтон в качестве неофициальных представителей России на конференцию прибыла эссеро-кадетская делегация, возглавляемая П.Н.Милюковым. От Земского союза в Вашингтоне была представлена делегация во главе с князем Г.Е.Львовым.

Русские представители белого движения в Вашингтоне были едины в том мнении, что поднять экономику невозможно, пока политическая власть остаётся в руках большевиков и права частной собственности не восстановлены. Свои надежды русская буржуазия возлагала, главным образом, на американский капитал, поэтому и устремилась белоэмиграция в США, пытаясь использовать Вашингтонскую конференцию, что ы выторговать поддержку политических и финансовых кругов. В свою очередь официальные круги США стремились использовать для борьбы с большевизмом различные белоэмигрантские организации под предлогом их защиты.

Представители правительства США в лице министра торговли Г.Гувера и начальника русского отдела госдепартамента Де-Витт К.Пуля, принимая неофициально делегатов ДВР, шли на контакты с меркуловцами. Подобная тактика характерна была и для деловых кругов США. Так "Нэшнл сити банк", "Гаранти траст К°" в поисках более выгодного приложения своих капиталов вели одновременно переговоры как с представителями ДВР, так и с посланцами реакционного правительства братьев Меркуловых.

Таким образом, в Вашингтоне в период работы конференции были представлены белоэмигрантские политические партии и реакционное меркуловское правительство, которые развернули активную деятельность против делегации ДВР, усложняя условия её работы.

Каневская Г.И.
Дальневосточный
госуниверситет

ХАРБИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Харбинский политехнический институт (ХПИ) был крупнейшим

шим учебным заведением из шести русских вузов Харбина, но история его ещё не написана. Начало своё он ведёт от Русско-китайского техникума, основанного I7 октября I920 г. и преобразованного в Русско-китайский политехнический институт 2 апреля I922 г. Решающую роль в создании ХПИ сыграло руководство КВЖД во главе с её управляющим инженером Б.В.Остроумовым, которое предоставило институту помещения, оборудование и ассигновало ежегодную субсидию в размере 75 тысяч золотых рублей. Создание высшей школы в Харбине стало возможным в это время ещё и потому, что к концу гражданской войны сюда хлынул поток русских эмигрантов, среди которых было много специалистов в различных областях науки и техники.

Главным коллегиальным органом института являлось правление общества по заведыванию ХПИ, которое избиралось ежегодно из русских и китайских представителей. Председателем правления был Н.Л.Гондатти, а первым директором и ректором ХПИ - инженер А.А. Волков (I920 - I925 гг.). Институт имел инженерно-строительный и электро-механический факультеты и подготовительный курс для китайских студентов.

История ХПИ тесно связана с политической ситуацией в Маньчжурии, с событиями на КВЖД, с судьбой русской эмиграции в Китае. Осени I924 г. КВЖД перешла в совместное управление Советского Союза и Китая, что отразилось и на положении института: произошли изменения в академическом и административном составе. Осенью I926 г. были учреждены I0 кафедр и основан Институт руководителей по проектам и упражнениям. Заведующие кафедрами по должности стали именоваться профессорами. Академическую часть возглавил Совет профессоров во главе с новым ректором профессором Л.А. Остроуговым (I925 - I935 гг.). К началу I927 г. академическая корпорация института состояла из I6 профессоров, заведующих кафедрами и 30 доцентов, лекторов.

4 февраля I928 г. Русско-китайский политехнический институт был переименован в Политехнический институт О.Р.В.П. (Особый район Восточных провинций), а I ноября I928 г. организовано правление из представителей СССР на КВЖД и высшей китайской администрации и одновременно институт переименован в Харбинский политехнический институт (ХПИ).

Авторитет института из года в год возрастал, что подтверж-

далось притоком русских и китайских студентов со всей Маньчжурии. К началу 1926 - 1927 учебного года общее их число составило 650 человек, а к началу 1930 г. - 1026 человек. Количество получивших диплом к этому времени по инженерно-строительному факультету было 101, по электро-механическому - 92.

После оккупации Маньчжурии Японией ХПИ в 1934 г. был закрыт для русских студентов, а весь русский служебный персонал уволен. Студенты, не закончившие обучение, оказались в сложной ситуации. Чтобы дать им возможность завершить образование, часть бывших преподавателей ХПИ организовала курсы при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ) под названием Северо-Маньчжурский политехнический институт. Одновременно при тех же обстоятельствах возник Горно-химический техникум. Оба этих учебных заведения объединились в 1935 г. под общим названием Институт Св. Владимира, ректором которого стал архиепископ Мелетий. Институт имел три факультета: богословский (декан отец Василий, в миру проф. Павловский), политехнический (декан проф. А.А.Щелков) и восточный (декан проф. А.П.Хионин). Особое внимание в институте уделялось религиозно-патриотическому и физическому воспитанию, для чего были введены специальные занятия. Популярностью пользовался политехнический факультет института, учебный план которого был составлен по образцу русских Императорских технических высших учебных заведений. Институт сделал два выпуска.

В 1938 г. он был объединён с Коммерческим институтом и переименован в Северо-Маньчжурский университет, который возглавил японский профессор Симидзу, получивший образование в Петербурге. Многие бывшие студенты ХПИ были зачислены на разные курсы университета, а преподавательский состав в большинстве состоял из лекторов ХПИ. СМУ просуществовал семь лет.

После освобождения Маньчжурии Советской Армией вновь заработала под советско-китайским управлением Китайская Чанчуньская железная дорога (КЧЖД), а 10 декабря 1945 г. снова открылся ХПИ. К 1949 г. число его выпускников превысило 3500 человек. Должность ректора ХПИ с 1945 по 1951 год занимал проф. Ю.О.Григорович. С образованием КНР правительство СССР 7 июня 1950 г. передало институт китайской стороне. К 1955 г. использование русского языка в ХПИ было отменено.

В созданном и руководимом более 30 лет русскими ХПИ препо-

давали многие выдающиеся наши соотечественники: С.П.Тимошенко, П.Ф.Корловский, Н.М.Обухов, Н.К.Пафнутьев, П.С.Свиридов и др. Они заложили высокие стандарты обучения в ХПИ, благодаря чему питомцы его, рассеянные по всему миру, проявили себя как высококвалифицированные специалисты - инженеры, преподаватели, учёные. Сегодня в Австралии, США, КНР и Японии существуют объединения выпускников ХПИ. В 1990 г. в нашей стране была создана Всесоюзная ассоциация друзей ХПИ (ассоциация "Харбинъ"). Эти объединения выпускают собственные печатные издания: в Сиднее - журнал "Политехник", в Новосибирске - газету "Харбинъ". Деятельностьих способствует воссозданию истории ХПИ и русского Харбина.

Батиг О.М.
РГПУ им. А.И.Герцена

КОНЦЕПЦИЯ "ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА" Д.КОУЛА И СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В СССР

Одна из особенностей межвоенной истории Европы - поддержка СССР со стороны значительной части либеральной и социалистической интеллигенции Запада. Общественное мнение европейских демократийформировалось под воздействием её пропаганды. Одним из участников этого процесса был Дж.Д.Г.Коул (1889 - 1959 гг.). Последние тридцать лет своей жизни он преподавал экономику, политическую теорию и философию в Оксфорде. Им написано по этим дисциплинам более ста трудов, большинство из которых носило популяризаторский характер. На страницах левых газет и журналов регулярно появлялись его статьи по злободневным вопросам политики. Долгие годы проработал Коул в Ассоциации по образованию рабочих. Отдав дань в юности увлечению теориями гильдейского социализма, он в 1928 году вернулся в Фабианское общество, председателем которого являлся в течение почти 20 лет.

Социализм Коула не был социализмом исторической необходимости, экономической эффективности или классовой борьбы. Под социализмом он понимал особый образ жизни, включающий братские отношения между людьми в духе категорического императива Канта.

Своей миссией он считал борьбу за приближение к этому идеалу, избрав главным средством организацию "групп давления" внутри лейбористской партии с целью корректировки её курса. Взгляды Коула интересны тем, что он, критикуя капитализм с этических позиций, одновременно выступал и против государственно-бюрократического социализма. Считая, что тенденция к расширению сферы деятельности государства порождается достигнутым уровнем техники, он пытался противодействовать этой тенденции, угрожающей свободе личности. Подлинная демократия, основанная на реальном участии граждан в управлении обществом, представлялась Коулу как демократия "малых групп" по месту жительства или работы. Не видя возможности такой демократии в тогдашней Великобритании, он вынужден был присоединиться к основному потоку английского социализма, приняв социализм Веббов и лейбористской партии в качестве промежуточного этапа, но внеся в него сильную либеральную и радикальную струю. Избрав главным инструментом социалистических преобразований государство, он надеялся обезопасить его для дела свободы через механизм реальной демократии. Но результат деятельности определяется не целью, а средствами её осуществления. Парадокс состоял в том, что своей деятельностью Коул способствовал установлению в Великобритании именно того бюрократического социализма, с отрицания которого началась его интеллектуальная биография.

Концепция "либерального социализма" создавалась Коулом в конце тридцатых - начале сороковых годов XX века. Она стала результатом анализа основных явлений европейской и мировой истории межвоенного периода, соединённого с представлениями её автора об основных ценностях и характеристиках социалистического общества.

Мировой экономический кризис, с которого началось "мрачное десятилетие", казалось, окончательно доказал потерю способности капитализма обеспечить расширение производства. Главную причину этого Коул видел в том, что при монополистическом капитализме с имул прибыли всё чаще ведёт не к расширению производства, а к его ограничению. Считая возврат к конкурентному капитализму невозможным, Коул оглядывался вокруг в поисках реально существовавших альтернатив. Таковых было две: гитлеровская Германия и сталинский СССР.

Феномен фашизма показал, что капитализм может эволюционир-

вать не только в направлении социализма. Он заставил Коула отчётливо сформулировать своё отношение к тем ценностям западной цивилизации, существование которых раньше считал само собой разумеющимся (терпимость, политическая свобода, парламентская демократия). Их ледует сохранить для нового общества, расширив и дополнив новыми видами свобод (достойный уровень жизни для всех, равные возможности для всех, реальная демократия малых групп, полная занятость).

Опыт Советского Союза, полагал Коул, доказывал возможность построения социализма, но заставлял задуматься над тем, не является ли подавление личности неизбежной ценой экономических достижений, казавшихся ему бесспорными. Массовые репрессии и политические процессы второй половины 30-х годов, пакт Сталина-Гитлера и переход СССР к агрессивной внешней политике - всё это не только заставляло социалистов высказывать своё отношение к этим событиям, но и вело к пересмотру представлений о продвижении к социализму и его природе. Некоторые, вслед за руководством компартии, продолжали защищать любые действия Сталина: "цели коммунизма оправдывают любые средства". Многие, убедившись в преступном характере режима, отказывали ему в праве считаться социалистическим; при этом часто происходило разочарование в самой идее социализма.

Коул занял особую позицию. Он признавал многочисленные факты сталинских преступлений, ясно выражал своё осуждение их и даже ставил СССР в один ряд с Германией, перечисляя примеры проявления тоталитарных тенденций в мире. Однако это не мешало ему постоянно подчёркивать, что СССР, несмотря ни на что, остаётся в своей основе социалистическим государством. По его мнению, страна не перестаёт быть социалистической, даже проводя ошибочную политику. Сходство методов Гитлера и Сталина не означает единства характера и целей их обществ. Коул усмотрел в организации советского общества ряд черт, доказывавших его социалистический характер. Централизованное планирование на основе национализации основных средств производства устраняет препятствия к расширению производства, созданные монополиями. Это обеспечивает полную занятость - "квинтэссенцию социализма". ериальные стимулы всё чаще дополняются, а иногда и вытесняются неэгоистическими (служение обществу, товарищеская взаимопомощь, удов-

летворение от хорошо сделанной работы). Наконец, система Советов - верный шаг к созданию реальной демократии малых групп.

Но не являются ли репрессии неизбежным результатом перехода к социалистической организации общества? Ответ на этот вопрос выявляет самые слабые места в позиции Коула и состоит в следующем. Сталинский террор-- наследие многовековой российской истории, а также - следствие особых условий, в которых проходила революция 1917 года. В то время, когда Г.Ласки и многие левые доказывали, что Великобритания не является исключением из мирового революционного процесса, Коул утверждал обратное - исключительность русского революционного опыта. Как существуют разные формы капитализма, так будут существовать разные формы социализма. Но даже "плохой" социализм Сталина лучше современного ему капитализма. Он был уверен, что сталинская модель - неизбежная форма социализма для стран, находящихся на одной ступени развития с Россией, и приветствовал перспективу завоевания Россией малых стран Европы: "Лучше увидеть Сталина хозяином всей Европы, чем попытки реставрации довоенного капитализма". Однако в Великобритании, с совершенно иными социально-культурными условиями, социализм можно построить без насилия, сохранив лучшие достижения капиталистической цивилизации. Поэтому Коул считал бесперспективной деятельность КПВ, выполнявшей указания из Москвы.

Культурный релятивизм Коула приводил к тому, что русскому народу отказывалось в праве пользоваться благами цивилизации, доступными англичанам. Так же, как и большевики, он готов был пожертвовать миллионами жизней ради торжества прогресса, который связывал с социализмом. Эти черты мировоззрения части либеральных идеологов Запада (вера в прогрессивное развитие человечества; разделение народов на цивилизованные и отсталые, к которым применяют разные моральные критерии) и сегодня проявляются в их отношении к России. Коуловская концепция позволяла использовать "советский пример" для пропаганды социализма в Англии, отделяя "социалистическую"сущность общества от её террористических проявлений.

Тихий К.Т.
Уссурийский
госпединститут

АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕЛЕКТУАЛЫ ОБ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-хгг.

Как одно из самых выдающихся достижений диктаторского режима расценивали приезжие американцы советские исправительные институты. На Западе уже давно знали о массовых депортациях крестьян в период коллективизации и использовании принудительного труда заключённых. В начале 30-х гг. во многих странах прошли кампании протеста против использования принудительного труда заключённых. И если такие кампании не имели заметных последствий, то заслуга в этом в определённой степени принадлежит западным интеллектуалам. Они признавали, что большинство заключённых были невиновны и осуждали насилие со стороны советских властей. Но вместе с тем они пытались найти рациональное объяснение карательным действиям и обнаружили, что суть решения данного вопроса заключается в особенностях исправительной системы СССР. Для интеллектуалов с их безграничной верой в гуманизм советские исправительные институты представлялись не карательной системой, а системой перевоспитания. Известная своими радикальными взглядами журналистка А.Л.Стронг писала, что "перевоспитание преступников является лишь специализированной формой перевоспитания людей, которое происходит сегодня в СССР". Для интеллектуалов США это был пример нового гуманизма, проявляемого советским обществом.

В дополнение к социальной защите, отмечал обозреватель "Литерари Дайджест" Р.Фарланд, задача правоохранительных институтов состоит в том, чтобы воздействовать на правонарушителя через культуру и образование. Основа марксистской криминологии, считал журналист, заключается в положении о том, что за преступление несёт ответственность общество, а не индивиды. Об эволюции советского правосудия в первую очередь свидетельствовала новая терминология. Бывший президент Американского социологического общества д-р Д.Джилин писал: "В соответствии с духом революции, термины, применяемые в капиталистической пенологии, отброшены

за ненадобностью. Нет "преступлений", есть "ошибки" ... Нет "наказаний", есть только "меры социальной защиты".

Практически все американцы, посетившие исправительные учреждения ГУЛАГа, вынесли положительные впечатления о гуманной направленности правоохранительных институтов. Своеобразным ответом на распространённые на Западе утверждения о принудительном характере труда заключённых в СССР может служить оценка исправительных институтов американским писателем Э.Тобенкиным. Он отмечал, что советская исправительная система отвечает всем необходимым требованиям переходного периода. "При этой системе есть место и для суровости, вызванной революционной необходимостью, ... и для гуманного эксперимента". Так как Советское правительство является единственным работодателем и владельцем средств производства, вопрос о "каторжном труде" отпадает.

Американский исследователь М.Кадкотт в книге "Русское правосудие" в 1935 г. отмечала, что власти лагерей стараются, чтобы труд заключённых был "созидательным и полезным с точки зрения экономики и не унижал человеческое достоинство и не выглядел как наказание или дисциплинарная мера".

Присутствие огромного количества заключённых на стройках пятилеток невозможно было скрыть от иностранцев. Поэтому заинтересованные советские организации предприняли все меры, чтобы у приезжих иностранцев сложился положительный имидж о карательной системе авторитарного режима. Посещение исправительных учреждений иностранцами в основном приходилось на начало 30-х гг. когда режим в лагерях был относительно мягким. Обычно зарубежным гостям предлагалось посетить колонии уголовников. А отношение к ним было лучше, чем к политическим узникам. Как правило, иностранцев направляли для осмотра в специально для этого построенные колонии в подмосковных Люберцах или Болшево. В них американцы могли увидеть воплощёнными в жизнь все свои идеалы и надежды в области пенологии.

Исключением из общего правила был показ иностранцам строительства Беломорско-Балтийского канала. Посещение его было тщательно спланировано. Взору потенциально важных проводников общественного мнения предстала живая, яркая картина работы и досуга заключённых. Один из посетивших строительство канала под впечатлением увиденного писал: "Заключённым предоставлены все возможности для развлечения и отдыха - оркестровые и драматические кружки и т.п. Неграмотным и не имеющим профессии предоставляется возможность получить образование и рабочую специальность..."

Немаловажное воздействие на формирование положительных представлений у американских интеллектуалов об исправительных учреждениях СССР оказал коллективный труд группы советских писателей, освещавших историю строительства Беломорско-Балтийского канала. Работа вышла в свет в 1934 г. и была достаточно хорошо известна на Западе. Одним из редакторов этого объёмного произведения, восхвалявшего организаторскую деятельность ОГПУ в "кузницах перевоспитания", был М.Горький. Имя основателя "социалистического реализма" в литературе многим американцам служило внушительной гарантией правдивости описываемых событий.

Благоприятная оценка американцев, вероятно, связана с другими обстоятельствами. По окончании строительства Беломорско-Балтийского канала постановлением ЦИК Союза ССР от 4 августа 1933 г. 8 человек было награждено высшими правительственными наградами - орденами Ленина. Среди них были Г.Г.Ягода (зам. председателя ОГПУ СССР), Л.И.Коган (начальник Беломорстроя), М.Д. Берман (начальник Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ), С.Г.Фирин (начальник БЕЛБАЛТЛАГа, зам. начальника ГУЛАГа), Я.Д.Рапопорт (зам. начальника Беломорстроя), Н.А. Френкель (помощник начальника Беломорстроя и начальника работ). Не исключено, что некоторым американским интеллектуалам еврейского происхождения импонировал национальный состав тех, кто занимался "перевоспитанием". Деятельность этих работников карательных органов представлялась им как проявление гуманизма, свойственного каждому человеку независимо от гражданства. Кроме того, американцы имели неопровержимые, как им казалось, свидетельства плодотворного труда чекистов. Американские периодические издания сообщали о массовой амнистии заключённых БелБалтЛага, в ходе которой на момент завершения строительства канала было освобождено 12484 чел., "как полностью исправившихся и ставших полезными для социалистического строительства", сокращены сроки наказания 59516 чел., восстановлены в гражданских правах 500 человек.

На наивность и некомпетентность своих сограждан указывал известный знаток Советского Союза корреспондент газеты "Крис-

чен Сайенс Монитор" У.Г.Чемберлин. Он отмечал, что никто из посетивших Беломорканал не знал о больших человеческих жертвах от недоедания, сверхтяжёлой работы и травматизма. "Ни одному иностранному журналисту не дали возможности посмотреть как выполнялась сложная задача по строительству канала в лесах и болотах Карелии..." "Те, кто хвалит Советский Союз, - писал Чемберлин, - предпочитают не видеть труда заключённых".

Позитивная оценка американцами советских исправительно-трудовых лагерей являет собой пример их почти неограниченной легковерности и наивности, которые коренились в благосклонной предрасположенности к советской системе в целом и избирательной восприимчивости реальности. Восхищение тюремной системой было частью общего энтузиазма по отношению ко всем советским институтам, чья деятельность была направлена на перевоспитание личности, особенно на ликвидацию нежелательных отношений, оставленных прошлым.

Вахрамеева Т.В.
Вологодский
госпединститут

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СДЕРЖИВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО АГРЕССОРА (1933 - 1936 гг.)

Сравнительный анализ стратегических концепций сдерживания потенциального агрессора в Европе и выявление наметившихся тенденций их трансформации в рамках периода 1933 - 1936 гг. позволяет внести необходимые уточнения относительно взаимоотношений Великобритании и США, выявить их достижения и просчёты, а также неиспользованные возможности, более взвешенно подойти к оценке позиции каждой из сторон.

Несмотря на наличие у Великобритании и США общих подходов к континентальным проблемам и, в частности, к Германии, исходивших из стремления не допустить возникновения новой мировой войны и сделать условия мира справедливыми для всех наций, существовали принципиальные различия в методах и путях их решения.

Именно эти различия в средствах достижения европейского урегулирования, обусловленные множеством факторов, воспрепятствовали взаимопониманию и сотрудничеству двух англосаксонских государств на международной арене в 1933 - 1936 гг.

Уже в вопросах экономической политики в отношении Германии, которые в условиях кризиса 1929 - 1933 гг. приобрели первостепенное значение, Соединённые Штаты и Великобритания придерживались отличных друг от друга курсов.

Программа взаимных торговых соглашений 1934 г. определялась госдепартаментом США, с одной стороны, как действительный вклад в либерализацию системы международной торговли. С другой стороны, эта экономическая стратегия рассматривалась как прелюдия к ослаблению политической напряжённости в мире и означала "содействие миру средствами экономического умиротворения". С 1934 г. США, расширяя систему многосторонних соглашений, стремилась оказать нажим на "третий рейх", заставить его придерживаться либеральных принципов в торговой политике. Как заметил глава отдела европейской политики в госдепартаменте США Д.П.Моффат: "Развитие нашей программы ТАА оказывает экономическое давление на Берлин, и в этом мы имеем средство убедить Германию следовать политическому разуму".

Великобритания отдавала предпочтение политике баланса экономических интересов, основанной на "признании и удовлетворении озабоченности другой стороны с помощью разумных переговоров и компромиссов", которая воплощалась в прямых переговорах и двусторонних соглашениях с Германией. Подобная политика нашла отражение в англо-германском соглашении о торговле и платежах от 1 октября 1934 г., которое в США было расценено как "отвратительный компромисс".

Сравнение подходов двух держав в экономической области позволяет по-иному оценить англо-американское торговое соглашение [illegible] подписанием которого Великобритания существенно изменила свою экономическую политику в отношении Германии.

Комплекс внутренних и внешних детерминантов английской политики и опасения по поводу американских попыток ущемления имперских позиций Великобритании объясняют расположенность Лондона рассматривать экономические вопросы в качестве функциональных и добиваться политических гарантий европейской безопасности

как прелюдии к решению экономических, колониальных и других проблем.

Напротив, США отстаивали необходимость первоначального разрешения экономических противоречий, включая проблему снижения экономического бремени гонки вооружений, из которых, по их мнению, вырастали поводы для недовольства и угрозы применения силы со стороны Германии. Можно утверждать, что такая позиция США определялась господством изоляционистских настроений в общественном мнении и нейтралистским законодательством американского конгресса. В этих условиях готовность Вашингтона рассмотреть широкий круг европейских проблем - от устранения препятствий в торговле до разоружения - ограничивалась требованием снять с себя какую-либо ответственность за политические договорённости, которые могли явиться результатом таких обсуждений. Не разрешённая американскими политиками дилемма, с одной стороны, способствовать обеспечению безопасности в Европе, а с другой, сохранить традиционную приверженность политическому невмешательству в европейские дела, явилась серьёзным барьером на пути к достижению сотрудничества двух англоязычных государств.

Тем не менее, в первой половине 30-х гг. существовала общность позиций двух государств в вопросах ограничения вооружений и разоружения при совпадении точек зрения на необходимость трансформации военных статей Версальского договора. Свидетельством этого явились активное подключение США в 1933 г. к работе Конференции по разоружению в Женеве и поддержка "плана Макдональда".

Следует отметить, что американский подход к проблемам обеспечения европейской безопасности оставался неизменным на протяжении 30-х гг., тогда как британская концепция сдерживания претерпела изменения под влиянием сокращения свободы внешнеполитического выбора.

В первой половине 30-х гг. правительство Великобритании направляло свои усилия на разрешение спорных с Германией и Италией вопросов посредством компромисса и невоенных методов в рамках такого института, как Лига Наций и консультаций ведущих европейских держав, т.е. путём достижения многосторонних договорённостей и соглашений. Наиболее рельефно это отразилось в ходе работы Женевской конференции по разоружению и переговоров о "пакте четырёх" держав в 1933 г., в попытках осуществления Восточного пакта взаимной помощи (1934 г.).

Несмотря на всю сложность и противоречивость британской политики в Европе, отмеченные выше особенности её стратегической концепции в той или иной степени проявлялись вплоть до весны-лета 1935 г. Даже после выхода Германии из Лиги Наций и провала Женевской конференции, Великобритания сохраняла свою приверженность принципу ограничения вооружений в определённых пределах. Показательна в этом отношении позиция британского внешнеполитического ведомства во время англо-французских подготовительных бесед и переговоров конца 1934 - начала 1935 гг.

Однако к 1935 г. растущее сознание агрессивности нацистского режима, невозможности придать перевооружению Германии ограниченный и регулируемый характер привели британские правящие круги к признанию необходимости внесения существенных корректив в стратегическую линию, во-первых, в направлении сдерживания агрессора средствами национальной обороны, а во-вторых, путём достижения двусторонних договорённостей с "третьим рейхом". В ориентации Великобритании на перевооружение с весны 1935 г. обнаружилась набиравшая силу тенденция разграничения безопасности страны и общеевропейской стабильности. Отказ Англии от приверженности принципу разоружения разрушил существовавшее единство позиций Лондона и Вашингтона и в последующем явился одной из причин неудачи президентского демарша 1936 - 1937 гг.

В условиях кризиса внешнеполитического курса и недостаточного оборонного потенциала попытка Лондона добиться сепаратного соглашения с Германией также имела место - подписание англо-германского морского соглашения 18 июля 1935 г., содержание которого достаточно хорошо известно. Впервые Великобритания пошла на односторонние уступки Гитлеру, не получив при этом ничего конкретного взамен. Заключение англо-германского морского соглашения было первым проявлением британской политики "умиротворения" Германии в строгом смысле этого понятия, как политики "принятия требований Германии без получения от неё реальных общеполитических уступок и гарантий".

Тем не менее, в период 1935 - 1936 гг. такая тенденция умиротворения ещё не стала доминирующей. Все большая определённость Англии сделать свой выбор в пользу уступок Германии : готовность защищать свои интересы вопреки интересам безопасности других стран становится очевидной с вступлением в мае 1937 г. на пост

премьер-министра Н.Чемберлена.

Выводы, к которым мы приходим на основании сравнения американской и английской концепций сдерживания агрессивных устремлений Германии, позволяют более детально исследовать причины отсутствия взаимопонимания и совместных действий США и Великобритании в первой половине 30-х гг., а также неэффективности попытки американского президента сделать шаг в направлении установления американо-английского сотрудничества в конце 1936 - начале 1937 гг.

Фельдт А.Е.
ПГПУ им. М.В.Ломоносова

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
(1939 - ИЮНЬ 1941 гг.)

Начиная с сентября 1938 г. под влиянием Мюнхена и последующей ликвидации Чехословакии как суверенного государства, американцы стали постепенно уделять всё больше внимания политическим событиям в мире. В 1939 - первой половине 1941 гг. значительно возрос интерес американского общества и к СССР. Этому способствовал целый комплекс новых факторов. Их появление было связано с внешнеполитическими действиями Советского Союза в Европе, с началом второй мировой войны, с особенностями внутриполитической борьбы в США.

В качестве основного фактора следует выделить изменение в 1939 г. внешнеполитических приоритетов СССР. Уже весной 1939 г. в американских средствах массовой информации стали появляться публикации о возможном сближении Советского Союза и Германии. Тревогу вызывал у американцев и затяжной характер переговоров Англии, Франции и СССР весной - летом 1939 г., делавшей неясной расстановку сил в Европе. Но основной всплеск внимания американского общества к действиям Советского государства на мировой арене произошёл после 23 августа 1939 г., когда был подписан советско-германский договор о ненападении. Данное событие взбудоражило различные круги американской общественности, так как пакт в корне изменил политическую ситуацию в мире. В связи

с этим проблемы, возникшие в коммунистическом, либеральном, антифашистском движении США, заставили многих американцев размышлять не только о причинах и последствиях пакта, но и серьёзно задуматься над сущностью социалистического государства.

Начиная с 17 сентября 1939 г., когда СССР приступил к реализации договорённостей с Германией по территориальным вопросам, зафиксированных в секретном дополнительном протоколе к пакту о ненападении, американское общество внимательно следило за необычными акциями СССР, подкреплявшимися действиями Красной Армии. Они резко контрастировали с миролюбивым курсом Советского Союза двух предыдущих десятилетий. Это вызвало у американцев законное беспокойство по поводу возможного перерождения социалистического в тоталитарное. Ранее проводившиеся частью американской прессы параллели между социализмом и нацизмом, имевшие в большей степени умозрительный характер, теперь стали обосновываться конкретными фактами. Раздел Польши, появление советских военных баз в Прибалтике и, наконец, советско-финляндская война легко объяснялись большинством американских газет и журналов как проявление агрессивного характера Советского государства. Договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и последующие тесные отношения между СССР и Германией усилили в глазах американцев черты сходства данных стран, о которых не прекращала писать консервативная печать. Именно в этот период термин "тоталитаризм" стал общеупотребительным. Он был прочно взят на вооружение историками, государствоведами, публицистами, общественными и политическими деятелями и использовался ими применительно к СССР, Японии, Италии и Германии. Данное понятие нейтрализовывало различия в политических режимах этих стран и существенно упрощало американским средствам массовой информации задачу донесения до читателей и слушателей идеи об идентичности целей и задач Германии и Советского Союза.

Под влиянием консервативной печати, негативных высказываний в адрес СССР президента, членов правительства, конгрессменов, общественных и религиозных деятелей в американском массовом сознании укрепились резко отрицательные представления о Советском Союзе. Они эффективно использовались консервативными кругами американского общества для достижения тех или иных целей внутриполитической борьбы в США. Антисоветские настроения среди американцев были умело спроецированы консерваторами на коммуни-

стическое движение в Соединённых Штатах. Возглавлял борьбу с коммунистами комитет палаты представителей по расследованию американской деятельности, известный как комитет Дайса. Деятельность комитета способствовала нагнетанию всеобщей подозрительности и шпиономании. Перед его членами в 1939 г. прошёл ряд лиц, обвинённых в шпионской деятельности в пользу СССР. Этому содействовали разоблачения и саморазоблачения некоторых советских агентов, среди которых бывший член компартии США Б.Гитов, главе советской военной разведки в Западной Европе В.Кривицкий, связанный с коммунистами журналист У.Чемберс и др. Их признания были опубликованы американской прессой, а затем вышли отдельными изданиями. Следует отметить, что американские коммунисты сами вызвали лавину критики в свой адрес, оправдывая практически все внешнеполитические действия СССР с августа 1939 г. Антикоммунистическая кампания в США, тесно переплетаясь с антисоветской, затронула и ту часть либеральной общественности, которая ранее симпатизировала Советскому Союзу. Многие либералы были вынуждены изменить свои убеждения не только под влиянием негативной информации о новом внешнеполитическом курсе СССР, но и под давлением консервативных сил, стоявших во главе антисоветской и антикоммунистической кампаний, достигших своего максимума в месяцы советско-финляндской войны.

Важным фактором, влиявшим на отношение к СССР в американском обществе, была внутриполитическая борьба между изоляционистами и "интернационалистами" по вопросу о вступлении США в войну. Правое крыло изоляционистов опасалось, что участие Соединённых Штатов в военных действиях повлечёт за собой формирование институтов тотального контроля в целях достижения более высокого уровня эффективности управления и производства в условиях военного времени. А это, по их мнению, приведёт к диктатуре, тоталитаризму. С таких позиций, в частности, выступали экс-президент Г.Гувер, сенатор Р.Тафт, газетный магнат У.Херст, члены комитета "Америка прежде всего". Поэтому правые изоляционисты всеми силами старались лишить облик Советского Союза какой бы то ни было привлекательности, что в исследуемый период сделать было не так уж трудно.

Рост интереса американцев к Советскому Союзу сопровождался сужением возможности получения ими объективной информации

в данной области. Так, в 1939 – 1940 гг. в Москве прекратили работу представительства крупных американских периодических изданий – "Нью-Йорк геральд трибюн", "Крисчен сайнс монитор", "Нью-Йорк таймс".

Советское руководство не способствовало деятельности иностранных корреспондентов, создавало их работе различные ограничения, что было частично обусловлено напряжённой обстановкой предвоенного времени. Вместе с тем Сталин и его окружение мало заботились о том, как Советский Союз будет выглядеть в глазах зарубежной общественности. Культурные связи СССР и США в данный период были сведены к минимуму.

Со второй половины 1940 г. наметилась тенденция к улучшению американо-советских отношений, поскольку политическое руководство Соединённых Штатов было сильно обеспокоено успехами Гитлера в Европе. Но общественное мнение США, шокированное внешней политикой СССР в 1939 г., практически не изменилось. Только нападение нацистской Германии на Советский Союз временно ослабило антисоветскую тенденцию в американском обществе, сформировавшуюся в 1939 – 1941 гг.

Янгблад В.Т.
Кировский госпединститут

Ф.Д.РУЗВЕЛЬТ И ПЛАНЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В 1945 г.

Ялтинские решения о возможности и сроках вступления Советского Союза в войну против Японии являются предметом длительной и интенсивной дискуссии. В американской исторической литературе, политических кругах и общественном мнении первые критические оценки появились уже в 1945 г. Известный политический обозреватель Х.Болдуин в октябрьском номере "Форин Афферз" скептически оценивал деятельность Ф.Д.Рузвельта и Г.Трумена. Центральный аргумент его рассуждений сводился к тому, что уже весной 1945 г. исход войны на Тихом океане был решён, следовательно, необходимость в обеспечении поддержки со стороны советских вооружённых сил отпала. К соображениям военного характера этот автор доба-

вия и политические аргументы. В опубликованной в 1950 г. книге "Крупнейшие военные ошибки" он указывал на то, что курс Рузвельта способствовал превращению Советского Союза в Тихоокеанскую державу, чего, по мнению автора, делать не следовало. В тон с этой оценкой звучали голоса ряда сенаторов, указывавших в 1950 г., что главной трагедией Ялты и Потсдама стала неспособность американских лидеров "постичь подлинные цели и методы советских руководителей".

Указанные оценки длительное время питали американскую историографию, в которой множились разнообразные версии "рузвельтского провала" в Ялте. По мнению одних авторов американский президент стал объектом ловких манипуляций Сталина, воспользовавшегося безответственными попытками главы Белого дома вести "дипломатию ухаживания". Другие отмечали, что преклонный возраст и физический недуг не позволили главе Белого дома адекватно оценить последствия своей политики. Есть исследователи, доказывающие, что в данном случае нехватка реализма во внешней политике Рузвельта и его привычка опираться на советы начальников штабов в ущерб рекомендациям политических экспертов-профессионалов.

Дискуссия имеет все шансы перейти в разряд "вечных" проблем. В обозримом будущем историки вряд ли получат документы, которые помогли бы окончательно расставить акценты. Рузвельт не любил доверять свои мысли бумаге и до сих пор имеется очень мало свидетельств, прямо подтверждающих ту или иную концепцию. Определённые возможности для выявления мотивов действий главы американской администрации открываются при реконструкции основных элементов его видения будущей организации мирового сообщества, места дальневосточного региона в его планах формирования глобального мирового порядка, а также роли в этом процессе Советского Союза.

Известно, что на протяжении всей войны Ф.Д.Рузвельт развивал идею о необходимости подготовки универсальной схемы урегулирования под эгидой четырёх держав. В конечном итоге эта идея оформилась в концепцию "четырёх полицейских", ответственных за поддержание мира и стабильности. Президент полагал, что в роли лидирующей четвёрки должны выступить Соединённые Штаты, Великобритания, Китай и Советский Союз. В идеале каждое государство должно было признавать ценности Атлантической хартии и способствовать утверждению свободы и демократии. Однако реальность бы-

ла далека от идеалов. По мнению Рузвельта, Великобритания не соответствовала этим критериям, поскольку продолжала оставаться колониальной империей и не собиралась переходить в иной статус. Режим Чан Кайши в Китае был чересчур слабым, коррумпированным и имел неопределённые перспективы. Что касается СССР и его руководства, то, очевидно, на этот счёт заблуждений также не было: даже во время войны Рузвельт допускал высказывания, осуждавшие "русскую форму диктатуры точно также, как и германскую". Следовательно, Соединённым Штатам в осуществлении "великого дизайна", по мнению президента, следовало исходить не из желательного, а из реального положения вещей. А это вынуждало идти на компромиссы.

Рассматривая схему будущего дальневосточного урегулирования, Рузвельт считал, что этот район должен стать границей трёх сфер - американской, советской и китайской. Отстранение англичан рассматривалось в качестве необходимого и желательного условия по двум причинам. Во-первых, колониальные притязания этой державы вызывали повышенное раздражение в восточных государствах. Кроме того, сказывалось различие в подходах Рузвельта и Черчилля к определению будущей роли Китая на Дальнем Востоке, о чём свидетельствовал в своих воспоминаниях Э.Стеттиниус. О нежелании Соединённых Штатов отвести Великобритании заметную роль в урегулировании дальневосточной ситуации, косвенно свидетельствует и тот факт, что в переписке Рузвельта с Черчиллем в 1944 - 1945 гг. эта тема фактически не затрагивалась. Таким образом, из четырёх полицейских реально судьбу дальневосточного региона предстояло решить двум государствам: Советскому Союзу и США. Правительство Чан Кайши чересчур зависело от внешней помощи и его голос не мог быть достаточно весомым.

В данной связи встаёт ряд вопросов:

- считал ли президент Рузвельт возможным уклонение от компромиссных соглашений с советским руководством в конце 1944 - начале 1945 гг. в следствие изменения сил в войне на Тихом океане в пользу США?
- Какой элемент занимал приоритетное место в политическом мышлении Рузвельта при выработке им дальневосточной стратегии?
- Рассматривал ли Рузвельт возможные методы сдерживания Советского Союза на случай срыва желательной для США процедуры урегулирования?

На первый вопрос следует ответить отрицательно. И дело здесь не только в том, что президент доверял оценкам Маршалла, полагавшего, что помощь русских существенно приблизит Победу. Дело ещё и в том, что отказ от курса на компромисс с СССР означал необходимость изменения всей политической стратегии США. Рузвельт же в 1944 - 45 гг. стремился не к пересмотру стратегии, а к её скорейшему и наиболее полному воплощению. Отчасти этим, по мнению У.Кимболла, следует объяснить его попытку решения всех центральных проблем международного развития в максимально сжатые сроки, предпринятую в Ялте.

Снятие вопроса о возможности вступления советской армии в дальневосточную войну неизбежно должно было возбудить подозрительность в Москве. Президент считал это недопустимым, так как создание атмосферы доверия в советско-американских отношениях рассматривалось им как приоритетное направление в деятельности дипломатии США. Американцы искали поддержки СССР с момента своего вступления в войну и первые утвердительные ответы получили уже в 1942 г. Впоследствии советские руководители неоднократно подтверждали свои обещания. В конце войны Рузвельт по-прежнему видел одну из главных задач в том, чтобы "устранить недоверие Советов к Западу" и этот курс мотивировался уже не только военной необходимостью, но и требованиями послевоенного планирования.

Несмотря на вышесказанное, ответ на третий из поставленых вопросов должен быть утвердительным. Президент был реалистом и его курс строился на взвешенных оценках и учёте силовых характеристик всех сторон, вовлечённых в решение проблемы. Осенью 1944 - весной 1945 г. у него появилось дополнительное пространство для политического маневра, созданное научно-технологическим превосходством США, завершавших работы по созданию атомного оружия. Рузвельт знал о возможном эффекте будущей бомбы. Знал он и о том, что в Кремле располагают сведениями о ходе атомных разработок. Учёные предлагали поделиться секретом с русскими - безрезультатно. Соблазны монопольного обладания секретом нового супероружия перевешивали опасения по поводу возможного преждевременного разрушения "великого альянса". Почему? Очевидно мысль о том, что русских, всё-таки придётся сдерживать не казалась президенту невероятной. Известно, что уже в 1944 г. Рузвельт распорядился начать планирование военной стратегии США

на послевоенный период. Первые наработки в этом направлении содержали мысль о том, что главным потенциальным противником после окончания войны будет Советский Союз. Основным элементом сдерживания возможных притязаний СССР считались своевременные оборонные приготовления и достижение превосходства в сфере военных технологий.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что для политического мышления и поведения Рузвельта в конце войны в значительной степени был характерен дуализм, являвшийся следствием смены политических реалий и перемещения силовых центров в конце 1944 - 1945 г. Его заявления типа: "Я верю в практическую политику", - заставляют видеть в нём лидера прагматического типа, нацеленного на решение первоочередных задач. Отсюда стремление "свести к минимуму русскую проблему насколько это возможно", ради скорейшего достижения победы. С другой стороны, перед ним постепенно всё более отчётливо вырисовывались послевоенные перспективы, требовавшие принципиально новых подходов к определению статуса США в мире, конкретизации содержания понятия "национальная безопасность", выявлению возможных вариантов её поддержания. Формулируя пункты ялтинских решений, Рузвельт думал о будущем, но исходил из настоящего. При этом второе определяло первое. Не случайно и сам президент, и его ближайшее окружение (У.Леги, Э. Стеттиниус, Г.Гопкинс, С.Уэллес и др.) не видели в ялтинских соглашениях по Дальнему Востоку серьёзных изъянов: это поколение политиков мыслило категориями одного и того же политического императива, требовавшего политики компромиссов и доверия во имя победы над общим врагом и общего будущего.

Гарбузов В.Н.
Псковский госпединститут

ДЕЛОВОЙ МИР США И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В 80-е ГОДЫ

Проблема ориентации антивоенных групп и организаций в период подъема движения за мир в 80-е годы была вплотную связана с вопросами их финансирования. Недостаток денежных средств застав-

лял многих руководителей движения пользоваться услугами представителей американского бизнеса. Какое же влияние оказывал деловой мир США на развитие антивоенного движения в рассматриваемый период? Что связывало их друг с другом?

Опасность ядерной катастрофы со всей серьёзностью была воспринята не только подавляющим большинством интеллигенции, религиозных деятелей и политиков США, но и наиболее здравомыслящими представителями американских деловых кругов. В 80-е годы в США действовало несколько организаций, в которых они принимали активное участие ("Движение деловых людей за новые национальные приоритеты", "Бизнесмены за национальную безопасность", "Бизнес объявляет тревогу в связи с ядерной войной" и т.п.)

Хотя численность их была невелика, а связи с антивоенными организациями не столь тесными, роль этой группы участников движения представляется весьма значительной.

Знакомство с материалами американского конгресса, прессой тех лет, работами самих бизнесменов-участников движения показывает, что выступления против гонки вооружений и сотрудничество с антивоенными силами были характерны прежде всего для тех предпринимателей, которые не имели непосредственных или постоянных контактов с военным производством или в силу разных причин отошли от большого бизнеса. Их позиция во многом объяснялась как практическими, так и моральными соображениями. Эта часть деловых кругов была недовольна прежде всего политикой республиканской администрации, способствовавшей перекачке национальных ресурсов в военно-промышленный комплекс в ущерб гражданским отраслям экономики. Она понимала: чрезмерные военные расходы и правительственные заказы приносят огромные и гарантированные прибыли лишь крупнейшим корпорациям страны, которые тем самым ставились в искусственно созданные для них благоприятные условия.

Значительная роль в этой группе бизнесменов принадлежала тем, кто в своей предпринимательской деятельности традиционно ориентировался на Европу и противился наметившейся ещё в 70-е годы тенденции на переключение внимания американского бизнеса в целом с этого континента в тихоокеанский и ближневосточный регионы и страны третьего мира. К ним примыкала небольшая часть американцев, стремившихся развивать деловое сотрудничество с СССР. Кризис в американо-советских отношениях неблагоприятно

сказывался на состоянии деловой активности многих предпринимателей. К ним следует отнести известного государственного и политического деятеля США, дипломата и банкира А.Гарримана, Т.Уотсона, мл., чья семья на протяжении долгого времени контролировала корпорацию "ИБМ", Бобби Аткинсона, руководителя компьютерного консорциума "МКК", Арманда Хаммера, мультимиллионера, президента и председателя совета директоров компании "Оксидентал петролеум корпорейшен", руководителей корпораций "Алкоа", "Дрессериндастриз", "Контрол дейта", Роберта Макнамару, бывшего министра обороны и президента Всемирного банка и других влиятельных финансистов и бизнесменов, среди интересов которых Европа занимала особое место.

Недовольство в деловых кругах кроме того накапливалось за счёт тех руководителей транснациональных корпораций, которые размещали свои капиталы в странах Латинской Америки и потому опасались, что американская политика "большой дубинки" в этом регионе может нанести серьёзный ущерб их собственности.

Против непомерных расходов на вооружения была настроена и часть промышленников, стоявших на умеренных и либеральных позициях и выступавших за сохранение активных регулирующих функций государства в социально-экономической сфере, за социальное партнёрство, а не конфронтацию предпринимателей и рабочих. Их этатистские взгляды шли вразрез с программой Рейгана, предусматривавшей рост военного бюджета за счёт сокращения ряда социальных программ.

В поддержку антивоенного движения открыто выступали и некоторые представители деловых кругов, тесно связанных с выполнением военных заказов министерства обороны США. В этом плане показательно выступление председателя совета директоров электронной корпорации "Хонивэлл", входившей в число ста крупнейших подрядчиков Пентагона, Э.Спенсера. В своей статье, опубликованной в журнале "Ньюсуик", он предложил, чтобы США, их союзники по НАТО и СССР полностью ликвидировали тактическое ядерное оружие, уменьшив тем самым опасность возникновения ядерной войны, обновременно создав благоприятную обстановку для переговоров о сокращении стратегических вооружений.

Роль представителей делового мира в антивоенном движении сводилась, как правило, к финансовой поддержке и организации научных исследований, конференций, мирной пропаганды, многочисленных

кампаний по сбору подписей под петициями, помощи в издании печатной продукции и т.п. На осуществление исследовательских проектов значительные средства предоставлялись со стороны различных филантропических фондов.

Чем можно объяснить эту поддержку? Являлась ли она искренним стремлением помочь антивоенным силам или преследовала какие-то иные цели?

Главная тенденция рассматриваемого процесса, на наш взгляд, состояла в следующем: недовольство социально-экономической и внешней политикой Рейгана, бившей по интересам части деловых кругов, вылилось в неприятие безудержного роста военных расходов, явившись одной из причин их выступлений против гонки вооружений и стимулом к сотрудничеству с антивоенными силами. Это совпало с начавшимся после выборов 1980 г. процессом перегруппировки сил в демократической партии и было использовано новым её руководством с целью привлечения этих предпринимателей на свою сторону.

Развернувшаяся в начале 80-х гг. кампания за замораживание ядерных арсеналов представляла собой удобный случай для практической реализации взглядов обеих сторон этого своеобразного союза и использовалась каждой из них для достижения своих собственных целей.

Подавляющее большинство бизнесменов видело свою задачу прежде всего в финансовой поддержке этого движения. Финансовая помощь кампании за замораживание со стороны благотворительных фондов и банкиров способствовала расширению её массовой базы в основном за счёт средних слоёв общества и представителей истеблишмента, что позволило ей стать к середине 1982 г. мощной политической силой. Вместе с тем, усилия фондов и отдельных предпринимателей по учреждению и финансированию специальных исследовательских программ по контролю над вооружениями и научно-просветительских мероприятий направили кампанию главным образом в исследовательское русло, придавая ей всё более умеренный и просветительский характер. Это привело к тому, что массовое и широкое движение, вобравшее в себя самые разные слои общества, постепенно отойдя от требования замораживания, стало ориентироваться на сторонников контроля над вооружениями, которые были представлены членами конгресса США и американской полити-

элитой и сосредоточило свои основные силы на лоббистской деятельности в Капитолии за сокращение наиболее одиозных и расточительных военных программ.

Михайлина Л.В.
РГПУ им. А.И.Герцена

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ПОЛИТИКИ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ (80 годы XX в.)

Центральноамериканская политика Соединённых Штатов в 80-е годы XX века являлась частью глобальной стратегии и соответствовала основным направлениям политики Вашингтона в "третьем мире".

Сандинистская революция в Никарагуа, гражданская война в Сальвадоре, рост антиимпериалистического движения в Годурасе, приход к власти национал-реформистов в Коста-Рике привели к появлению специальных исследований в США о курсе Вашингтона в Центральной Америке. Авторы этих работ принадлежали к элите американского истеблишмента, который поставляет кадры для "мозговых центров", формирующих внешнюю политику США.

Доклад "Новая межамериканская политика на 80-е годы", который известен как "документ Санта-Фе" был написан в 1980 году группой профессиональных политологов и отставных генералов, занимавших видные посты в Пентагоне. Это Р.Фонтейн, Г.Самнер, Л.Тэмбе. Они принадлежали к комитету Санта-Фе и представляли собой нечто вроде политического клуба. В документе, который они создали, рассматривались взаимоотношения с Западной Европой, Японией, Канадой, но особое место отводилось политике в Центральной Америке. Во вступлении Р.Доксей утверждал, что Центральная Америка "попала в объятия Советского медведя", что состоялось "марксистское завоевание Никарагуа", что Советы превратили Карибское море в "марксистско-ленинское озеро". Из этого следовало,что США должны бросить клич борьбы за "нац льные интересы". Авторы документа определили методы, с помощью которых следовало бороться с коммунизмом - экономическая блокада, интервенция, оккупация, поддержка оппозиции.

Исходя из анализа этого документа, можно сделать вывод, что

интересы безопасности оправдывали американское вмешательство в Латинской Америке, так как этот регион имеет жизненно важное значение для США. Отсюда следует, что нормой международных отношений в этом субрегионе должен быть не мир, а война до тех пор, пока не исчезнет "красная опасность".

Второй документ "Особое мнение о Сальвадоре и Центральной Америке" (1980 год) был подготовлен рабочей группой по Сальвадору и Центральной Америке государственного департамента и представлен на рассмотрение администрации Дж.Картера. В докладе отмечалось, что американская политика в отношении Сальвадора зашла в тупик, похожая ситуация сложилась в Гватемале. В Гондурасе, который Соединённые Штаты считали субрегиональным жандармом, правительство оказалось в остром противоречии с общенациональным движением в стране. Авторы обратили внимание на тот факт, что возможно столкновение администрации США и американской общественности, если Соединённые Штаты пойдут на прямую интервенцию в Центральной Америке. Указанный документ предлагал выход из сложившейся ситуации с помощью мирного решения сальвадорской проблемы, хотя подчёркивалась необходимость "ограничить экспансию Советского Союза и Кубы" в Центральной Америке. Доклад "Особое мнение о Сальвадоре и Центральной Америке" явился наглядным примером того, как можно мирным путём, без призывов к оружию решать сложные политические проблемы.

Важное место в определении концептуальных основ центральноамериканской политики Соединённых Штатов занимает составленный Советом национальной безопасности США доклад "Американская политика в Центральной Америке и на Кубе в период по 1984 год включительно; итоговый документ".

Составители доклада констатировали, что в Центральной Америке обозначились тенденции к укреплению положения сандинистов в Никарагуа и росту влияния Кубы. В связи с этим группа планирования СНБ рекомендовала усилить тайные подрывные действия против этих стран, а для их прикрытия развернуть широкую пропагандистскую кампанию с целью заручиться поддержкой политики Вашингтона в Центральной Америке. В перспективе реализация задач политики США в Центральной Америке потребовала бы ассигнований почти в один миллиард долларов в год. Этот доклад поддерживал силовую политику администрации Р.Рейгана.

Таким образом, американское руководство исходило из двух

возможных подходов к центральноамериканским проблемам - мирного и силового. Р.Рейган выбрал второй путь. Практическая деятельность администрации Р.Рейгана была подкреплена документами, определяющими цели внешней политики США в этом субрегионе. Причём основной вывод двух из трёх рассмотренных документов сводился к решению центральноамериканских проблем с помощью военной силы, экономического и политического давления.

Вигандт Н.А.
Уссурийский госпединститут

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА

В настоящее время более I млрд. мусульман, в том числе и проживающих в странах Арабского Востока, участвуют в отношениях, регулируемых шариатом, т.е. целым комплексом предписаний, содержащихся в Коране и сунне. В то же время шариат является религиозно-этической основой, источником мусульманского права и юриспруденции. Самая развитая отрасль права представлена совокупностью норм, регламентирующих брачные отношения. Ещё в доисламской Аравии сложилась регламентация этих норм, но в период становления ислама Мухаммад столкнулся с необходимостью разрешать всевозможные споры по вопросам семейных отношений в мусульманской общине (умме). Исходя из сложившейся практики, своей личной семейной жизни, Мухаммад конкретизировал многие вопросы, касавшиеся брака, развода, наследования. Все исследователи отмечают, что вопросам семейного права в Коране отведено значительно больше места, чем другим институтам. В свою очередь, это значительно сдерживает, а иногда и ограничивает любую попытку введения новых принципов, регулирующих отношения, связанные с личным статусом мужчины, а в особенности - женщины. Часто реформы, призванные улучшить положение женщины в странах Арабского Востока, проходили под лозунгом: "не изменять сущности шариата, но улучшить его применение в судах". Изменения, начавшиеся в мусульманских странах в первой трети XX века, нашли своё отражение и в приспособлении к ним мусульманского права в целом, и семейного права в частности. Это выразилось в увеличе-

нии роли законодателя в регулировании брачно-семейных отношений. В 1917 г. в Оттоманской империи был принят закон под названием "Семейное право Оттоманской империи", который, хотя был вскоре отменён в самой Турции, долгое время продолжал действоать в Сирии, Палестине, Иордании, Ливане. Наибольшие изменения в правовом регулировании брачно-семейных отношений произошли в 50-е годы. В Тунисе (1956), в Марокко (1957), были приняты Кодексы о личном статусе, в Алжире (1959) - Ордонанс о личном статусе, затем подобные законодательные акты были приняты и в ряде других государств. В настоящее время мусульманское семейное право в большинстве стран кодифицировано и воплощено в специальные законодательные акты. В них нашли своё отражение как традиционные представления ислама, так и некоторые принципы, заимствованные из европейских кодификаций. В 1920 и 1925 гг. в Египте были приняты законы о содержании семьи и по отдельным вопросам личного статуса, в Судане - циркуляры Верховного шариатского суда по вопросам судебного развода, брачного выкупа и проч. В 70-е годы в ряде арабских стран принимаются сводные нормативные акты, которые касаются главных аспектов брака и семьи (Семейные законы НДРЙ 1974 г. и ЙАР 1978 г., закон о личном статусе Иордании 1976 г.). В Сирии, Марокко, Тунисе, Алжире все основные вопросы семейного права регулируются наряду с другими институтами личного статуса едиными актами.

Брак по исламским традициям - богоугодное дело, поэтому ислам весьма строго охраняет святость брачных уз. В соответствии с шариатом внебрачные связи недопустимы и караются очень жестоко (Кор., пер.,24:1-26, радхи). Однако в современном мире соответствующие наказания практически перестали применяться, во многом благодаря тому, что требуется абсолютно точное подтверждение факта прелюбодеяния. Исключение, пожалуй, составляет Иран, Ливия, а также Пакистан.

В соответствии с мусульманскими концепциями равноправный брак (завдж) - это договор, главными целями которого являются создание семьи, продолжение рода, удовлетворение естественных потребностей мужчины и женщины. Традиционно брак заключается женихом и отцом или ближайшими родственниками невесты (хитба). В настоящее время договор может заключаться самими брачующимися, либо, в случае брака малолетних, - опекунами.

Поскольку брак является договором, он должен отвечать определённым требованиям, или условиям, чтобы создать те юридические последствия, на которые он направлен. Чтобы был заключён договор, жених и невеста должны достичь определённого брачного возраста, который неодинаков для мужчины и женщины. Да и законодательные предписания разных стран на этот счёт не совпадают. В Ливане, Марокко, Сирии, Тунисе брачный возраст мужчины равен 18 годам, у женщины - 15-17 лет. В Иордании брачный возраст мужчины - 16 лет. Особенностью законодательства ЙАР является отсутствие точно указанного брачного возраста. В каждом конкретном случае определяется способность вступления в брак, причём, юноша, достигший 10 лет (девочка - 9) и заявляющий о том, что он достиг половой зрелости, вправе вступать в брак. С 15 лет можно вступать в брак без всяких оговорок.

Чтобы брак считался действительным, также необходимо выполнение ряда условий: нормы запрещения браков между лицами разных конфессий содержатся в законодательстве Сирии, Иордании, ЙАР. На брачной церемонии необходимо присутствие как минимум двух взрослых мужчин, хотя некоторые школы суннитского толка допускают и свидетельство двух женщин и одного мужчины.

Наиболее важным условием действительности брачного договора является отсутствие юридических препятствий к браку между двумя конкретными лицами. Постоянным препятствием ко вступлению в брак служит близкое родство или свойство (харам). Существуют и временные препятствия, - например, - время идды - определённого промежутка времени после прекращения предыдущего брака женщины, или вступление в брак с пятой женой, пока не прекращён брак с одной из четырёх имеющихся.

Существует и понятие брачного равенства, которое чаще всего трактуется как имущественное положение мужчины, позволяющее ему содержать женщину на соответствующем её кругу уровне потребления. Кроме того, должно быть выполнено условие обязательной выплаты брачного дара (махра).

Заключённый с соблюдением всех требований брачный договор является действительным сам по себе, но в настоящее время законодательства многих стран устанавливают правило о регистрации брачных договоров. Нарушение влечёт административные санкции: штраф и тюремное заключение.

Среди требований, выполне ие которых необходимо для заклю-

чения действительного брака, отсутствует условие о моногамности. Мусульманский брак считается полигамным, хотя современное законодательство внесло определённые ограничения полигамии по сравнению с классическим мусульманским правом. В Тунисе закон вообще запрещает полигамию, в НДРЙ допускается только бигамия, да и в других странах на второй и последующий браки необходимо разрешение суда. Практически исчезла возможность иметь неограниченное количество временных жён, такое право сохраняется только в одной из школ шиитского толка.

Права и обязанности супругов в исламском браке весьма просты: жена должна подчиняться мужу, а муж обязан содержать жену. Эта традиция закреплена ныне в законодательстве.

Прекращение брака по мусульманскому праву означает уничтожение всех юридических связей между бывшими супругами, но в течение определённого срока идда женщина обязана проживать в доме бывшего мужа, а он - содержать её. Расторжение брака возможно как по инициативе мужчины (талак), так и по взаимному согласию и по решению суда, когда инициатором развода при определённых условиях может быть и женщина. Форма развода по решению суда известна во всех арабских странах, хотя в соответствующих законодательствах отдельных государств есть некоторые различия.

Таким образом, институт брачно-семейных отношений в странах Арабского Востока, который начал формироваться ещё во времена джахилийи, получил достаточно законченный вид при Мухаммаде и , несмотря на некоторые изменения, остаётся наиболее жёстко регламентированным и стабильным по сей день.

Лынша В.А.
Уссурийский госпединститут

К ПЕРЕОЦЕНКЕ ИТОГОВ ДАВНЕЙ ДИСКУССИИ (ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА)

Дважды в нашей стране разгоралась дискуссия об азиатском способе производства: в 1925 - 1931 гг. и в 1964 - 1969 гг. Судьбы обеих дискуссий драматичны и удивительно схожи. О

Китайская революция послужила лишь поводом к началу первой дискуссии. Подлинные причины дискуссии связаны с общей перестройкой гуманитарных наук в период "блестящего десятилетия" (1925 - 1934 гг.), с внедрением формационного подхода в историческую науку. Сразу после знаменитой "битвы цитат" в Ленинграде (февраль 1931 г.) дискуссия была свёрнута. Статьи "азиатчиков", уже сданные в набор, были рассыпаны (Витфогель 1957). В готовых монографиях (Мадьяр 1931) выбрасывались целые параграфы. Корректировались учебники (например, учебник С.И.Ковалёва "История древнего мира", 1934 г. См.Фогел 1989). Кличка "азиатчик" стала опасным ярлычком, как признался В.Струве в 1965 г. (И.Ковалёв, и Струве в 1931 г. были азиатчиками). "Азиатчиками" были предъявлены политические обвинения в "троцкизме" (Данилова 1965), хотя, по крайней мере, их лидеры - Д.Рязанов, Л.Мадьяр, Е.Варга - были бухаринцами. В 1933 - 1934 гг. утвердилась "единственно верная" стадиалистическая версия формационного подхода: "пятичленная периодизация". Эта версия была окончательно канонизирована Сталиным в 1938 г. и закреплена в десятитомном издании "Всемирной истории" (I т. в 1955 г.).

Вторая дискуссия об АСП вспыхнула в момент ослабления идеологической узды на закате "хрущёвской оттепели". Она имела бурную предысторию в Западной и Восточной Европе (в 1956 - 1964 гг.), что было связано с внедрением формационного подхода среди учёных марксистской ориентации. Стадиалистическая пятичленка там была встречена довольно критически. Европейские коммунисты обратились к первоисточникам (работам Маркса), возродили концепцию АСП и даже сделали её модной.

Приезд французов (М.Сюре-Каналь и М.Годелье) на УП Международный конгресс антропологов и этнографов в Москве в 1964 г. спровоцировал дискуссии (выступления В.Струве и Е.Варги в 1964г.). Но для её возобновления имелись внутренние причины. В первой дискуссии "азиатчиков" разгромили идеологически и заставили замолчать. Как заметила Данилова 1965 г.: "Отнюдь не научные аргументы заставили их отказаться от своей точки зрения". Между тем, стадиалистическая теория, лежащая в основе "пятичленки", умерла по указке Сталина в 1950 г. Возможность научной критики и переоценки оснований "пятичленки" всё ещё не была реализована. К тому же в начале 1960-х г. наши историки получили доступ

к западной литературе по культурологии, социальной психологии, системно-структурному анализу и т.п. Те, кто был знаком с этой литературой, особенно тяготились официозным экономизмом, "кондовым истматом" (Неретина 1990) в его стадиалистической форме.

Незаурядные учёные, жаждущие обновления науки, объединились вокруг сектора методологии (под руководством М.Я.Гефтера) при институте истории АН СССР (см.Неретина 1990). За своё недолгое существование (1964 - 1969 гг.) сектор выпустил три методологических сборника. Среди них первым вышел сборник "Проблемы истории докапиталистических обществ" (М.,1968), целиком посвящённый критике "пятичленки". Этот сборник завершает пик дискуссии об АСП (1966 - 1968 гг.). Сборник, действительно, был проблемным, призывал к поиску и дискуссиям. Наибольшей критике в нём подверглась рабовладельческая концепция; предлагались новые, в том числе неэкономические, версии феодализма (А.Гуревич, Л.Данилова); предлагалось несколько моделей АСП. Эти модели иногда существенно отличаются друг от друга. Но что объединяет "азиатчиков", так это понимание того, что государство на Востоке играет иную роль, чем в Европе. Централизованное деспотическое государство подавляет частную собственность и индивида, контролирует все сферы жизни общества. Подданные беззащитны перед произволом власти. "На Востоке все слои бесправны и унижаются перед властью", - писал В.Рубин в 1966 г.

Под влиянием венгра Ф.Текеи и французов Сюре-Каналя и Годелье у нас широко распространилась трактовка АСП как первой универсальной формации, существовавшей только в древности, на стадии перехода от первобытности к классовому обществу (И.Андреев, И.Тер-Акопян). От Л.Мадьяра идёт понимание АСП как первой универсальной формации, сохранявшейся на Востоке без существенных изменений до европейской колонизации (Л.Гамкрелидзе, Г.Коранашвили). Наконец, от Плеханова и Витфогеля идёт понимание АСП как особой, альтернативной линии развития (Е.Варга, Л.Седов, В.Тюрин). Каждый из участников дискуссии считал, что именно его версия АСП ближе к "азиатской концепции" Маркса. Каждый подкреплял свою версию цитатами из Маркса.

За редким исключением (А.Гуревич, А.Кахдан, В.Рубин) участники дискуссии были типичными "шестидесятниками". А "шестидесятники" искренне верили, что марксизм - это единственно возможная подлинно научная методология. Обновление науки для них, прежде

всего, означало "новое, более глубокое прочтение классиков". Отчасти это было оправдано борьбой с пережитками стадиализма. Но главная причина в том, что советский учёный (лишённый корней и преемственности в отечественной науке, лишённый доступа к новинкам западной науки) привык видеть в Марксе вершину человеческой мысли (Ципко 1989, Мамардашвили 1991).

Два последующих сборника сектора методологии демонстрируют стремление к творческому освоению достижений западной науки. Но тем самым сектор подписал себе приговор. Под давлением Отдела науки при ЦК КПСС в 1969 г. сектор методологии был расформирован. Началась кампания по идеологическому "промыванию мозгов" у сотрудников сектора (См. "Коммунист"., 1969, №5, 1972, №6, "Советская Россия", 18 марта 1970 г., "Вопросы истории КПСС", 1971, №7). Пик идеологической кампании пришёлся на весну 1970 г. Над анализом научной продукции сектора трудились сразу две комиссии. Три уже подготовленных сборника так и не увидели света. Работа сектора подверглась идеологическим разборкам в Академии общественных наук при ЦК КПСС, в ВПШ, в МГК и ЦК КПСС (См.Неретина 1990). Предъявлялись обвинения в "недостаточной партийности", в "недооценке экономических факторов и учения о базисе и надстройке" и т.п. Серьёзные идеологические и методологические ошибки объяснялись "вредным увлечением структурализмом".

После 1969 г. уже не могло быть и речи о дискуссии. Зато в 1971 г. вышел сборник в защиту официозной "пятичленки" (Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока). Затем последовали "правильные" монографии Ю.Качановского (1971) и В.Никифорова (1975, 1977). В этом контексте забавно звучат простодушные замечания Никифорова, будто "азиатчики" к 1969 г. выдохлись, изложив все аргументы, а "защитники пятичленки, вначале застигнутые врасплох" (?!-В.Л.), перешли в наступление на втором этапе "дискуссии", начавшемся в 1970 - 71 гг. (Никифоров 1977).

Итак, в 1970 г. повторилась ситуация 1931 г. Вновь были предъявлены идеологические обвинения. После "принципиальных" оценок партии "азиатчики" замолчали. Некоторые даже покаялись во время идеологической кампании. Некоторые эмигрировали (А.Рубин, А.Кахдан). Официозная наука настойчиво пропагандировала односторонюю версию дискуссии, оценивая её в целом как бесполезную (Ильин 1973, Дьяконов 1989).

Сегодня наметилась тенденция к переоценке дискуссии. Некото-

рые даже считают (Могильницкий 1993), что дискуссия об АСП прокладывала путь к цивилизованному подходу. С этим трудно согласиться. Концепция АСП являлась марксистской альтернативой цивилизационному подходу. Она основывалась на тех же принципах материалистическогопонимания истории, что и вся формационная концепция. Но вместе с тем в одном из вариантов (Витфогель-Варга) концепция АСП давала марксистскую версию многолинейного развития истории и противостояла однолинейному универсализму "пятичленки". Несмотря на всемирный охват и невообразимое количество публикаций дискуссия об АСП привлекла внимание только марксистов, тем самым подтверждая тезис американца Д.Фогела (1989) о том, что это чисто марксистская проблема.

Леонова А.А.
Уссурийский госпединститут

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Актуальность разработки проблемы философских оснований исторической реконструкции не вызывает сомнений в условиях гносеологической и логикометодологической переоценки сложившихся стереотипов теории исторического и социального познания, которые вошли в противоречие с реальным процессом общественной жизни.

Сегодня всё более осознаётся потребность в кардинальном изменении содержания и границ мировоззренческой парадигмы и поиске адекватных средств философской рефлексии исторического процесса и соответствующего ему исторического менталитета.

Исследование исторической реконструкции как объекта общетеоретического и социально-философского анализа вплоть до настоящего времени не отвечает критериям диалектической логики, требует охвата всех сторон исторического развития в контексте приоритетов общественной практики. Эта задача может успешно решаться с опорой на междисциплинарные представления о месте, роли и сущности исторических реконструкций в социальном познании, достижения системно-исторического и гуманитарно-личностного подходов в их модельном варианте. Сегодня необходимым условием достижения научной истины является концептуальность, преодолевающая односторонность как логических схематизаций, так и псевдо-

содержательных историко-эмпирических реминисценций.

Современное историческое познание существует в виде системно-исторического, генетико-исторического, сравнительно-типологического, структурно-генетического подходов. Поэтому не вызывает удивления категориально-содержательная размытость смысла исторической реконструкции и неоднозначность роли и места, которые ей отводятся в инструментарии исторического познания разных школ. Философско-методологический анализ исторической реконструкции осложняется ещё и тем обстоятельством, что ни один из указанных подходов не избавляет историческую науку от статуса "слабого" познания, отличного от эпистемологического идеала науки вообще и, в первую очередь, от "сильного" естествознания.

До последнего времени в философской и исторической литературе, посвящённой методологии исторического познания, вопрос о принципиальной возможности конструктивизации истории как специфической формы духовно-практического освоения действительности не возникал. Как правило, речь шла об узко-гносеологических механизмах реконструкции исторического прошлого, о её месте в исторической теории, о методологических и логических принципах конструктивизации. С другой стороны историческая реконструкция рассматривалась с точки зрения тех нормативных регуляторов, которые определяют конкретно-проблемную деятельность субъекта-исследователя.

Между тем, вопрос о том, как возможна историческая реконструкция - это прерогатива научно-философской эпистемологической экспертизы не может быть отдан в компетенцию историософского "умозрительного видения".

В противном случае мы сталкиваемся с натурфилософской схематизацией исторического процесса, характерной для Г.Гроция и Д.Вико вплоть до Ж.Бодена. Столь же закономерно историософская рефлексия порождала спекулятивно-идеалистические концепции всемирной истории, элиминирующие реальную историографию (И.Г.Гердер, И.Кант, Г.Е.Гегель).

На наш взгляд, объектом научно-философского анализа исторической реконструкции выступает историческая проблемность, в рамках которой временная ось образует тот континуум, где развёртывается диалог прошлого и настоящего. Но такого рода диалог возможен в виде некоторой гносеологической идеализации, в виде определённого способа опредмечивания.

Длительное время исторические идеализации создавались вне какой-либо теоретико-методологической рефлексии. Как правило, они возникали спонтанно-стихийным образом и опирались на здравый смысл, выступая как феноменологически прозрачная форма знания о прошлом, доступная чувственному восприятию и представлению. Такой подход приводит к квазивоспроизведению прошлого. И тогда историческую реконструкцию без труда можно редуцировать к заурядному описанию.

В последнее время широкое распространение получили гуманитарно-личностные подходы, которые строятся на синтезе достаточно разнородных философских платформ; от Шлейермахера до Дильтея, от Гусирля до позднего Витгенштейна, от Шпенглера до Ясперса, для которых характерен примат субъективно-духовного в противовес субъективно-социологическому. Этот способ освоения социальной реальности, связанный с личностно-смысловым пониманием, выступает, прежде всего, в своих ценностных значениях. Это и позволяет опыт переживания прошлого положить в основание понимания текущего.

Но понимание значения и смысла картины исторической реальности предполагает уста овление некоторых процедур, позволяющих транслировать во времени и пространстве разные по своей природе культуры и установить между ними диалог. В конечном счёте - это проблема общения и коммуникации между теми поколениями, что ушли и теми, которые есть и будут. И как тут не вспомнить о разработанной М.М.Бахтиным концепции "всенаходимости". Проблема же диалога не может быть решена вполне в русле дискурсивно-логических построений. Историческое в силу своей природы не делится без остатка на логическое. Субъективная сторона человеческого существования богаче абстрактно-логических схем и их связь опосредуется эмоционально-волевыми, нравственными, художественно-эстетическими импульсами.

Для понимания исторической реконструкции требуется синтетическое единство системно-структурных, историко-генетических и субъективно-деятельностных аспектов. Но такое единство возможно лишь как диалектическое преодоление (снятие) крайностей эмпиризма и феноменологизма, рационализма и историоцизма, то есть тех абсурдных гносеологических ситуаций, когда рассматривается человек вне его истории или история без человека.

Историческая реконструкция предстаёт как особая логико-гносеологическая идеализация исторического с нетривиальной формой

активности познающего субъекта. Специфика этой активности определяется особенностями пространственно-временного континуума культурно-исторического контекста исследуемого объекта, а с другой стороны - логико-методологическим арсеналом, допускающим известную свободу форм организации социально-исторического опыта, в пределах исторической закономерности.

Истинность модельного конструирования исторического верифицируется ансамблем формальнологических и диалектически-содержательных критериев, каждый из которых в отдельности не является самодостаточным.

Блестящим воплощением единства системно-структурного, историко-генетического и гуманитарно-личностного подходов является, на наш взгляд, работа В.Я.Проппа "Исторические корни волшебной сказки".

Генкин А.Л.
РГПУ им. А.И.Герцена

АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКОЕ СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В 70 - 80-е гг. XIX в. (ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США И ГЕРМАНИИ)

Взаимоотношения Соединённых Штатов Америки и Германии занимают важное место в истории международных связей. В разные годы они складывались неодинаково, однако почти всегд носили сложный, многообразный и противоречивый характер. Вторая половина XIX в. для США и Германии была временем существенных изменений их экономических и политических кондиций, временем, когда обе страны выходили на арену мировой политики. Близость целей и интересов двух стран в это время привела к новому этапу в их отношениях. Он характеризовался наличием традиционных связей и принципов, нашедших своё отражение в подписанных ранее договорно-правовых актах и выявляющимся несоответствием последних изменившейся ситуации, целям и задачам держав.

Экономическое развитие США и Германии тесным образом связано с процессом предпринимательства за границей. Соединённые Штаты были в основном объектом ввоза европейского капитала. Германия,

как правило, капитал вывозила, что естественно, так как в 70 - 80-х гг. XIX в. она не имела обширных колоний и старалась использовать любую возможность для проникновения своего капитала в другие страны. Кроме того, немцев привлекала высокая прибыльность американской промышленности. В свою очередь Соединённым Штатам требовался дополнительный капитал, что связано с освоением огромных западных территорий, развитием инфраструктуры и созданием разнообразных фирм.

В 70 - 80-е гг. Германия постепенно усиливает внимание к вложениям за океан своих капиталов. Особенно этот процесс ускорился в 80-е гг. В эти годы США поглощали до 70% германских инвестиций.

Несмотря на то, что после 1871 г. не было подписано специального экономического соглашения, мы не обнаружили нарушения тех статей ранее подписанного договора, где говорится о свободе предпринимательской деятельности на территории обеих стран и защите интересов иностранных граждан. (Ст. I договора "О коммерции и навигации" между США и Германией 1828 г.). В 1883 г. оба государства ратифицировали Парижскую конвенцию о защите промышленной собственности. Всё это порождало уверенность инвесторов в неприкосновенности вложенного капитала и активизировало предпринимательскую деятельность.

Активные капиталовложения в США стимулировала и иммиграция. Немцы, оказавшиеся за океаном, принимали активное участие в международных коммерческих операциях.

Важнейшую роль в экспорте капитала играли банки. Такие финансовые центры, как банки Моргана и Кун-Леб имели деловые связи с немецкими банками, вступившими в 70-е гг. на путь международных коммерческих контактов. Институтом связи с американскими финансовыми кругами в 70-х и особенно в 80-х годах стал Немецкий банк. В 1880 - 81 гг. он участвовал в строительстве железных дорог; в 1882 - 83 гг. - финансировал создание трансатлантического морского пути. Посредником в немецком движении капитала в США стал Дисконто-Гезельшафт. Банк тесно сотрудничал с группой Ротшильда и компанией Кун-Леб. Участие в финансировании транспорта в США принимал Дармштадский банк. В августе 1870 г. был основан Германо-Американский банк.

Особую роль в американо-германском совместном предпринимательстве играли финансовые связи. Наиболее известный банковс-

кий дом Варбурга в Гамбурге. В 70-х гг. он активно участвовал в движении Германского капитала в США, а в 80-хгг. сотрудничал с Нью-Йоркским банковским домом Кун-Леб.

Германские инвестиции проникали в самые различные отрасли американской промышленности: химической, электротехнической, металлургической, пищевой. В 70 - 80-е гг. в США был образован целый ряд совместных предприятий, которые активно развивались и в последующие десятилетия (компании Байера, Шеринга, общество по производству анилина и др.).

Иностранные инвестиции направлялись не только на запад. Шли они и в обратном направлении. Существуют примеры, доказывающие, что и американские предприниматели, стараясь проникнуть на заокеанские рынки, становились вкладчиками капитала в европейские страны, включая и Германию. Главной целью американских предпринимателей было понижение стоимости продукции без одновременного ухудшения её качества, что стимулировало общую конкурентную способность товаров на мировом рынке. Экспортируя свою технологию, опыт организации производства и управления, американцы стимулировали создание в Германии совместных предприятий. Этому способствовали и немецкие предприниматели, которые были готовы воспользоваться услугами своих заокеанских партнёров и заключить соответствующие контракты. Появление "Немецко-американской фабрики машин Эрнста Киршнера", фабрики "Рейнекера" и др. - результат активных действий немецких и американских предпринимателей.

В 70 - 80-е гг. XIX в. ещё не сложилось чёткого механизма взаимосвязи государственных структур и частного предпринимательства. В США была предпринята попытка регулировать инвестиционный процесс. Однако делалось это на уровне отдельных отраслей и штатов и приток иностранного капитала не был поставлен под контроль. В Германии движение капитала рассматривалось как дополнительный внешнеэкономический инструмент. Правительство рейха было лучше, чем американское, информировано о международных инвестициях.

Отношение к заморскому предпринимательству в рейхе было неоднозначным. Несмотря на отсутствие в повестках дня сессий рейхстага специального вопроса об американо-германском предпринимательстве, автор, учитывая полярность мнений по проблемам протекционизма и эмиграции, полагает, что депутаты к подобного рода контактам не были равнодушны. Сторонники аграрного протекционизма-

ма могли опасаться, что поддержка заграничного предпринимательства будет противоречить тарифно-таможенной политике рейха. Представители же партий, отражавших интересы крупного промышленного капитала, поддерживали совместное предпринимательство, ибо это создавало преимущества в условиях усиливавшегося тарифного обложения европейских товаров за океаном.

В 70 - 80-е гг. XIX в. совместное предпринимательство постепенно становилось неотъемлемой частью экономических связей между концернами, трестами, банками двух государств. Однако деятельность такого рода только начиналась, закладывая основу для своего развития в последующие десятилетия.

70 - 80-е гг. XIX в. были временем укреплявшихся торгово-экономических связей между Соединёнными Штатами и Германией. Это стало следствием объективного процесса международного разделения труда, постепенного выхода двух стран в число наиболее развитых, а также традиций, заложенных в предшествующий период.

А Р Х Е О Л О Г И Я

Артемьев А.Р.
ДВО РАН

БУДДИЙСКИЙ ХРАМ XУ в. В НИЗОВЬЯХ АМУРА

Буддийский храм Вечного спокойствия (Юннин-сы) в честь божества милосердия Гуаньинь (Авалокитешвара) был воздвигнут в 1413 г. экспедицией во главе с придворным евнухом китайского императора Ишихой. Он располагался на скале Тыр на правом берегу Амура, в 120 км от устья, напротив впадающей в него р.Амгунь, ныне п.Тыр Ульчского района Хабаровского края. Своим созданием храм был обязан организацией в 1411 г. крайнего северо-восточного административного района поднебесной империи - Нургańского управления. В кумирне была поставлена статуя бодисатвы, а не подалёку от храма стелла с пространными надписями на китайском, чжурчженьском и монгольском языках. В этих надписях восхвалялись императоры династии Мин, описывалось покорение Нургани и постройка храма. Однако, попытка распространить буддизм среди чжурчженей низовьев Амура не удалась. В 1432 г. новая экспедиция во главе с тем же Ишихой нашла храм Юннин-сы разрушенным до основания. Его восстановили и воздвигли новую стеллу, по-видимому, аналогичную первой.

Русские землепроходцы впервые натолкнулись на развалины храма в третьей четверти XУП в. С их слов посол России в Китае Н.Г. Спафарий в 1675 - 1678 гг. записал, что "на том месте во утёсе нашли колокол китайский, повешен более двадцати одного пудов, и тут нашли в трёх местах китайское письмо в каменных скрижалех, и иноземцы сказывали нашим казакам, что в древних датех некоторый царь китайский ходил из Китая по морю на Амур, и тут для признаку и воспоминания покинул то письмо и колокол". В начале XУШ в. С.Ремезов в своей "Чертёжной книге" Сибири поместил на карте вблизи устья Амура надпись: "До сего места Александр Македонский доходил, трупьё спрятал (похоронил павших) и колокол оставил". По несомненно верному заключению М.И.Казанина эта надпись имела чисто политическое значение и была отголоском прений, возникших в процессе выработки текста Нерчинского договора 1689 г. Смысл надписи заключается в том, что поскольку эти места были завоёваны Александром, то по праву преемственности принадлежат России, государи которой ещё в XУI в. были провозглашены его наследниками.

Первое подробное описание тырских памятников оставил посетивший их в 1854 г. Д.В.Пермикин. На вершине утёса он нашёл две сходных по форме стеллы с надписями: одну из мрамора на гранитном основании, а другую из мелкозернистого серого гранита. Возле них стояла колонна на восьмиугольном пьедестале с утраченной верхней частью. Ещё одна похожая на первую восьмиугольная колонна находилась в 150 саженях от описанных выше памятников на узком мысу. Она также состояла из трёх частей, верхняя из которых имела форму урны. Очевидно именно её первопроходцы приняли за колокол. В 1873 г. Г.Н.Панов застал на скале только одну сваленную гранитную колонну и стеллы с надписями. Тогда же им были обнаружены остатки храма, представленные гранитными базами - основаниями для колонн и большим количеством орнаментированного кирпича.

В 1891 г. на транспорте Байкал гранитная стелла с надписями на трёх языках была доставлена во Владивосток и выставлена в музее Общества изучения Амурского края, ныне Приморском государственном объединённом музее им. В.К.Арсеньева. С тех пор уникальная трилингва, имеющая исключительное значение для расшифровки чжурчженьской письменности, не раз привлекала внимание исследователей.

Остаткам самого храма повезло значительно меньше. В 1991 г. они были обследованы нами и выяснилось, что в 70-х годах при установке на утёсе советского памятника частично их сдвинули бульдозером на почти отвесный склон утёса. Кроме того их регулярно разрушают любительскими раскопками. В последниегоды успешные сборы подъёмного материала на Тырском утёсе осуществляет николаевский краевед В.В.Попов. У подножья скалы им найдена прямоугольная гранитная плита, возможно имеющая отношение к храму, а ниже по течению Амура на мысе Тебах каменоломня, где таких плит около 100. На месте самой кумирни в большом количестве встречаются орнаментированные цветами лотоса кирпичи, [illegible]ельная черепица и концевые диски от неё с изображениями дев[illegible]. Отметим также находку нами одной базы от колонны храма с прочерченным на её гладкой стороне Т-образным знаком.

Очевидно, что только скорейшие археологические исследования

могут спасти для науки столь же известный сколь и забытый органами охраны памятник истории и культуры.

Васильев С.А.
Институт истории материальной культуры РАН

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЗДНЕПАЛЕОЛЕТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ВЕРХНЕГО ЕНИСЕЯ

I. Технологический анализ каменной индустрии нацелен на реконструкцию функциональных особенностей древних стоянок и их отдельных участков. Он призван дополнить статистику обычной типологии рассмотрением использования палеолетическим человеком камня в динамике раскалывания, изготовления орудий, их использования и переоформления. Основным методом анализа выступает реконструкция цепочек последовательных операций, производившихся с камнем в виде построения условных графических моделей. Сейчас в отечественной литературе распространено иное, более узкое понимание сути технологического анализа как реконструкции способов получения заготовок (Е.Ю.Гиря, П.Е.Нехорошев, П.В.Волков и др.). В данном докладе мы используем принятое в европейской археологии понимание термина (синонимы: "поведенческий анализ", "экономический анализ", "динамический технологический анализ"). Развитие технологического анализа лежит в русле генерального направления современного палеолитоведения - применения всё большего числа различных методов для анализа каменного инвентаря параллельно, стараясь извлечь максимум информации из комплексов. Можно уже сейчас констатировать, что технологический анализ выделился в особый самостоятельный аспект исследования камня наряду с другими более общими и частными методиками (типология, функциональный, экспериментальный, планиграфический методы, ремонтаж).

2. Основой для построения нашей модели послужили материалы трёх многослойных позднепалеолетических памятников Верхнего Енисея - стоянок Майнинская, Уй I и II. Из них наиболее ранний комплекс (2 слой стоянки Уй I) относится ко времени I7 - 22 тыс. лет и входит в круг памятников средней поры палеолита Енисея, а многочисленные слои стоянок Уй II и Майнинская датируются от I8 до I0 тыс. лет и принадлежат к афонтовской культуре. Далее следеут рассмотрение материалов памятников по стадиям технологического цикла.

3. Отбор и доставка сырья. Основным видом сырья служили валуны и гальки, приносившиеся на площадь поселения из близлежащего речного галечника. Несмотря на идентичность источника сырья, отбор его в значительной мере регулировался культурным фактором. Так, обитатели стоянки Уй I использовали лишь несколько разновидностей сырья, предпочитая коричневые и чёрно-серые кварциты и чёрно-серые микрокварциты. Напротив, обитатели Майнинской стоянки приносили на место поселения гальки десятков различных пород, опробуя и выбрасывая даже абсолютно не пригодные для получения качественных заготовок камни. Кроме того, они разрабатывали неизвестное обитателям Уй I месторождение высококачественного цветного кремня, расщепление которого велось на месте, а на стоянку поступали лишь мелкие законченные изделия.

4. Расщепление. Принесённые гальки и валуны шли на расщепление либо без предварительной подготовки, либо дробились на пригодные для изготовления ядрищ куски.В рамках специализированных техник фиксируется стадия создания преднуклеуса. В коллекции Уй I есть типичная заготовка призматического ядрища. Как и на предыдущей стадии, культурный фактор заметно влиял на методы обращения с сырьём. Обитатели Уй I старались максимально использовать нуклеусы, доводя их до предела истощения. Обитетели же Майнинской стоянки расточительно обращались с сырьём, выбрасывая ядрища на всех стадиях их использования. Особую группу составляет техника снятия микропластинок с мелких ядрищ, в качестве заготовок для производства которых использовались как мелкие галечки, так и отщепы, а также сработанные скрёбла, скребки и ретушированные пластины. Для 3 слоя Майнинской стоянки специфична техника изготовления удлинённых клиновидных форм на ассиметричных в сечении пластинках. В процессе расщепления клиновидные ядрища срабатывались, превращаясь в высокие формы и далее в конусовидные ядрища. Часты случаи перемены места рабочего торца и площадки и т.д.

5. Изготовление орудий. Практиковалось изготовление орудий из целых отдельностей породы (чопперы, крупные скрёбла; иногда мелкие скребки и долотовидные изделия оформлены на галечниках), так и на разнообразных заготовках. Распространённый в палеолите

Приангарья приём сбора и переоформления более древних выветрелых отщепов и орудий, на Енисее встречается довольно редко, хотя в коллекции Майнинской стоянки есть несколько вещей подобного рода.

6. Сглаживание и переоформление орудий. В основном фрагментации (иногда намеренной) подвергались скребла. Чаще всего прослеживается процесс поломки овального скребла пополам, а затем на "четвертинки". Долотовидные орудия раскалывались чаще всего вдоль длинной оси, иногда они фрагментировались при помощи продольного резцового скола с последующей подтёской обломков. Переоформление изделий в основном сводилось к изготовлению скребков и долотовидных форм из обломков скребел.

7. Статистический анализ состава коллекций позволил в пределах памятников Майнской группы выделить комплексы с полным циклом использования камня и частичным приносом заготовок. Подобные же типы памятников опознаются при сравнении наших материалов с другими енисейскими стоянками. Подавляющее большинство известных нам памятников представляют собой базовые стоянки, хотя известны редкие случаи специализированных комплексов. К таковым относятся памятники с ограниченным циклом расщепления, где следы первичной стадии раскалывания практически не прослеживаются (3 слой Голубой I, исследованный С.Н.Астаховым), охотничьи лагеря (Нижний Иджир I, раскопки С.Н.Астахова) и специализированные места отбора и опробывания сырья непосредственно на галечнике (8 слой стоянки Ур II).

Васильев Ю.М., Васильева Т.А.
ДВО РАН

РАСКОПКИ МУСОРНОЙ ЯМЫ НА ЩУКИНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

Во время работы на Щукинском поселении, расположенном рядом с Краснокуровским могильником (Хабаровский край. Покровская культура), в 80 м ниже по течению р.Кур, на краю поселения были обследованы остатки мусорной ямы, размытой рекой. Она была хорошо заметна с реки по белому пятну речных и озёрных ракушек, заполнявших её. Высота берега в этом районе около 3 м. Обрез берега зачистили и заложили раскоп протяжённостью 12 м и шириной основной части в 3 м.

Наиболее интересной оказалась сама мусорная яма, специально выкопанная в древности. Частично она была разрушена водой. Это округлый в плане котлован диаметром 2,1 м, глубиной 1,4 м от дневной поверхности. Под слоем дёрна толщиной 20 - 24 см находился слой озёрных ракушек толщиной 4 - 10 см. Затем следовал слой суглинка с ракушками, угольками, золой, костями животных, керамикой мощностью 18 - 34 см. Далее - снова ракушки - 5 -8см. И снова мешаный слой 17 - 18 см. Ниже - толстый слой (42 - 45 см) ракушек - катушки, луханки, среди которых изредка встречаются раковины даурской жемчужницы. Нижний слой (20 - 24 см) содержал гумусированный суглинок с углями, золой, редкими костями и камнями. Дно занимали раковины даурской жемчужницы. В яме была найдена половинка ножа и часть лепного сосуда "мокшского" типа.

По мере заполнения ямы, под свалку, видимо, использовалась и прилегающая площадь. Здесь среди гумусированного грунта на протяжении почти 6 м встречались кости животных, фрагменты станковой и лепной керамики, две ручки от лепных крышек, три железных ножа с желобами-долами, а также скопления мелких рыбьих костей и золистое пятно.

Большой интерес представляют кухонные отбросы: кости животных, редкие кости птиц и рыб, моллюски, которые в некоторой степени позволяют реконструировать хозяйственную деятельность носителей покровской культуры. Для анализа были взяты не все кости, а в основном имеющие хорошую сохранность, какие-либо особенности и сохранившие суставные части. Их набралось 3020 фрагментов. Определение было произведено к.б.н. Алексеевой Э.В. Кости имели разную сохранность, некоторые из них были обожжены, часть погрызена грызунами и мелкими и крупными хищниками. Часть костей имела следы деятельности человека: трубчатые кости разбиты вдоль, перерублены поперёк, оббиты до шилообразного состояния. В одной из лопаточных костей есть просверленное отверстие. Фаланга лошади (бабка) имеет четыре сквозных отверстия, расположенных крестообразно. В астрагале сквозь просверлено отверстие, один позвонок зашлифован.

Систематическая принадлежность такова:

Рыбы - 19 костей от 8 особей;

птицы - 29 костей от 13 особей;

млекопитающие - 426 костей от II2 особей.

Представление о видах животных, использовавшихся в пищу, даёт таблица.

Вид животного	Колич. костей	Колич. особей	Молодые	Полувзр.	Взрос.	В % кол.
Собака	48	23	2	7	I4	I3,I
Лошадь	32	I4	-	I	I3	8,8
Свинья дом.	II6	2I	8	8	5	3I,8
Свинья дикая	75	7	-	-	7	20,6
Корова	29	I2	-	7	5	7,9
Косуля	44	I8	-	I	I7	I2,0
Лось	I8	4	-	-	4	4,9
Пятнистый олень	2	2	-	-	2	0,6
Грызуны	I	I	-	I	-	0,3
Итого:	365	II2				
Обломки хищных и копытных	6I					
ВСЕГО:	426	II2	I2	33	67	

Отмечено также, что наблюдаются следы деградации у домашних животных. К тому же кости домашних животных принадлежат первым трём возрастным группам, а диких - только взрослым животным, что говорит о рачительном отношении к "дикому стаду".

Моллюски представлены четырьмя видами: катушки, луханки, перловицы и даурская жемчужница. Интересно, что в одной из жемчужниц был найден истлевший молодой орешек водяного ореха.

Керамический материал поселения и мусорной ямы идентичен. Станковая керамика представлена частями венчиков, тулова и днищ от светло-серого до чёрного цветов. Редко встречаются фрагменты оранжевого цвета. На некоторых черепках есть пищевой нагар. Украшена керамика поясками различного штампованного орнамента, накатанного роликовым штампом. Пояски штампа могут начинаться в нескольких сантиметрах от днища. Есть фрагменты "дольчатых" сосудов, которые на самом деле были уже псевдодольчатыми, так как деление на доли было чисто символическим, и достигалось оно слегка продолженной линией. Некоторые сосуды были украшены прямыми и зигзагообразными лощеными линиями. Есть

фрагменты от горизонтальных ленточных ручек. В некоторых днищах есть отверстия диаметром 6 - 7 см, сделанные до обжига. На двух фрагментах днищ найдены насечки, сделанные также до обжига. На днищах встречаются барельефные тамгообразные знаки. У венчиков с налепным валиком, чаще всего этот валик образовывался отгибом книзу краёв самого валика. Очень часто эта деталь отваливалась. Были обнаружены воронкообразные или чашевидные венчики, венчики типа "стоячий воротник". В ходу были и валики-воротнички или имитация их.

Лепная керамика так называемого "мохэского" типа, но многие сосуды доработаны или изготовлены на круге. Есть и чистолепные с характерным техническим декором.

Находки мусорной ямы - первой в Приамурье - говорит о довольно высоком уровне санитарии древних обитателей Лукинского поселения, датируемого XII в. н.э. Содержимое подобной мусорной ямы позволяет сделать выводы о высоком уровне развития скотоводства и значительной роли охоты и рыболовства, а также собирательства в хозяйстве средневекового населения бассейна р.Кур.

Гладышев С.А.
Институт археологии
и этнографии СО РАН

ОСОБЕННОСТИ РАСЩЕПЛЕНИЯ СЫРЬЯ НА НОВЫХ ПАМЯТНИКАХ КАМЕННОГО ВЕКА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИМОРЬЯ

Каменные изделия палеолитического облика в Юго-Восточном Приморье были впервые найдены недалеко от с.Устиновка в долине р.Зеркальной в Кавалеровском р-не в 1954 г. геологом В.Ф.Петруневым. Подавляющее большинство местонахождений (около 20) расположено в среднем течении реки, вблизи и непосредственно на выходах различных эффузивных и метаморфических пород (туфы, линариты, кремнистые яшмовидные породы, халцедоны, обсидиан).

Анализ инвентаря памятников, относящихся к устиновской индустрии, позволяет выявить ряд характерных черт и особенностей первичного раскалывания на разных комплексах. Только на одной

стоянке – Устиновке I – присутствует практически полный цикл обработки камня: от раскалывания сырьевых конкреций и оформление нуклеусов до изготовления орудий. В слое встречаются куски сырья, плитки кремнистого сланца со следами предварительных сколов, преформы и уже готовые ядрища с негативами снятых заготовок. По материалам стоянок типа Суворово Ш и Суворово IУ начальный этап обработки сырья не прослеживается. По всей видимости, это результат функционального различия комплексов. На Суворово Ш и Суворово IУ обнаружены только полностью истощенные нуклеусы, подвергавшиеся неоднократному и разнохарактерному обновлению.

Морфологический облик ядрищ с памятников долины р.Зеркальной достаточно разнообразен. Это объясняется значительной вариабельностью заготовок, используемых древними для изготовления нуклеусов. В ход шли куски плиток, конкреции кремнистого и яшмовидного сырья, реже окатанные речные гальки. В большинстве случаев в качестве заготовок использовался метаморфицированный кремнистый туф в виде плитчатых фракций, что отразилось на разнообразии форм и пропорций нуклеусов.

Основную массу морфологически выраженных ядрищ составляют подпризматические с параллельным и близким к нему принципом расщепления. Причём, техническая традиция изготовления и утилизации этих ядрищ идентична на всех памятниках устиновской культуры. Среди подпризматических нуклеусов выделяются одно- и двухплощадочные изделия с прямым и приострённым основанием. Ударные площадки прямые или слегка скошенные от фронта скалывания к контрфронту. Платформы обрабатывались некрупными, радиально направленными сколами, а дуга скалывания дополнительно подправлялась мелкой ретушью. Фронт снятия предварительно выравнивался поперечными сколами. Необходимо отметить, что фронт скалывания никогда не занимает всей боковой поверхности нуклеусов. Исключение составляет единственный нуклеус, найденный на стоянке Суворово IУ, у которого фронт скалывания замкнутый. Судя по негативам снятий на нуклеусах и морфологическому облику пластин, найденных на устиновских памятниках, а также по отсутствию в слое наковален, заготовки отделялись от ядрищ прямым ударом с руки без использования дополнительных приспособлений.

Кроме призматических нуклеусов встречаются уплощённые ядрища субпараллельного расщепления, торцовые нуклеусы и галечные ядрища. В количественном отношении они составляют незначительную долю от всего массива нуклеусов. Такое преобладание подпризматических ядрищ объясняется характером сырья. Конкреции сырья уже сами по себе имели форму, близкую к параллельному, что предопределяло дальнейшую форму нуклеуса. Господство подпризматической техники подтверждается и большим количеством таких продуктов расщепления как краевые сколы и ребристые пластины.

Помимо общих черт в морфологии и технике изготовления ядрищ на памятниках устиновского комплекса имеется и ряд существенных различий. В первую очередь – это отсутствие на стоянках Суворово-Ш и Суворово-IУ начального этапа обработки камня (раскалывание сырья и изготовление нуклеусов). В материалах этих памятников нет ни первичных сколов, ни заготовок ядрищ и конкреций сырья со следами предварительной обработки. Кроме того, имеющиеся нуклеусы находятся на крайней стадии истощения, с которых уже не возможно снимать заготовки.

Упомянутые различия объясняются, на наш взгляд, разным функциональным типом памятников, расположенных в бассейне р. Зеркальной.

Так, Устиновка I и Суворово – мастерские, где главным образом, подбиралось и обрабатывалось сырьё, изготовлялись преформы ("облупни") и снимались пластины. Производство орудий и тем более, элемент обитания носят подчинённый характер. Это подтверждается огромным количеством отходов крупных первичных отщепов, сколов, оббитых кусков сырья, обломков и заготовок нуклеусов на Устиновке I и Суворово-М.

Памятники Суворово Ш, Суворово IУ и ряд пунктов, открытых по левому берегу р.Садовой (правый приток р.Зеркальной) были, скорее всего, сезонными охотничьими лагерями с различной спецификой. Сюда приносились уже готовые нуклеусы, а на месте уже шло изготовление орудий, подправка и переоформление изношенных изделий.

Анализ первичного расщепления на стоянках [illegible]на р.Зеркальной в Юго-Восточном Приморье свидетельствует [illegible]гомогенности технических традиций, и, следовательно, о синхронности существования исследуемых памятников. Некоторые вариации в морфологии и способах оформления ядрищ из упомянутых комплексов свидетельствует не о принадлежности к разным культурам, а о разли-

чной функциональной направленности памятников.

Костенко А.В.
Уссурийский госпединститут

ПРОБЛЕМА "ГАЛЕЧНОЙ ИНДУСТРИИ" В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СИБИРИ

Вопрос о галечном характере палеолита Сибири широко дебатировался в специальной литературе начиная с прошлого века. Представления об этой эпохе каменного века Сибири долгое время формировались на основе материалов долины Енисея, для которых было характерно своеобразное сочетание архаичных галечных изделий с каменным инвентарём почти неолитическим по облику и совершенству обработки. Уже первые исследователи этого региона И.Д.Черский и И.Т.Савенков отмечали своеобразие Сибирского палеолита, в сравнении с европейской схемой. По мнению же французского археолога Ж. де-Бая, сибирский палеолит мог быть отнесён к среднему мустье, однако эта гипотеза о значительной древности палеолита Сибири не получила подтверждения. Накопление новых материалов в 20 - 30-е годы нашего века привело к изменению первоначальных представлений о палеолите Сибири. Так открытие Мальты и Бурети показало существование в Сибири индустрий европейского облика, происхождение которых объяснялось миграциями из Европы в отдельные районы Азии (А.П.Окладников). Объединение в комплексах енисейского палеолита макро- и микроформ изделий порождало гипотезы о его формировании из разных по происхождению культур и взгляды о замедленности развития каменного века региона (П.П.Ефименко). Помимо эволюционной и миграционной концепций, существовали и другие идеи о происхождении галечных индустрий Сибири. Так Г.П.Сосновский и Н.К.Ауэрбах обосновали единство палеолитических культур отдельных областей Северной Азии и предложили рассматривать их как особую провинцию верхнего палеолита мира. Появление архаического комплекса в сибирском палеолите они связывали с "миграцией" галечной индустрии с территории Центральной Азии. Эта идея по-

лучила поддержку у С.Н.Замятина: он высказался в пользу существования на востоке Азии "семейства" родственных культур, объединённых общностью происхождения. Для палеолита этого региона, по его мнению, характерно отсутствие призматического нуклеуса и использование грубых галечных инструментов нижнепалеолитического облика. Комплекс архаических изделий он рассматривал как набор своеобразных орудий, вызванных к жизни местной природой и хозяйственной обстановкой.

Новый этап в исследовании палеолита Сибири связан с началом 60-х годов, когда З.А.Абрамова начинает анализировать сибирские материалы с точки зрения культурной принадлежности памятников. Обнаруживая различия в технике и типологии инвентаря разных памятников района Енисея, она предложила выделить две параллельно развивающиеся культуры - афонтовскую и кокоревскую. Различия этих культур, по её мнению, были во многом обусловлены характером их генезиса. Так пластинчатый компонент кокоревской культуры З.А.Абрамова связала с алтайским леваллуа-мустье, в то же время, истоки афонтовской культуры следует искать, по её мнению, в Моголии. Обе культуры она объединяла в единую южносибирскую культурную область. В 70-е годы Г.П.Григорьев и В.А.Ранов снова обратились к проблеме специфики палеолита Сибири и выдвигают концепцию "постмустье" - эпохи переживания мустьерских традиций в Азии в эпоху позднего палеолита. Но в это время стали известны памятники начальной поры позднего палеолита, которые не имели отношения к "галечным" индустриям (Толбача, Варварина гора, Макарово IУ). Новые взгляды на проблему палеолита Сибири получили развитие в последние годы. З.А. Абрамова предложила новую периодизацию палеолита Сибири, в которой индустрии "галечного" облика отнесены к концу позднего палеолита. По мнению С.А.Васильева процесс перехода от мустье к верхнему палеолиту носил в Северной Азии характер постепенной трансформации мустьерской культуры с медленным насыщением её позднепалеолитическими элементами, особенно в типологии. [illegible] стадии сибирского позднего палеолита наиболее сопоставим с поздним палеолитом европейского круга, и лишь на финальноплейстоценовом этапе распространяется культура позднего палеолита "Сибирского типа". Своё видение проблемы галечной индустрии региона имеет Н.И.Дроздов. Он полагает, что в Сибири

ри на базе раннепалеолитических индустрий возникли две самостоятельные линии развития. С первой связано появление леваллуазской техники, на базе которой возникли пластинчатые культуры позднего палеолита. Вторая связана с галечной индустрией, распространившейся в последующие эпохи и приведшей к оригинальной позднепалеолитической культуре, в которой нашли сочетание галечные и пластинчатые индустрии.

Таким образом, по мере накопления материалов и расширения ареала палеолитических памятников Сибири меняются представления о месте "галечных" индустрий региона. В определении характера развития культуры в позднем палеолите Сибири исследователи вначале опирались на эволюционную и миграционную идеи, а затем была разработана идея локальности культур и в настоящее время специалисты начинают осознавать, что стадиальность и локальность представляют собой две стороны единого процесса развития культуры. Оказалось также, что "галечные" индустрии в Сибири наблюдаются не только в древнем, но и в финале позднего палеолита. Однако причины существования в сибирском палеолите разного типа индустрий не получили объяснения.

Кузнецов А.М.
Уссурийский госпединститут

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ В ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИИ

I. Источниковедческие процедуры не получили должного признания в существующей исследовательской практике археологии, в том числе и палеолитоведении (Формозов, 1977), несмотря на то, что основные цели, теория и методика критики археологических источников получили всестороннее обоснование в специальной работе Л.С.Клейна (Клейн, 1978). Такое положение можно объяснить существованием в течение длительного времени представлений о том, что совершенствование методики раскопок, фиксации и описания материала, а также широкое применение естественно-научных методов вполне заменяют для археологии собственно источниковедческий анализ. Но развитие новых направлений исследований, свя-

занных с изучением тафономии памятников, выделением отдельных "горизонтов обитания" (Медведев, Несмеянов, 1988), всё чаще стало выводить специалистов на чисто источниковедческие вопросы: отражают ли данные памятники реалии древнего человека или же они результат их переработки природной стихией. Однако необходимость палеолитического источниковедения обусловлена не только геоархеологическими проблемами изучения памятников. Согласно современным представлениям в археологии (включая палеолитоведение) целесообразно выделять два уровня исследований: I) "конкретов" - непосредственных свидетельств прошлого и 2) "абстрактов" - наших суждений и реконструкций на основе конкретов (Клейн, 1978; 1990; Синицын, 1982). В свою очередь, как уже установлено, применительно к палеолиту реалии прошлого ограничены артефактами и их связями друг с другом (комплексы артефактов) (Григорьев, 1981). Сложившаяся исследовательская стратегия была направлена на выявление в "конкретах" информации о хронологии и принадлежности к определённым общностям (зонам, культурам и т.д.). Не ставя под сомнение необходимость этих задач посмотрим исчерпывают ли они познавательные возможности материалов палеолита.

2. Многие памятники древнекаменного века содержат только различные каменные и реже костяные изделия, которые достаточно определённо рассматриваются как орудия труда и отходы их производства. Следовательно эта г р у п п а м а т е р и а л о в была предназначена для выполнения конкретных трудовых операций, в которых они и проявляли свои орудийные свойства. В таком случае, по орудиям и другим средствам трудовой деятельности, в первую очередь, можно изучать технику и трудовую деятельность прошлого. Но как раз эти вопросы и остаются слабо разработанными в палеолитоведении. Хотя уже созданы типологические определители основных форм изделий и их вариантов для разных эпох, среди которых наиболее известна система Ф.Борда (Bordes, 1961), археологи мало что могут сказать о причинах и факторах формообразования орудий палеолита и о реальной роли этого компонента в общем контексте трудовой деятельности и культуры в целом. Применительно к историческим эпохам эти проблемы решаются в рамках философии и истории техники. На современном этапе исследований представляется актуальной разработка теории и ме-

тодики изучения производственной деятельности и техники палеолита. Значение этого достаточно нового направления становится более очевидным, если учесть, что каждый артефакт может быть рассмотрен не только с точки зрения его формы, но и как результат или определённая стадия п р о ц е с с а его обработки. Реконструкция приёмов обработки и последовательность их применения может быть достигнута с помощью ремонтажа исходных форм и экспериментов (Гиря, 1992). Восстановление подлинных технологий производства каменных, костяных изделий палеолита даёт нам выход на ещё одну реалию (реконструируемый объект) прошлого, который остаётся, практически не востребованной (Синицын, 1982; Кузнецов, 1982).

3. Изучение связей между артефактами также долгое время оставалось в ведении классификации, но установленные факты различия по набору инвентаря отдельных участков памятников вызвали интерес к их пространственным отношениям (планиграфия) и причинам, которые лежат в её основе. Начиная с известной полемики Л.Бинфорда и Ф.Борда, был поднят вопрос о функциональной вариабельности, как основном факторе, определявшем состав комплексов инвентаря. Восстановление связи "орудия - производственная деятельность", с одной стороны, вызвали изменение критериев выделения локальных общностей. Сходными теперь рассматриваются не просто комплексы с тождественным инвентарём, но памятники различного производственного назначения, объединяемые общими технико-типологическими традициями обработки изделий (Любин, 1977; 1989). С другой стороны, такой подход позволил перейти на новый уровень исследований, когда материалы памятника интегрируются в некоторую целостность (Синицын, 1982). Наконец, Л.С.Клейн показал, что состав комплекса инвентаря зависит также от условий, при которых происходит прекращение жизнедеятельности людей, и подтвердил существование его позитивной и негативной выборок (Клейн, 1978).

4. Таким образом, современная парадигма изучения палеолита должна включать в свою исследовательскую процедуру дополнительный уровень анализа между описанием "конкретов" и созданием "абстрактов" (выделение культур, локальных индустрий, зон и др.), задача которого определить реальные познавательные возможности источников на основе: геоархеологических характеристик памятников, выявления их функционального назначения и определения условий формирования комплексов инвентаря. Успешное решение источниковедческих задач в палеолитоведении возможно на базе реконструкций технологического и хозяйственного порядка и изучения древней производственной деятельности. Игнорирование этого этапа исследований, часто встречающееся в реальной практике, приводит к навязыванию источникам несвойственной им информации. Если комплекс инвентаря, который, как показал Л.С. Клейн, может быть только примером информационной вырезки, рассматривается как полноценный банк данных о хронологии и стадиально-культурной позиции этого памятника, заложенных в п р е д с т а в л е н н о м наборе изделий, то, в случае с небольшим объёмом материала, когда аргументация строится на о т с у т с т в и и каких-нибудь видов изделий, ещё надо доказать, что они действительно не использовались носителями этой индустрии, а не отложились на других её памятниках. Включение источниковедческого анализа в практику палеолитоведения ставит новую проблему: как могут появляться в материале, предназначенном для выполнения производственных функций, собственно эволюционные и культурные процессы? Ясно также, что другие категории материала палеолита (жилища, произведения искусства и др.) нуждаются в разработке собственных процедур анализа этих источников и выявления их познавательных возможностей.

Кузьмин Я.В., Черняк А.В.
ДВО РАН
Тернопольский госпединститут

ПАЛЕОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДОЛИНЫ р. БУРЕИ (ДАЛЬНИЙ ВОСТОК [illegible])

В долине р. Буреи в 1982 - 91 гг. изучен ряд древних поселений (Нестеров, Гребенщиков, 1991). В 1991 - 92 гг. были получены палинологические и радиоуглеродные данные для поселений

Сухие протоки-2, Букинский ключ-2, Большие Симичи. Все изученные поселения располагаются на высокой пойме р. Буреи; общее строение разрезов отложений представлено переслаиванием наилков и погребённых почв (до 3-х почв на стоянке Большие Симичи).

Поселение Сухие протоки-2 относится к урильской культуре раннего железного века. Из отложений, непосредственно подстилающих культурный слой, получены спорово-пыльцевые спектры со значительным содержанием пыльцы широколиственных пород и наличием антропогенных индикаторов - пыльцы капустных, подорожника, культурных злаков. Вероятно, эти спектры отражают наиболее ранний этап заселения стоянки в среднесубореальное время, около 3000 лет назад. В спорово-пыльцевых спектрах урильского культурного слоя отражено изменение растительного покрова окрестностей стоянки от берёзовых и лиственнично-берёзовых лесов с марями и болотами (в нижней части слоя) к берёзово-широколиственным лесам с лиственничными марями в пределах поймы. Для урильского культурного слоя получен ряд радиоуглеродных датировок - 2850 ± 40 (ЛЕ-2259) л.н., 2845±35 (СОАН-2722) л.н., 2810±30 (СОАН-2723) л.н., 2625±30 (СОАН-2724) л.н.; в календарном летоисчислении - 1070 - 797 гг. до н.э.

Древнее поселение Сухие протоки-2 существовало на рубеже суббореального и субатлантического периодов голоцена (позднесуббореальное похолодание, нижняя часть слоя; раннесубатлантическое потепление, верхняя часть слоя).

Для культурного слоя стоянки Букинский ключ-2, относящейся к мохэской культуре (УП в. н.э.), спорово-пыльцевые данные свидетельствуют о растительности берёзовых лесов в долине р. Буреи и о произрастании лиственично-берёзовых лесов на склонах окрестных низкогорий. Среди пыльцы травянистых растений присутствуют такие антропогенные индикаторы,как крапива, полынь, гвоздичные, молочайные, кипрейные. Для культурного слоя (жилище № 1) получено несколько радиоуглеродных датировок: 1320±40 (Ки-3751) л.н. (календарная дата 660-696 гг. н.э.), 1780±80 (ГИН-6779) л.н. (128-343 гг. н.э.), 1840±40 (ЛЕ-3588) л.н. (118-228 гг. н.э.), 2040±80 (ГИН-7237) л.н. (169 г. до н.э. - 28 г. н.э.; 42 - 51 гг. н.э.).

Формирование культурного слоя стоянки Букинский ключ-2, вероятнее всего, относится к потеплению в середине субатлантического периода голоцена, около 1500 лет назад.

Для культурного слоя стоянки Большие Симичи (мохэская культура) получена большая серия радиоуглеродных датировок. Жилище № 1: 1500±50 (ЛЕ-3589) л.н. (498 - 544; 510 - 662 гг. н.э.); 1530±30 (Ки- 3750) л.н. (472 - 524; 502 - 574 гг. н.э.). Жилище № 2: 2330±90 (ГИН-6780) л.н. (487 - 436; 425 - 378 гг. до н.э.); 1560±40 (ГИН-7238) л.н. (428 - 549 гг. н.э.); 1760±40 (ГИН-7239) л.н. (226 - 265; 280 - 334 гг. н.э.). Жилище № 3: 1760±40 (ГИН-6781) л.н. (226 - 265; 280 - 334 гг. н.э.); 1810±40 (ГИН-7240) л.н. (134 - 223 гг. н.э.). Жилище № 4: 1650±70 (ГИН-6955) л.н. (264 - 281; 334 - 464; 475 - 530 гг. н.э.); 1620±40 (ГИН-6954) л.н. (396 - 442 гг. н.э.); 1580±40 (ГИН-6953) л.н. (419 - 540 гг. н.э.).

Касаясь взаимодействия природы и человека в раннем железном веке и средневековье в долине р. Буреи, необходимо отметить появление пыльцы культурных злаков около 3000 лет назад, а также сведение в средневековье (Букинский ключ-2) хвойных лесов в долине р. Буреи и на прилегающих склонах и замена их вторичными березняками.

Дашибалов Б.Б.
Бурятский институт
общественных наук

О ДАТИРОВКЕ КЕРАМИКИ С РАСТИТЕЛЬНЫМ ОРНАМЕНТОМ

Обширные материалы, полученные ангарской экспедицией, постоянно привлекают внимание учёных. И.В.Асеев, изучая коллекции ангарских островов, отмечал, что керамика с растительным орнаментом в виде виньеток и завитков, которая встречается в слоях бронзового века, кроме того присутствует и в верхних горизонтах курыканского времени. Это обстоятельство, по мнению исследователя, может свидетельствовать о преемственности культур этих эпох и показывает вероятность участия населения бронзового века в формировании курыканской культуры (Асеев И.В., 1989).

Наиболее масштабные работы были проведены на двух ангарских островах (Сосновый и Лесной). Именно на них в большом ко-

личестве найдена керамика украшенная резным растительным орнаментом, до этого не отмеченная в археологических комплексах Байкальской Сибири. Всего на Сосновом и Лесном островах выявлено 4 слоя (I - слой раннего железного века, 2 - бронзового века, 3 - глазковского времени, 4 - слой китойско-серовского времени). В верхнем слое раннего железного века встречалась также керамика типичная для средневековой курумчинской культуры, но, как указывали авторы раскопок, разграничить вследствие распаханности, материалы этих эпох не представлялось возможным, поэтому оба этих слоя были объединены в один - раннего железного века (Окладников А.П., I95I.С.26). Надо сказать, что и слой бронзового века в ряде случаев оказывался нарушенным, следовательно, стоянки этих островов надо относить к числу "смешанных", где археологический материал стратиграфически не отделяется, и это вызывает сильные затруднения в определении его хронологии.

К какому же времени относится керамика с резным растительным орнаментом? По вышеприведённому мнению И.В.Асеева её истоки уходят в бронзовый век. А.П.Окладников чаще всего высказывал мысль, что данная керамика относится к раннему железному веку (I958. С.I8), хотя на научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, отмечая специальные элементы средневекового времени Прибайкалья, он указывал на появление в орнаментации растительного узора (I960. С.5).

Декор, характерный для горшков ангарских острово в виде прочерченных линий, напоминающих стебли растений не является типичным для курумчинской посуды. Несколько похожие мотивы отмечены на четырёх сосудах из поминальника Нурэ, который относится к средневековому времени. Керамика с растительным орнаментом в незначительном количестве встречается среди материалов Унгинского и Усть-Тальцинского поселений, дата которых определяется XШ - XIУ веками нашей эры. Кроме того, обломки горшков, украшенные прочерченными линиями, найдены на западном (стоянка Тетериха - сборы П.П.Хороших), и восточном (бухта Аяя - сборы В.В.Свинина), (у впадения р. Калиновки в Байкал - сборы И.А.Батуева) и северном (городище Байкальское - I, раскопки А.В.Харинского) берегах Байкала. Эти материалы, кроме керамики с растительным узором с городища Байкальское-I, которое

А.В.Харинский относит к рубежу эр (I992. С.II8), не могут быть продатированы в виду переотложенности слоя стоянок.

Очевидно, к средневековью относятся и каменные плитки с Ханхайского городища, гравированные стилизованным растительным орнаментом. Совершенно не случайно А.П.Окладников декор этих плиток сопоставлял с орнаментом венгерских пластин для украшения сумок, которые датируются X в., и появление этого орнамента связывал с распространением иранских или среднеазиатских тканей (I96I). Нельзя исключать и того, что эти мотивы могли перейти на байкальскую керамику и со среднеазиатской торевтики. Г.А.Фёдоров -Давыдов изучая искусство средневековых кочевников, отмечал появление в это время нового стиля нацеленного на передачу всепроникающего движения, новый мотив этого движения - "растительный побег своим бесконечным стеблем с ритмично расположенными листьями" (I976. С.62). Пышный орнамент в виде процветших отрезков спирали и листовидных узоров имеется на средневековой керамике из "болотных" городищ Средней Азии (Толстов С.П., I962. С.II6). Сосуд с растительным узором подобным орнаменту курумчинского горшка из памятника Нурэ (квадрат II-I8) найден в могильнике IX - X вв. на Алтае (Алёхин Ю.П., I990. С.75). Таким образом, мы видим, что растительная орнаментация получает повсеместное распространение в средневековую эпоху, что позволяет нам отнести её появление в Байкальской Сибири также к этому периоду.

Резюмируя, можно сказать, что предположение И.В.Асеева о влиянии на сложение курумчинской культуры племён бронзового века не вызывает возражений и, вероятно, оно правомерно, но материалы ангарских островов аргументирующие положение выбраны не совсем удачно, так как они не обеспечены надёжной хронологией. Эти вопросы могут быть решены после проведения новых полевых исследований и получения хорошо датированных керамических комплексов.

Лисицын Н.Ф.
Институт истории
материальной культуры РАН

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ СТОЯНКИ МАЛАЯ СЫЯ В ХАКАСИИ

Малая Сыя вошла в научную литературу как памятник начальных этапов позднего палеолита, датируемый временем 33-34 тыс. лет назад. Просмотр полевых отчётов, коллекции Н.Д.Оводова и геологических разрезов позволяют автору данной статьи высказать иное суждение о возрасте стоянки.

Стратиграфия поселения далеко не безупречна, так как культурный слой смещался вниз по дну древнего лога. Предполагается, что наличие мерзлотных клиньев в слое позволяет датировать археологические находки временем не моложе рубежа каргинского межледниковья и начала сартанского оледенения, т.е. 23 тыс. лет. Можно возразить, что подобные криогенные нарушения могли возникнуть не только в начале оледенения, но также в середине или даже второй половине. По данным С.М.Цейтлина (1979) максимум холода и увеличение числа мощных морозобойных клиньев, разбивающих нижележащие отложения фиксируется в период 16 - 19 тыс. лет назад. Таким образом, формирование культурного слоя Малой Сыи могло происходить в отрезок времени в пределах 20 - 22 тыс. лет. Интересно отметить, что во время полевого семинара на стоянке в 1992 г. часть специалистов предложила существенно уменьшить геологический возраст находок и ограничить их пределами 22 - 28 тыс. л.н.

Фауна стоянки включает остатки 17 видов животных, но основное количество костей принадлежит северному оленю. Следует заметить, что в мустьерских (каргинских) отложениях этот вид животного, судя по пещерным памятникам, не представлен. Нет его на Енисее и на стоянке Куртак-4 (серия дат в 23 - 24 тыс.л.), хотя кости мамонта довольно многочисленны. Впервые северный олень в небольшом количестве фиксируется в хронологический промежуток 22 тыс.л. на стоянке Сабаниха. Основное место в качестве охотничьей добычи это животное начинает занимать в период 20 - 18 тыс. л. (Тарачиха, Шленка, Каштанка-1), а в более позднее время северный олень составляет 90% всей фауны (Новосёловские стоянки). Таким образом, наличие и количество в палеофауне данного зверя может служить датирующим признаком. Большое количество северного оленя в Малой Сые даёт возможность датировать находки не ранее 22 тыс.л. Находки немногочисленных костей носорога не противоречат предложенной дате, так как этот вид исчезает в Южной Сибири 19 - 20 тыс.л.н. Кроме того неизвестно, где найдены эти кости. В своём отчёте за 1975 г. Н.Д.Оводов сообщает о сборах подъёмного материала в карьере, В.Е.Ларичев (1981 г.) указывает на находки на дне жилищ, т.е. ниже уровня культурного слоя.

Абсолютные даты получены по двум костным образцам и двум определениям по углю. Наиболее достоверная дата получена по углю, выбранному Н.Д.Оводовым из культурного слоя - 20370±340(СОАН -1124). Привязка к культурному слою костных образцов В.Е.Ларичева с определениями 33 - 34 тыс.л. проблематична, так как в год сбора фауны (1975 г.), судя по отчётам, раскопки стоянки ещё не производились. Уголь, сданный В.Е.Ларичевым в качестве палеолитического дал дату всего в 3 тыс.л. При таком разбросе определений логика исследования требовала отбора дополнительных проб из культурного слоя, но за точку отсчёта возраста находок были взяты почему-то определения по кости.

Палинология позволяет существенно уточнить возраст стоянки Малая Сыя. Литологический горизонт, подстилающий культурный слой и отражающий фазу становления хвойно-таёжного пояса вполне вписывается в рамки конца каргинского межледниковья. Пыльца из слоя находок свидетельствует об обезлесении прилегающих гор и распространении по низкогорью полынно-злаковой степи. Эти данные более соответствуют раннесартанскому похолоданию, чем малохетскому потеплению. Следует отметить, что С.А.Сафарова (1985 г.) прямо связывает образование культурного слоя Малой Сыи с сартанским временем, а сам период образования его, по её мнению, близок фазе холодной злаковополынной степи и холодной межгорной полупустыни. Таким образом, пыльцевые спектры также указывают на возраст стоянки не старше 20 - 22 тыс.л.н.

Археология. Инвентарь Малой Сыи находит наиболее полные аналогии в коллекции стоянки Сабаниха в Хакасии. Расстояние между двумя памятниками по прямой не более 100 км. Среди изделий стоянок очень велика роль пластин и пластинок с ретушью, имеется большая серия разнообразных концевых скребков на пластинах, в том числе с "ориньякской" ретушью. Следует отметить своеобразные двойные концевые скребки и скребки-стамесочки с прямым лезвием. Много зубчато-выемчатых орудий с большими анконами. Есть так называемые "коленчатые" (по В.Е.Ларичеву) ножи. Встречены

плоские остроконечники с краевой ретушью, двойные проколки и проколки со скошенными на углу пластинки шипом. Объединяет стоянки немногочисленность аморфных резцов (со случайными сколами?), единичность долотовидных орудий. Особо следует остановиться на роли скрёбел среди изделий Малой Сыи. Судя по рисункам, часть выделенных В.Е.Ларичевым изделий относится к пластинам и отщепам с ретушью, скребловидным формам на галечных сколах. Типичных "классических" скрёбел нет ни в Малой Сые, ни в Сабанихе. Зато в обоих комплексах имеется значительное количество галечных орудий.

Среди нуклеусов стоянок представлены явно верхнепалеолитические формы с параллельным принципом расщепления при единичности радиальных ядриц. Объединяет комплексы наличие изделий со скошенными к тыльной стороне ударными площадками, значительное количество крупных галечных торцовых нуклеусов и единичность микроформ. Известно, что торцовые микронуклеусы на Енисее широко представлены на стоянках моложе 18 тыс.л., а в более раннее время практически не представлены. В то же время крупные галечные торцовые ядрища кроме Сабанихи и Малой Сыи встречаются в раннесартанских стоянках Куртак-5, Куртак-6, Каштанка. Возможно, клиновидный микронуклеус, проявился в процессе уменьшения со временем размеров галечных торцовых.

На обеих стоянках имеются своеобразные наконечники из рога, удлинённой формы, овальные в сечении и без характерного для позднесартанских изделий паза, прорезанного вдоль длинной оси орудия.

Анализ инвентаря позволяет говорить об однокультурности, а значит и об едином геологическом возрасте двух сравниваемых стоянок. Для Сабанихи даты по углю из раскопа 22930∓ 350(ЛЕ-3611) и 22900∓ 480(ЛЕ-4701) и по кости с разрушенной части стоянки 25950 ∓ 500(ЛЕ-3747). Интересно отметить, что дата по кости, так же как и в Малой Сые, очевидно удревнена.

Таким образом, Малую Сыю следует датировать временем в пределах 22 - 23 тыс. лет назад наряду со стоянкой Сабаниха. Инвентарь двух этих памятников резко отличается как от раннесартанских комплексов с мелкой пластинчатой индустрией типа Тарачихи, так и от позднесартанских орудий афонтовской и кокоревской культур. В Приенисейском крае эти своеобразные комплексы появляются

уже в полностью сформированном виде. Истоки формирования: "ориньякский пласт" Восточной Европы.

Табарев А.В.
Институт археологии
и этнографии СО РАН

О НОВЫХ НАХОДКАХ КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ У С.БОГОРОДСКОЕ НА НИЖНЕМ АМУРЕ

Специалистам по археологии эпохи камня на Дальнем Востоке хорошоизвестна находка древнего рубила у с.Богородское Ульчского района на Нижнем Амуре. Она была сделана во время разведок 1977 г. группой археологов под руководством А.П.Окладникова. В своё время это рубило "ашельского типа" вошло хрестоматийным доказательством присутствия человека на Нижнем Амуре на стадии архантропа в целый ряд обобщающих публикаций и докладов на научных конференциях. Однако 15 лет спустя о нём вспоминают всё реже, оригинал в коллекциях не фигурирует, а сама датировка вызывает у специалистов определённый скепсис.

Напомним, что согласно описанию А.П.Окладникова (Окладников, 1979) древнее рубило и один пластинчатый отщеп из плотной и тяжёлой изверженной породы чёрного цвета были подобраны прямо у подножия вертикального обнажения высокой террасы на бичевнике.

По данным геоморфолога Э.Н.Сохиной в этом районе Нижнего Амура по его правому берегу сохранилась в виде останцов серия среднеплейстоценовых террас. Имеются описания нескольких контрольных геологических разрезов (Троицкий, Сучу, Богородский и Большемихайловский), которые весьма сходны и отражают один и тот же временной период формирования. Рубило из с.Богородского происходило, по мнению Э.Н.Сохиной, именно из среднеплейстоценовых отложений (Окладников, 1979; Деревянко, 1983).

Летом 1993 года во время кратковременной остановки в с.Богородском автору удалось осмотреть знаменитую террасу и её окрестности. К большому сожалению, склоны террасы, её обнажения и бичевник в настоящее время невероятно захламлены мусором, выбрасываемым прямо из домов, расположенных по краю террасы. Никаких

находок здесь не было зафиксировано.

Высокая терраса полого понижается в сторону пристани, и дорога, проложенная по краю берега, имеет отметки не более 3-4 м над урезом воды. Любопытно отметить, что дорога была насыпана и укреплена прямо по слою крупного плотного валунного галечника чёрного цвета. Этот слой галечника подстилает рыхлые отложения террасы и лишь при выходе к воде у пристани параллельно линии берега располагается в доступной для осмотра и использования ситуации. В периоды паводка и высокой воды нижняя часть галечника подвергается воздействию вод и льда.

Именно здесь нами и были найдены каменные артефакты. В первую очередь, это крупное изделие подпрямоугольной формы, выполненное на массивном отщепе размером 13,5 X 5,5 см. По всей вероятности, это заготовка бифасиального орудия. Поверхность покрыта ровными плоскими снятиями, сильно дефлирована. Затем нами были собраны несколько крупных отщепов с краевой ретушью из того же плотного чёрного сырья. Два из них были вынуты непосредственно из слоя галечника в основании полотна дороги. Отщепы по форме близки к треугольным, очень похожи на классические мустьерские образцы. Никаких признаков керамики или следов более поздней каменной индустрии обнаружено не было.

О чём могут свидетельствовать эти находки? Морфологически они действительно выглядят достаточно древними, а возраст самого галечника также не может быть моложе среднего плейстоцена. Однако, не будем пока торопиться с категоричным утверждением. Ни внешний вид, ни возраст самого сырья и его стратиграфическое расположение, ни морфология артефактов не могут однозначно свидетельствовать об "ашельском" возрасте каменной индустрии. При прямом расщеплении крупных галек всегда образуется большое количество "псевдомустьерских форм". А то, что находки отщепов сделаны непосредственно в галечнике доказывает однозначно лишь то, что древними использовался этот вид сырья в наиболее доступном для этого месте - на выходе его из-под рыхлых отложений 18-ти метровой террасы. С другой стороны, наиболее интересным и значимым представляется факт отсутствия более поздней каменной индустрии - индустрии микропластин, столь обязательного компонента дальневосточного археологического контекста финального палеолита.

Таким образом, на сегодня можно говорить о том, что возраст

находок у с.Богородское (конкретно, у террасы) может быть древнее 18-20 тыс. лет. Для более точных выводов необходимы новые исследования. Причём, имеет смысл обследовать аналогичные террасы этого же района у таких населённых пунктов как Софийск, Калиновка, Циммермановка, Мариинское и др. Это позволит решить многие вопросы о характере докерамической эпохи на Нижнем Амуре.

Шевкомуд И.Я.
Хабаровский краеведческий
музей

О РАННЕВОЗНЕСЕНОВСКИХ КОМПЛЕКСАХ НЕОЛИТА НИЖНЕГО АМУРА

Культурная интерпритация неолитических памятников Нижнего Амура основана на результатах раскопок поселения Вознесенское, после которых было выделено 3 культурно-хронологических этапа, или культуры неолита (А.П.Окладников, 1967, с.175-178; 1972). Эта концепция, заложенная почти 30 лет назад, вошла в историографический обзор археологии каменного века Приамурья (А.П.Деревянко, 1972) и в своей основе повторяется во всех работах по неолиту Нижнего Амура.

Между тем, автор концепции - А.П.Окладников - оговаривал её предварительный (следовательно, гипотетический) характер. И действительно, она сонована на материалах лишь одного памятника со сложной стратиграфией, где верхние напластования достаточно сильно перемешаны, и лишь один культурный комплекс (его содержат 2 нижних слоя Вознесенского), во-первых, отделён от других стерильной прослойкой песка; во-вторых, имеет радиокарбоновую датировку (А.П.Окладников, 1972; А.П.Деревянко, 1976). Последние обстоятельства позволяют особо выделить эти материалы как пока единственный на Нижнем Амуре надёжно стратифицированный комплекс с привязкой к шкале абсолютной хроноло:

А.П.Окладников нашёл аналогии ему прежде всего в пос.Малышево (у мастерских РЭБ флота), ставшем эпонимным памятником для самой ранней неолитической культуры Нижнего Амура - малышевской.

Однако такая культурная интерпритация нижних слоёв Вознесенского стала вызывать у нас определённые сомнения, особенно после появления работ, обстоятельнее разделяющих материалы двух более поздних неолитических культур: кондонской и вознесеновской (см., напр.: Д.Л.Бродянский, 1987 и др.). Теперь с кондонской культурой чётко соотносят керамику с ромбовидной орнаментацией, чешуйчатыми и другими фигурными штампами, а с вознесеновской - спиральную, меандровую, и керамику с вертикальным зигзагом. По нашим данным, полученным при раскопках памятников на оз.Удыль, последняя представляет непластинчатую традицию обработки камня. Следовательно, материалы неолитических памятников, связанные с пластинчатой техникой, приходится относить к кондонской культуре (напр., на пос.Кондон - см.: А.П.Окладников, 1983). Тоесть, скорее всего, на Нижнем Амуре мы имеем дело с двумя совершенно различными традициями (или - линиями) развития культур - назовём их кондонской и вознесеновской. (В принципиальном виде аналогичную идею высказывал Д.Л.Бродянский, распространяя свои выводы на весь юг Дальнего Востока - см., например: Д.Л.Бродянский, 1979, 1980). Возникает вопрос: как соотносятся с этими традициями памятники, отнесённые к малышевской культуре? Разбор их позволяет сделать следующие заключения:

1. Описание материалов пос.Малышево (у мастерских), имеющееся в литературе (А.П.Деревянко, А.П.Окладников, 1973, с.115) показывает, что данный комплекс, единый и выдержанный - как на то указывает автор публикации (принадлежит памятникам кондонской традиции, т.к. в нём имеется керамика с "амурской плетёнкой". То же можно сказать об аналогичной посуде из Амурского Санатория, Бычихи и др., отнесённых к малышевской культуре памятников. Подробный анализ их с так называемого культурного своеобразия не входит в задачи данной работы, но есть основания считать, что выделение отдельной культуры в данном случае не оправдано. Тем более, что материалы нижнего слоя Вознесеновки, как увидим ниже, относятся к другому кругу комплексов.

2. Подробное изучение публикаций пос.Вознесенского позволяет утверждать, что аналогии двум его нижним слоям подобраны лишь по одному признаку - наличию гребенчатой орнаментики ("зонально-гребенчатому комплексу" - по А.П.Окладникову, 1972).

Однако, после раскопок в 1972 году жилищ на о.Сучу А.П.Окладников находит и там аналогии комплексу нижних слоёв Вознесенского по зонально-гребенчатой и керамике с красным лощением. Исследователь называет период их существования "эпохой красно-лощенной керамики", не указывая культурную принадлежность (А.П. Окладников, 1973, с.232-233). Казалось бы, можно автоматически "зачислить" Сучу в "малышевскую культуру" (что, кстати, уже делалось некоторыми авторами). Но имеющиеся в литературе публикации керамики Сучу (А.П.Окладников "Древнее искусство Приамурья". Альбом, 1984; Л.Н.Мыльникова, 1986, 1988) характеризуют комплекс, в котором, кроме красного лощения, имеются композиции из спиралей, меандров и др. криволинейных элементов. Имеется там и зонально-гребенчатая керамика, прямо аналогичная Вознесеновской по морфологии оттисков (2-3-зубый штамп с широкими зубцами). Имеются случаи, когда такие гребенчатые штампы сочетаются на одном сосуде с криволинейными элементами.

Сходство описанных материалов Сучу и нижних слоёв Вознесенского позволяет объединить эти памятники в одну культурно-хронологическую группу, которую затруднительно связывать с кондонской традицией, т.к. основу орнаментации её керамики составляют всё же криволинейные мотивы, а пластинчатая техника обработки камня в нём отсутствует или фациально очень незначительна. Сам по себе факт наличия гребенчатой орнаментики в Малышево (у мастерских) и Вознесенском, отмеченный А.П.Окладниковым, не может доказывать их однокультурности. Во-первых, в кондонских памятниках также присутствует значительная фация гребенчатой керамики (см., напр.: материалы Кондона: А.П.Окладников, 1984). Во-вторых, морфология оттисков гребенчатого штампа на той керамике иная, чем в Вознесеновке и Сучу; характерно большое количество зубцов при их мелких размерах (широкозубые оттиски отсутствуют).

Таким образом, место материалов нижних слоёв Вознесенского более целесообразно искать среди комплексов вознесеновской традиции. (часть материалов Кондона, Сучу, Сусанино-4, Малой гавани, Тахты, Максим Горький, памятники оз.Удыль и др.)

Поэтому я предложил бы отказаться от названия "малышевская культура" и именовать комплексы аналогичного типа "ранневознесе-

нскими". Во-первых, это название прямо указывает на их сходство с единственным стратифицированным и датированным по радиоуглероду комплексом такого типа. Во-вторых, название отражает связь и хронологическое соотношение их с памятниками вознесеновской культуры. Возможно, они представляют ранний период (этап) данной культуры.

В заключение можно отметить, что комплексы ранневознесеновского типа распространены на всём Нижнем Амуре. Кроме пос.Вознесенского и Сучу они представлены в Малой Гавани, памятниках оз.Удыль и других.

Абидуев Р.Н.
Бурятский госпединститут

К ЗНАЧЕНИЮ ЭТНОНИМА "ХУРИ" (ХОР?)

Хури - самоназвание бурятского племени (совр. произношение, да и написание хори) широко известно в этнографической литературе Бурятии. Хори - официальное название из четырёх, или пяти основных племён республики Южной Сибири.

Издревле предки бурятских племён и родов селились вокруг и около оз. Байкал, занимаясь в долинах скотоводством, охотой и рыболовством в таёжных местах и по берегам оз. Байкал и многочисленных озёр Южной Сибири (Байкальской). Этот регион, безусловно,развивался в тесной взаимосвязи с племенами и народностями бассейна р. Амур, его притока Уссури (приток которого называется до сих пор Хор). На берегах рек и озёр происходили события, отзвук которых получил отражение в эпических произведениях бурят (булагатов, эхиритов, хонгодоров и хори). В эпосе нашлось место об элементах древнего тотемизма бурят (культ родоначальников в виде зверей, животных и пернатых).

Родоначальницей (эпоха матриархата) первых хури (хунну, - ху - человек, А.Окладников) была мать-лебедица, легенды о которой сближаются с сюжетом известной небесной девы в легендах маньчжур, ойратов, долган и якутов. По легенде хури (хори) сюжет о пернатой-праматери сложился на берегу озера, "действия" относят к острову Ольхон (оз. Байкал), или берегу оз. Өэра-нор

(Чёрное озеро). Лебедь (хун-шубуун, хун по-бурятски) персонаж легенд многих народов, у монголов считалась небесной птицей, её запредали убивать и т.д.

Буряты племени хонгодор (хон, т.е. лебедь) связывали своё самоназвание со словом хон - лебедь, призывали её в своих ритуальных песнопениях, считали родоначальницей, как и тюрки с берегов р. Лебедь, что на Алтае. Широкое распространение сюжета небесной девы (лебедя) в фольклорно-эпических традициях, верованиях и ритуалах свидетельствует о древних корнях носителей этой традиции, к числу которых можно отнести хури, хонгодоров и хангин, как правящий клан маньчжуров,(империя Цин 1644 - 1912). По легенде маньчжур действие сюжета развёртывается на берегу оз. Булухури - истока многих рек Маньчжурии (Китай). Хури, или хор, один из распространённых терминов на Востоке Азии (роды хор в среде маньчжур). Г.Н.Румянцев предполагает, что "вероятно, что хор - мн. число от хо или ху" (Этноним дун-ху - восточные ху, где, вероятно, человек на их языке "ху", от последнего хунну (сюнну, в переводе с кит. злой раб)). Раб синоним самоназвания ху (человек у кочевников) на протомонгольском языке, в то время очень близкого к тюркскому и маньчжурскому языкам. На всех трёх языках есть близкие, созвучные названия домашних животных. В то время названиями родов, кланов становились их тотемы, к примеру, лошадь (морин у киданей), или их масти.

В древние времена у племени хури были два рода, как предполагают, с названиями масти животных "тарайт" (жёлтые) и галзут (бешеные, галзуу нохой, шоно, или морин, т.е. бешеные: собака, волк, лошадь). Бешенство было одно из состояний, болезни животных, что наблюдали и охотники, остерегались от бешеных волков. Названия родов могло произойти от масти коней, к тому же боевых. Воины одного подразделения от другого отличались и мастью лошадей, как у хунну. Масти коней заменяли и древние родовые названия в державе хунну. Эта традиция так же прослеживается у бурят; есть род, ведущий своё происхождение от "рыжего жеребца". Термин "галзут" можно осмыслить не только как бешеный, но и как масть лошади (с звёздочкой на лбу, лысиной (белой полосой)), монголы, да и буряты называют такую лошадь "халзан" (с белой отметиной на голове), а ойраты произносят

"галзан" (вместо "х" употребляя звук "г"). У ойратов тоже есть галзуты, которые лошадь с белой отметиной называют галзан мори, от этой масти коня могло и произойти этническое название "галзут" (мн. ч. от галзан).

Итак, можно предположить, что старейшие роды хори-бурят, так называемые, "шарайт" и "галзут", получили свои названия от масти животных, к тому же тотемных, или просто от масти лошади. Этимология этнонимов уводит нас в глубину веков.

Артемьев А.Р.
ДВО РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОМЫСЛОВЫХ ЗИМОВИЙ В КИРЕНГО-ЛЕНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

В сентябре 1992 г. экспедицией Этнографического бюро (директор О.В.Бычков) при участии Амурского археологического отряда Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН были исследованы остатки двух промысловых зимовий XVIII в. в Казачинско-Ленском районе Иркутской области.

Остатки двух зимовий были обнаружены нами в 0,3 км к югу от современного зимовья в урочище Девиткан на р. Ханда - притоке р. Киренга, впадающей в р. Лена. Первое из них представляло собой западину неправильных очертаний размерами 2 х2 м и глубиной около I м, оказавшуюся подпольной ямой. Толщина слоя в яме не превышала 0,2 м, а по её склонам состояла только из дёрна толщиной 0,06 - 0,08 м. Тем не менее, находки в ней оказались довольно многочисленными. Это железные полка для ружья, нож, струг, четыре каменных грузила, два ружейных кремня, роговая концевая накладка на сложный лук, фрагменты керамических сосудов, обломки тарелки и осколки бутылочного стекла.

Никаких следов сруба за пределами западины не обнаружено. По-видимому, это связано с традицией разбирать старые срубы для новых строительных работ или на дрова. Остатки более позднего зимовья, стоявшего здесь и сгоревшего уже в советское время, хорошо прослеживаются в 2-3 м от нашего раскопа. Оно имело размеры 5 х 6,4 м с развалом печи в северо-западном углу.

Остатки зимовья Девиткан-2 располагались в 30 м от первого и представляли собой западину овальной формы размерами 2 х 3,5 м и глубиной до 0,8 м.Толщина культурного слоя в центре ямы не превышала 0,I м, а на склонах ограничивалась слоем дёрна 0,06-0,08 м. Однако, количество находок здесь было ещё более значительным. Это были свинцовая пуля и каменная формочка для литья пуль, I4 ружейных кремней и восемь их обломков, два неопределимых железных предмета, четыре каменных грузила и четыре точильных камня, два скопления оконной слюды, две пастовых бусины, так называемый "одекуй" молочного и тёмно-синего цвета, одна голубая бисерина, а также обломки фарфоровой чашки. Следов сруба за пределами подпольной ямы не прослеживалось. Между тем, как и возле первого зимовья, в 2-3 м от раскопа хорошо были видны остатки более позднего зимовья размерами 4 х 7 м с развалом печи в северо-западном углу.

Подъёмный материал с территории урочища Девиткан представлен железными орудиями для очистки шкур, светцом для лучин и кузнечными клещами.

Дугаров Р.Н.
Бурятский институт
общественных наук

ПЕРВОЧЕЛОВЕК И ЛЕБЕДИ В ЛЕГЕНДАХ О СОТВОРЕНИИ ЗЕМЛИ...

Интересны и близки по сюжетам легенды амурских и монгольских народов о первочеловеке и лебедях, якобы сотворивших твердь земную. Издревле человек задавался вопросом откуда пошла родная земля, на которой он живёт и растит детей, но решал этот вопрос он довольно оригинально. Монгольская легенда гласит, что в древности была одна вода; земли не было, и жизнь зародилась в первобытном океане за много миллионов лет назад. Этот цикл развития органического мира рассматривается "просто": с неба спустился один лама и начал мешать океан железной палкой; океан, подобно маслу, от ветра сгущается, а от огня жидеет. От того мешанья в середине океана сгустился шар земли; от дальнейше-

го мешанья земля отвердела в виде четвероугольника".

Появление первочеловека в данной легенде связано с лебедями. "После того с неба на ту землю спустилось два лебедя, а лама сделал из ногтя самки женщину, из ногтя самца (лебедя) мужчину. От этих двух первых людей произошло человечество. По этой причине монголы не убивают лебедя. Лебедь имеет жёлтые щёки, белое тело и чёрные ноги..." (Г.Н.Потанин). Подобное "родственное" отношение к лебедям сохраняется и у народов Амура, что отмечено в их легендах и мифах.

Разные варианты мифа о лебедях, первых людях, трёх солнцах и стрелке-первочеловеке, сбившем лишние светила есть у всех народностей Приамурья. "В начале света жили три человека: Шанвай, Шанкоа, Шанка. Однажды три человека послали трёх лебедей нырять, чтобы достать для земли камней и песка. Птицы нырнули. Семь дней были они под водой. Вышли, смотрят, земля растёт. Амур течёт. Тогда три человека сделали человека по имени Кадо (Ходай, сравни с Хотой, Хото - орёл у якутов, бурят) и женщину Джулчи. Потом деву по имени Мамилжи. Народ размножился и занял территорию, соседнюю с Амуром". (Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, с.164)

Разные варианты легенд о лебедях-прародительницах сохранились у племён и народов Сибири; монголы называли лебедя небесной птицей. Вели от лебедя своё происхождение роды бурят шошолог, хонгодор и хори. Лебедь была тотемом ряда родов якутов, наряду с орлом, вороном и т.д. Пернатые весьма почитались якутами и бурятами. Хонгодоры, хори-буряты совершали возлияния молочной водкой и молочными продуктами при обрядах встречи и проводах лебединых стай весной и осенью. Табу на лебедя сохраняется в среде бурят и монголов до сих пор. Своеобразие культа почитания лебедя-прародительницы сохранилось в фольклоре народов Сибири, в частности народов Приамурья, Приморья и Сахалина. Много интересного в фольклорном наследии народов Востока Сибири можно выявить сравнительно-сопоставительным анализом сюжетики легенд, мифов и преданий нанайцев, нивхов, удэгейцев, гольдов и ульчи с бурятскими и якутскими. Ульчи живут в селе Монгол, а в Уссури впадает река Хор на берегу которой есть посёлок (ж.-д. станция) Хор. Тибетцы своих соседей монголов называли терминами сок, или хор, которые имеют значения на языке тибетцев;

пастух, чабан и кочевник. Хорами в Тибете назывались и уйгуры (уй-хор) в УШ в., позднее этим же термином тибетцы называли и монголов-сок. С древних времён предки народов низовья Амура имели связи с кочевыми ордами; племенами верхнего Амура и Забайкалья, о чём свидетельствуют данные мифологии, эпики и этнологии. По преданию когда-то в древние времена предки монголов жили по берегам р.Эргэнэхон, точнее в местности с таким названием. Буряты сохранили это название за рекой Аргунь (по-бурятски Эргэнэ-гол). Река Аргунь - один из верхних притоков Амура. Возможно, в древние времена по названным рекам спускались вниз по течению отдельные группы беглых, рабов и т.д., внеся своё неповторимое в устное народное творчество народов Амура. Любили жители Амура цикл сказаний Гэсэрун на своём родном языке, лишь название сказов, легенд отчасти напоминает читателям об эпических сказаниях о богатыре тюркско-монгольских и тибетских народов Гэсэре, тысячелетие которого отмечается в Бурятии.

Изучение устного народного творчества, в том числе таких как о сотворении Земли, первочеловеках и лебедях, раскрывает своеобразие сюжетики, взаимовлияний фольклора разных народов и их влияний на современную действительность. Древнее табу на лебедя в современных условиях становится действительным и приобретает иную окраску, но сохраняется в окрестностях с. Монгол, или Хор и т.д.

Кобко В.В., Крупянко А.А.
Приморский гос. объединённый музей им. В.К.Арсеньева

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ У ЧУКЧЕЙ
(ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ)

I. Чукчи - самый многочисленный народ в гр. северо-восточных палеоазиатов (1979 г. - около 14 тыс. человек). Они делятся на приморских охотников и на оленеводов в соответствии со спецификой их хозяйственной деятельности и территориальной дислокацией.

Формирование традиций вооружения и защиты у северо-восточных палеоазиатов протекало бурно под влиянием южных, имеющих богатый военный опыт, соседей. Так же бурно они менялись в связи со знакомством с огнестрельным оружием русских первопроходцев. Все эти процессы происходили в исторически сжатые сроки, но достигли определённого уровня в своём развитии, вобрав как привнесённый опыт, так и специфические национально-территориальные черты.

Изучение военного дела у чукчей и их ближайших соседей упирается в проблему малочисленности и плохой сохранности предметов вооружения, имеющихся в распоряжении современных исследователей. Можно утверждать, что большая часть доступных для научной обработки материалов получила достаточно полное отражение в литературе (Антропова, 1957). Тем интереснее является любая новая информация по этому вопросу как для этнографов, так и для археологов.

2. В сонову наших исследований легла коллекция предметов, собранная и переданная музею Геком Ф.К. (1885), Шенеберг А.С. (1927) и Фельдманом Е.К. (1927):

Лук сложный (153,7 х 5,2 см) состоящий из двух планок, склеенных между собой и покрытых с лицевой стороны тонким слоем сухожилий. Сверху лук был обклеен берестой и усилен по наружной части дополнительной полосой из плетёных растительных волокон, которые увеличивали сопротивление лука. Изгибы его усилены накладками из кожи и оплёткой из тех же волокон. Подобные луки широко использовались чукчами как основное боевое оружие.

В "лучный комплекс", кроме того, входят: пластина для защиты большого пальца руки от ударов тетивы; кожаный колчан для стрел (81 х 26 см), прикрепляемый к спине ремешками, с орнаментом, включающим антропоморфные изображения, на наружной поверхности; наконечники стрел (кость, клык моржа).

Детали защитного доспеха: пластина защитная из клыка моржа (2,3 х 10,5 и 5,3 см), 7 подпрямоугольных бронзовых пластин (размеры каждой 8 х 4 см) с 12 отверстиями для связывания их между собой ремешками.

Особый интерес представляет скульптурное изображение воина в защитном панцире (клык моржа, 3,3 х 5,2 и 1,8 см), характерном для населения крайнего северо-востока в ХУП - начале

XIX вв. На фигурке чётко виден так называемый ленточный панцирь (из 4 лент) в виде раструба, закрывающего нижнюю половину тела воина. Его плечи и голову закрывает специфический для подобного рода доспехов полукруглый симметричный щит. Такие изображения, как и полные комплекты нательного защитного вооружения, у народов чукотско-корякской группы являются большой редкостью.

К предметам вооружения можно отнести и имеющиеся в коллекции музея копьё (клык моржа, дерево) и бола (боло) - связки длинных шнурков с зубами моржа на концах. В большинстве случаев такие виды оружия использовались как охотничие, например, боло - как специализированное оружие при охоте на птицу. Но, судя по фольклорным источникам, такие виды оружия могли использоваться и как боевые (например при единоборствах). Таким же образом могли использоваться и набедренные ножи.

Подобная ситуация в вооружении у чукчей и их соседей сохранялась до тех пор, пока на смену луку пришло ружьё, которое так и не смогло до конца вытеснить его из быта этих народов.

3. Наши исследования показали наличие в фондах музея материалов, интерес которых трудно переоценить. Тщательно сохранённые в своё время они стали сегодня ценным источником для изучения материальной культуры северо-восточных азиатов.

Отаина Г.А.

Институт истории ДВО РАН

ВЫРАЖЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ НИВХСКОГО ЯЗЫКА

I. Выражение категории отрицания в диалектах и говорах нивхского языка в сравнительном плане в литературе не освещалось, неизвестна также и роль этой категории в структурировании предложения.

Мы рассматриваем способы выражения отрицания в амурском и восточно-сахалинском (для краткости - с.д.) диалектах, которые имеют наибольшие фонетические и лексико-грамматические расхождения, привлекаем также р.Пильинский говор, хорошо сохранивший архаичные черты. Примеры даются в приведённой последовате-

льности. Фразовые примеры в целях экономии на с.д. и р.г. даются в тех случаях, когда имеется выраженная разница.

2. Способы выражения отрицания.

2.1. Лексические средства.

В рассматриваемых диалектах и руй.г. имеются специальные глаголы с отрицательным значением. ТАЙГОДЬ/ТАЙГОД/ТАЙГОНТ "не знать - не ведать" и "не слышать", антоним к ИЭГДЬ "узнать-услышать". Примеры: 1. Андх видь аар тайгодьра ни. "Что гость ушёл, я и не знал". 2. Ола пандьри тайгогытт хумдьра ни. "О том, что ребёнок родился, я и знать не знал". Особенности этих конструкций: подлежащее стоит на последнем месте, для полнозначной конструкции требуется какая-нибудь усилительная частица (I), либо деепричастная форма на =т/=р (2).

ЙЫЗУДЬ/ЙАГЗУД/ИАХЗУНТ "не знать чего или кого" и "не уметь делать", антоним к слову ИИМДЬ "знать-уметь". Примеры: 3. Ни ты нивх ыузудь. "Я не знаю этого человека". 4. Мангла умгуда лил, поттьри ыузудь. "Сильна женщина, даже шить и то не умеет". В подобных конструкциях в роли прямого дополнения выступает глагольная форма на =ть/=дь как субстантив.

ЭСКАДЬ/ ЭСКАД/ЭСКАНТ "не любить, отвергать", антонимы к слову эзмудь "любить". 5. Ола ты далк схадь "Ребёнок не взлюбил эту школу". 6. Ытик тогур тааз отнць эскадь. "Бабушка таким способом вышивать орнамент не любит, отвергает этот способ". Особенность конструкций: прямое дополнение, выраженное формой на =ть/=дь требует оформления суфф. будущего времени =ны, транзитив-сказуемое не опускает начальный согласный.

ЫГИДЬ/АГУД/АГУНТ "не желать что-либо делать, передумать". 7. Ытык виндь ыгидь "Отец не захотел идти". Иф вийныке ыгидь "Он хотел было пойти, да передумал". В конструкции нужны либо =ныдь, либо =йны=ке.

2.2 Лексико-грамматические средства выражения отрицания.

2.2.1. Предложения, содержащие сообщения.

В подобных предложениях используются несколько глаголов: ГАВРДЬ/ГАВРД/ГАВРНТ; КАУДЬ; ЛЫГЫДЬ; со значением "не иметь чего-либо" и "не делать чего-либо". Примеры. 8. Ни чха йивдь "У меня есть деньги". Ни чха гаврдь "У меня нет денег". 9. Ни пыт инь=ныгаврдь. "Завтра я не буду есть". 10. Ни ныир иньдь. "Я вчера-ел". Ни ныир иньдох каудь. "Я вчера не ел". 11. Ньуйн

чха йивдь "У меня есть деньги". Ньуйн чха ккудь. "У меня нет денег". 12. Ни ныир иньдь "Я вчера поел". Ни ныир иньдох каудь "Я вчера не ел". 13. Ни пыт иньныдь. "Я завтра поем". Ни пыт иньныгаврдь " Я завтра не буду есть". 14. Ни чха йивгытадь "У меня есть деньги (в достаточном количестве)" Ни чхари лыгыдь. "У меня нет денег" в смысле "я безденежный". 15. Ни ныир иньдь. "Я вчера ел". Ни ныир иньдылыгыдь "Я вчера не ел". Особенность употребления: ГАВРДЬ "не иметь чего-либо" обозначает как временное, так и постоянное отсутствие чего-либо. Глагол КАУДЬ обозначает отсутствие на данный момент. Глагол ЛЫГЫДЬ обозначает скорее постоянное отсутствие. ГАВРДЬ "не делать чего-либо" употребляется, если действие относится к будущему (9,13), глагол КАУДЬ к прошедшему (10,12).

Глаголы КЕРДЬ/КЕРД/КЕРНТ "отказываться чего-либо делать", -молодь тоже самое, только в ам.д. Примеры. 16. Иф инийгердь. Иан инийгерд/гернт. "Он отказывается есть" 17. Иф инийгердь "Он отказывается есть" -Молодь - связаннная основа, т.е. нельзя сказать "Иф молодь". В отличие от глагола кердь он характеризуется повышенной эмоциональностью. Ср. Иф чупгир инийгмоло! "Он совсем отказывается есть". Опущение конечного суфф. =ть/=дь - один из способов выражения повышенной экспрессии.

-ЙИКИДЬ/тэрд/тэрнт "не мочь", не быть в состоянии чего-либо делать. 18. Ни инийкидь "Я не могу есть" (так можно сказать в контексте). 19. Ни муйныт инийкидь. "Я, болея, не могу есть". 20. Йан амх кор иньрерд/иньрернт. "У него болит во рту, и он не может есть". =ЙИКИДЬ - связанная основа в ам.д., ТЭРД/ТЭРНТ в с.д. и р.г. имеет значение "быть слабым".

Сочетание =ЙИРОТ ТЕЗДЬ/=ЙИРО ТЭРД/ТЭРНТ "что-то делать, но не довести до конца", в некоторых случаях соответствует значению НЕДО- в русском языке, напр., недозвался. 21. Ни пнух ныныйрот тездь/Ни пнух нангийро тэрд/тэрнт. "Я искала-искала свою иголку, так и не нашла".

При помощи суфф. =хсу- =ксу- =гсу- =су образуется форма со значением "никогда не делать чего-либо". 22. Иф мупык нийсудь. "Она не ест сома/ вообще". В ам.д. глагол ксудь может употребляться самостоятельно: иф чупгир ксудь "Он никогда не бывает (не приходит)".

Глаголы КАУТАДЬ (ам.д.) "исчезнуть", УЙГИД/УЙГИНТ "не быть"

23. Ётык вир каутадь/уйгид/уйгинт. "Отец ушёл и исчезнул". 24. Ётык вике каутадь/уйгид/уйгинт "Отец шёл-шёл и исчез из виду". В таких конструкциях необходимы деепричастия на =т/=р и =ке.

Вс.д. и р.г. употребляется специальный суфф. =ЙИЛАКР со значением "чтобы не..." 25. Марох ных кыйлакрт йаркуд/ Ма чавчавуйлакрнт йаркунт. "Чтобы юколу не замочило дождём, её укрыли".

В ам.д. эту же мысль можно выразить с помощью другой конструкции. 26. Ма чевчево=гу=ныфтох пыхтьт йытудь. Т.е. необходимо сочетание суфф. =гу и =ныфтох со словом пыхтть "страховаться".

2.2.3. Предложения, содержащие вопрос.
Примеры. 27. Чи ма нидьла? Ты ел юколу? 28. Чи ма нины=гаврдьла? "Ты не будешь есть юколу?" 29. Чи ма нины=дох каудьла? С тем же значением. 30. Чила ма ниныгаврдь? Это ты не будешь есть юколу? 3I. Чи эрк ма ниныгаврдьла? Именно ты не будешь есть юколу? В вопросительных предложениях употребляются глаголы Гаврдь и Каудь. Предложения 29-3I имеют различные смысловые оттенки благодаря частицам.

2.2.4. Предложения, содержащие побуждение.
Примеры. 32. Толдох мыгйа. Иди к воде. Толдох та мыгйа. Не ходи к воде. В говорах с.д. кроме отрицательной частицы та возможно употребление глагола ГАВРД. 33. Толрох маггаврйа. Не ходи к воде.

В ам.д. употребителен также суфф. =Йра со значением предостережения. 34. Чат хыдь ни=йра. Ты-то не вздумай это съесть. 35. Чат хутх ви=йра. Ты-то не вздумай туда пойти. Конструкции этого типа выражают повышенную эмоциональность, о чём свидетельствует и усилительная частица ат "то".

3. О результатах исследования.

Лексико-грамматические способы выражения отрицания в нивхском языке I) не имеют принципиальных различий в диалектах и говорах, ибо они выявляются лишь на уровне формальных показателей, 2) представляют собой активный способ структурирования предложений и являются источником синонимических конструкций. Предложения повествовательные, вопросительные и побудительные, образуемые с помощью категории отрицания, коррелируют с соответствующими разновидностями мысли (суждение, вопрос, побуждение).

При составлении различных разговорников на нивхском языке из методических соображений их следует давать раздельно по диалектам. Использовать лишь необходимый минимум вместе с исходными (неотрицательными) предложениями. Сложные случаи выделять в конце как дополнение.

Примак П.В.
Уссурийский госпединститут

ПРОБЛЕМА МЕХАНИЗМОВ И КЛАССИФИКАЦИИ МАГИЧЕСКИХ ОБРЯДОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

В этнографии неоднократно делались попытки объяснить феномен магии и построить классификацию магических приёмов и обрядов. Одним из первых кто наиболее последовательно занимался этой проблемой был английский этнолог Д.Д.Фрэзер. Типологию магических обрядов он строил исходя из особенностей магического мышления первобытного человека, основанного на двух принципах, закона подобия и закона соприкосновения, заражения. Поэтому он делит магию на два типа: имитативную или гомеопатическую и контагиозную. Но эти два типа он включил в один - симпатическую магию. Так же Фрэзер делит магию на позитивную (активное воздействие на объект) и негативную (защита от магических влияний). Однако концепция Фрэзера не стала общепринятой в этнографии. Дополнить фрэзеровскую классификацию пытался Виркандт. Он разделил магию на два основных типа: "колдовство вблизи" и "колдовство издали" и ввел третий тип - промежуточный - "начинательное колдовство", в котором реальное начало действия сливается с воображаемым результатом.

Другие исследователи магии - Юбер и Мосс дали наиболее общее деление магических обрядов на две основные группы: "ручные обряды", т.е. магические действия, и "словесные обряды", т.е. заклинания. Но эта классификация слишком обобщённая.

Более сложную классификацию предложил Ван Геннеп. Он разделил магические обряды на симпатические и контагионистические, а так же положительные и отрицательные (табу), в сущности как

у Фрэзера. Но далее Ван Геннеп делит колдовские обряды на прямые (где результат ожидается сразу вслед за действием) и непрямые (действие приводит в движение силы, которые производят результат). Кроме того он разделил магические действия на анимистические, связанные с анимистическими верованиями, и динамистические, не связанные с ними. Все эти подразделения взаимно пересекаются. Но классификация ван Геннепа создаёт довольно неопределённые рубрики и не исчерпывает всех разновидностей магии.

Польский этнограф Мошиньский делит все магические обряды на две основные группы: обряды "субмагические", в которых действие само по себе рационально, и обряды "магические", которые он разделил на пять типов: I. Трансляционные, где свойства одного объекта переносится на другой; 2. Трансмиссионные, где действие основано на фиктивном влиянии на объект с помощью предметов, посылаемых в его направлении; 3. Симпатические, где действие основано на влиянии на объект через фактическое влияние на другой объект. Этот тип разделён на два: второстепенно-симпатические обряды (важно само действие) и симпатические (предмет, на который направлено действие, сходен или связан с объектом); 4. Креационные (фиктивное создание объекта); 5. Инцепционные (влияние на будущее событие через его начинания).

Большое место изучению механизмов магических действий уделял крупный исследователь - Малиновский, который считал, что в основе магических действий лежит психофизиологический механизм. Магическое действие Малиновский делит на три равнозначных компонента: I. Эмоционально-психологический (яркий образ в сознании желаемой цели); 2. Вербальный (поток слов, эмоционально окрашенных); 3. Манипулятивный (спонтанное поведение, которое впоследствии становится осознанным).

Новый вклад в изучение магии внёс французский этнограф - структуралист Леви-Стросс. Он рассматривал магию с социологической стороны, используя теорию психоанализа, что отличает его исследования от выше перечисленных. Леви-Стросс выводит понятие "комплекс шаманства", который состоит из трёх видов опыта: во-первых, опыта самого шамана, который испытывает специфическое состояние психосоматического свойства (на языке психоанализа, он - отреагирующий); во-вторых, клиента, который чу-

вствует изменение или не чувствует его; в-третьих, зрителей, которые участвуют при этом и получают интелектуальное и эмоциональное удовлетворение, испытывая согласие с верностью обряда, т.е. их одобрение. При этом клиент и шаман составляют пару с разными полюсами (у колдуна избыток эмоционального потенциала, а у клиента недостаток). В процессе обряда их потенциалы выравниваются, и важную роль здесь ещё играет общественное одобрение и соучастие. Но Леви-Стросс рассматривал, главным образом, шаманскую лечебную практику, поэтому его классификация не отвечает полностью другим видам магических действий.

Следует также упомянуть исследования этой проблемы Эванс-Причарда, Элкина, Парсонса, Уайтхеда и др.учёных-этнографов, религиеведов и т.д.

В нашей стране также занимались проблемами классификации магических обрядов. Так советский этнограф Е.Г.Кочегаров придерживался классификации магических обрядов по их психологической основе. Он делит магию на четыре типа: I. Гомеопатическая (симильная) магия; 2. Парциальная (голофрестическая) магия; 3. Контагиозная магия; 4. Эпактиолатическая магия (т.е. основанная на идее противоположности). Так же он делит магические обряды на две основные группы - профилактические (предохраняющие), которые подразделяются на четыре типа: апотропеические; диссимуляционные; витативные; криптические обряды и протрептические (продуцирующие), которые он подразделил на восемь типов: обряды карпогонические, копулятивные, дизъюктивные, катартические, гиластические, дефиксионные, мантические и сакраментальные.

Другим учёным, исследовавшим общие проблемы магии, был С.А. Токарев. Используя труды предшественников, он составил более развитую типологию магических обрядов. Им были выделены следующие типы магических действий: I. Контактная магия (контакт между носителем силы и объектом, на который направлено колдовство); 2. Инициальная магия (реально производится только начало действия, окончание его производит магическая сила); 3. Парциальная магия (влияние на объект через его замес[illegible]ля, т.е. частицы этого объекта); 4. Имитативная магия (влия[illegible]ие на объект через его подобие); 5. Апотропеическая магия (отгоняющая враждебные силы); 6. Катартическая магия (очищающая от злых влияний). Вербальную магию Токарев считает аккомпонементом к совер-

шаемому действию.

Завершая краткий обзор проблемы исследования магических обрядов следует отметить, что несмотря на многочисленные исследования в этой области, не выработано ни универсального и единого объяснения этого явления, ни единой, общепринятой классификации магических обрядов.

Раднаев Р.Д.
Бурятский институт
общественных наук

"СОБАКА". ТАБУ, ИЛИ ИНВЕКТИВА

Одно из первых домашних животных собака, (доместификация произошла в позднепалеолитическое время) вызывает разные оттенки любви, нежности, внимания, ненависти, гадливости почти у всех народов мира, некогда была объектом почитания, табу, культа и т.д. А между тем слово "собака" и ругательное выражение, весьма сильное на всех монгольских языках. Табуированность культового животного собака перешла в свою противоположность (в инвективу, ругательное слово: "собака" ругательное слово на языках народов России).

Сопоставление значения и смысла слова "собака" на разных этнокультурных традициях Запада и Востока выявляет особенности и закономерности перехода слова табу "собака" в свою противоположность (чёрная собака, прохвост и т.д.). Но было время, когда эскимосы, согласно их мифа, считали, что сначала на земле существовали только эскимосы, а другие народы появились после того, как одна эскимоска вступила в брак с собакой. Сюжеты подобных легенд популярны у народов севера Азии и Америки. Сириусу из созвездия Большого Пса древние римляне приносили в жертву собак с рыжей шерстью.

У бурят северо-восток был плохой стороной света, где по их представлениям располагалось собачье царство. В бурятской сказке "О собачьем царстве" женщины рождаются людьми, а мужчины - "собаками". Рядом были царства: Сорочье, Овечье. Охотник из сорочьего царства женится на женщине из Собачьего царства,и, естественно, у его сына, ставшего князем, дяди были "собаками". Эта сказка - отзвук древних представлений о собаках-тотемах.

В древних охотничьих, животных эпосах достаточно упоминаний о родах, ведущих своё происхождение от собаки-тотема; легенды на эту тему известны у тунгусо-маньчжурских и приамурских народов.

Прокопенко В.И.
Уральский госпединститут

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТРАДИЦИЯХ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА

Изучая исторические сведения о традициях физического воспитания народов Севера, мы пришли к выводу, что для более правильного осмысления этого процесса надо значительно глубже вникнуть в самобытный духовный мир и философию этих народов, в особенности, поэтику их фольклора. В различных произведениях устного народного творчества северян - сказках, легендах, преданиях, мифах, песнях и др., содержится богатейший материал, дающий уникальные сведения о жизни и деятельности этих народов. Наши исследования показали, что прежде чем исследовать прошлые традиции народного воспитания северян, обязательно надо начинать изучать его фольклорное наследие. Такой подход позволит значительно быстрее "войти" в "исследуемый народ", понять его психологию, отношение к окружающему миру, природе, к труду, в том числе и к традициям физического воспитания.

Традиционно у народов Севера с помощью фольклора вырабатывались нравственно-этические основы воспитания, прежде всего, промысловика, оленевода. В этом аспекте многие богатырские и героические сказки, легенды, мифы, предания и др. составляли неотъемлемую часть целенаправленного воспитательного процесса. Для молодого поколения народов Севера народный эпос, в частности богатырский и героический, несёт в своей направленности огромный психологический и нравственный заряд,который, воздейст-

вуя на психику и сознание детей и подростков, вызывая у них естественную тягу и потребность к подражанию своим мифологическим героям-богатырям. В этом, зачастую, собирательном образе были сконцентрированы черты идеала промысловика, оленевода: он быстр, силён, ловок, вынослив, бесстрашен, меток, добычлив, скромен, честен, строго соблюдает законы охоты и природы и многое другое. Быть похожим на такого героя-богатыря было мечтой каждого молодого человека. Именно такой человек, обладающий высоким уровнем физических и психических качеств настоящего промысловика, был любимцем всего народа, особенно детей и подростков.

Задача нашего исследования состоит в следующем: выявить как исторические фольклорные сведения отражают традиции физического воспитания народов Севера.

В фольклоре этих народов герои-богатыри всегда наделены феноменальными физическими возможностями, которыми они обладают. Главным из них является сила. В ительменской сказке герой Тылва показывает свою силу в сжатии в кулаке кости, с которой после этого посыпались мелкие кусочки да мука. В ряде других сказок это качество проявляется через какие-то действия героя, например, "он грёб с такой силой, что из-под весла вылетали целые горы воды...". В некоторых сказках, легендах сила богатыря сравнивается с силой медведя, одного из почитаемых зверей за огромную его силу некоторыми народами Севера. Силой наделён не только молодой богатырь, но и человек преклонных годов. Это говорит о том, что силу надо уметь сохранить до конца своей жизни, быть готовым к её проявлению в сложных экстремальных условиях. Иногда силы богатыря определяются поднятием или ношением на спине большого веса (каких-то зверей), например, "он легко держал на себе оленя", или "он был силён, нёс на спине две бараньи туши". Сила не давалась человеку просто так, её надо было систематически тренировать. Мы видим как герои богатырского фольклора ежедневно тренируются, чтобы всегда быть в"силовой форме". Часто герой показывает свою силу не в самих действиях, а опосредованно, например, "лук его - семьдесят саженей" или "железный лук", который богатырь натянул и сломал, или стрела его - "тридцать саженей", или "стрела пускалась с такой силой, что на лету пронзала тридцать Юргов".

Не меньшее значение в народном эпосе северян уделено другому физическому качеству - выносливости. Для народов Севера - это одно из важнейших физических качеств, которое в значительной мере считалось определяющим для промысловика. Выносливость по данным фольклора народов Севера проверялась чаще в беге, в беге на лыжах по глубокому снегу. Это видимо было связано с тем, что северянину приходилось иногда по нескольоко суток гнать зверя, чтобы его убить. Поэтому не зря мы встречаем в сказках такие сравнения-описания, как, например, это: "...он на бегу по глубокому снегу на голицах бекал за оленем, догонял его" или "быстрее оленя бегал", или "на бегу кебаранонку догонял". Фольклор народов Севера показывает, что человек, попав в тяжёлые условия-испытания, не отчаивался, а продолжает борьбу за свою жизнь и почти всегда выходит победителем. При этом немаловажное значение имела его выносливость. Вот один из примеров: "когда провалился Лэся по пояс в снег, он смог в этом снегу бежать за упряжкой. Он оленей запалил, но сам не устал, не запыхался". Такие сказки были поучительны для молодого поколения, они заранее готовили их к трудности, к испытанию, к преодолению их, а для этого надо было иметь хорошую выносливость во всём.

Исторический фольклор северян фиксирует и такое физическое качество, как быстрота. С одной стороны, быстрота, вроде бы, не присуща народам Севера, если учесть их образ жизни, климат, промыслы, психологию самого народа, однако, фольклорные сюжеты говорят о другом. Феномен быстроты в эвенкийской сказке так отражён: "быстрее оленя бегал герой". Быстрыми были и юноши чукчей. Они прямо на бегу хватали оленей. Быстрота у народов Севера практически всегда сравнивалась с быстротой оленя, одним из самых быстрых животных тундры. Так в ненецкой сказке "Про неняг" говорится, что было два бедовых-удалых человека. От их резвости не уходил ни один быстроногий олень. Они на спор догоняли в тундре любого оленя.

Народы Севера по историческим фольклорным сведениям обладали и ловкостью. Герои-богатыри фольклорных произведений во время своих сражений совершали чудеса, проявляя при этом не только силу, выносливость, быстроту, но и ловкость. Ловкость испытывалась, подчас, в сложнейших условиях, иногда непостижи-

ных для нашего понятия и даже как бы нереальных ситуациях. Например, богатырь успевал отскочить от стрелы, пущенной в него, или сразу от нескольких стрел. Такая реакция ловкости были характерны многим народам Севера - чукчам, эвенкам, нивхам, хантам и др. Ловкость сравнивается с быстротой "стрижа" или богатырь успевал на лету схватить топор и со всего маху обратно бросить его в своих врагов.

По данным фольклора мы видим, что все физические качества имели единую основу и единый смысл. Быть сильным, значит быть выносливым, быстрым, ловким и т.д. С учётом таких требований и строился весь исторический процесс воспитания детей и подростков у северян.

Фольклорные произведения подробно знакомят нас и с тренировочным процессом героев-богатырей. При этом достаточно квалифицированно передаются те или иные физические упражнения, их трудность выполнения, продолжительность и этапность. Из фольклорной информации узнаём, что богатыри занимались физическими упражнениями даже в ночные часы, всё это они проделывали осознанно, ибо кто забрасывал тренировки, тот всегда терпел поражение в борьбе со своим врагом (врагами). Такие сведения положительно влияли на подрастающее поколение народов Севера, они являлись как бы негласным наставлением, давали толчок для самосовершенствования своего физического состояния.

Фольклорное наследие северян знакомит нас и с народными играми и состязаниями, в которых участвовали богатыри, и, в которых они выходили победителями. При этом даётся подробное описание отдельных видов состязаний и игр, техника их исполнения, правила проведения, многое другое.

Таким образом, исторические фольклорные сведения о традициях физического воспитания народов Севера несут в себе колоссальную, доселе малоизученную информацию, которая должна явиться основой для возрождения прогрессивных элементов традиционного физического воспитания.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие I

I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Авилова И.К., Ситникова Н.А. Из истории колонизации Приамурья и Приморья выходцами из сопредельных стран Азии (Китая и Кореи) 4

Артемьев А.Р., Кудрин А.Ю., Лобанов А.Ю. Албазинский Спасский монастырь 1671 - 1685 гг. 7

Мухачёв Б.И. Белогвардейский генерал В.Г.Болдырев и его книга "Директория. Колчак. Интервенты." 8

Галямова Л.И. Приморский пролетариат во второй половине XIX - начале XX вв. 12

Гнатовская Е.Н. Гражданская война и интервенция в политическом сознании железнодорожников 16

Дацышен В.Г. Китайцы-земледельцы в Приморье во 2-й половине XIX века. 18

Жуковская Е.Н. Каменная летопись Хабаровска (к истории религии и культуры) 21

Зуев В.Н. Войска охраны КВЖД и КВЖД как объект охраны 24

Козыренко Н.Е. Город Охотск - градостроительный феномен 28

Кротова Н.В. Деятельность дальневосточных биржевых комитетов (на примере Харбина) 31

Курбатов Ю.И. Польская колония Владивостока 34

Куцый В.Ю. События 30 - 31 марта 1921 г. во Владивостоке ...37

Лобанов В.Ф. Семейские старообрядцы на Дальнем Востоке (втор. пол. XIX - нач. XX вв.) 39

Мандрик А.Т. История отечественного китобойного промысла на Российском Дальнем Востоке в XIX - начале XX 43

Петров И.Б. Патриотические начала в событиях политической борьбы на юго Дальнего Востока (январь - сентябрь 1920 г.) ...46

Позняк Т.З. Структура занятости населения Владивостока в конце 70-х годов XIX в. 50

Прозорова Г.В. Первый епископ Владивостокско-камчатской епархии Евсевий (Никольский) 53

Семёнова Р.Д. Христианский "реализм" К.Н.Леонтьева 57

Семёнова Р.Д., Гнатовская Е.Н. Публицисты "Отечественных записок" о Земской реформе 1864 г. 59

Сердюк И.В. Формирование поликонфессионального славянского населения Дальнего Востока России (1858 - 1917 гг.) 63

Супрунова Е.П. К вопросу о русском национальном характере 65

Суворов В.А. Из истории становления приграничной торговли 68

Хлебникова В.Б. П.А.Ровинский в Сибири и на Дальнем Востоке 71

Белоглазова С.В. К вопросу об идейно-политической борьбе середины 20-х годов в литературно-художественной среде Дальнего Востока 75

Троицкая Н.А. "Водочные короли" Пьянковы. Из истории предпринимательства в Приморье 78

Ващук А.С. Тенденции в социальных отношениях в России и их проявления на Дальнем Востоке (80-е - начало 90-х гг. XX в.).....81

Власов С.А. К проблеме истории отношений центра и Дальневосточного региона в годы Советской власти 86

Володарская Е.П. История становления средней школы на Дальнем Востоке в документах 90

Горкавенко Н.Л. Из истории дальневосточных краеведческих организаций (20 - 30-е гг.) 91

Григорова Л.К. В.К.Арсеньев - директор Хабаровского краеведческого музея (сентябрь 1924 г. - декабрь 1925 г.) 94

Ермакова Э.В. Репрессии против преподавателей Дальневосточного государственного университета 97

Зилова К.Н. Стенограмма вечера, посвящённого В.К.Арсеньеву, в собрании литературного отдела Хабаровского краевого краеведческого музея 100

Ильиков А.А. Трудовые почины и отражение роли трудовых усилий народа в советской истории (методология проблемы).....103

Куцая М.А. Православно-богословская концепция "христианского служения миру" 106

Осипов В.Н. О развитии исторического краеведения в Ивановском районе Амурской области 108

Лазарева С.И. Административно-управленческий аппарат на Дальнем Востоке России в 20 - 30-е годы 113

Макаренко В.К. Из истории высшего педагогического образования на Дальнем Востоке России. 30-е годы 117

Марьясова Н.В. Организационные основы концессионной политики на Дальнем Востоке в 20-е годы 121

Панфилова С.С. Экономическое положение корейских хозяйств в Уссурийском крае в первые годы Советской власти 125

Проскурина Л.И. Репрессии против дальневосточного крестьянства в период завершения массовой коллективизации крестьянских хозяйств (1932 - 1934 гг.) 127

Романовский В.К. Проблемы НЭПа в новейших публикациях 131

Оленев Е.В. Из истории горнопромышленного комбината "Сихали" (1932 - 1940 гг.) 135

Сергеев О.И. Фашизм и казачество. (Из истории российской эмиграции в Китае) 137

Слабинина Л.А. Влияние общественных фондов потребления на уровень жизни рабочих Приморского края в послевоенный период 1946 - 1960 гг. 141

Ткачёва Г.Н. Колонизация Дальневосточного края в 20-30-е годы 144

Трифонова Г.А. Ликвидация неграмотности и малограмотности в рыбной промышленности Дальнего Востока в 20 - 40-е годы 147

Шудепова И.С. Фонд Дмитрия Ивановича Ивлева в Приморском государственном музее им. В.К.Арсеньева 152

П. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Кузьмина И.Е. Дифференциация понятия демократия в афинском обществе в 30 - 20-х гг. IУ в. до н.э. 156

Пиков Г.Г. Место и роль города в кочевой империи (На примере государства Ляо) 158

Пиков Г.Г. Беда Достопочтенный об арабах и исламе 162

Кожевников В.А. О дуализме государственной власти у хазар 165

Егоров А.А. Монтень и Франция XУI века 168

Пархимович В.Л. Русские невесты для Нассауского дома 171

Чернавская В.Н. О периодизации истории Русской Америки, разработанной канадскими исследователями Джеймсом Р.Гибсоном 175

Курбатов Ю.И. Фридрих Смит - историк польского восстания 1830 - 1831 гг. 177

Киселёва О.А. Завершение гражданской войны (1861 - 1865 гг.) и внешняя политика США 180

Лихарев Д.В. Реформа подготовки и обучения морских офицеров Британского флота 1902 г.: социальный аспект 183

Романов В.В. О характере концепций европейской политики США в 1913 - 1914 гг. 188

Лихарев Д.В., Вахрамеева Т.В. Военно-морские справочники как исторический источник 191

Сарадхан Г.С. Представительства белого движения в США в период Вашингтонской конференции 194

Каневская Г.И. Харбинский политехнический институт 196

Батиг О.М. Концепция "либерального социализма" Д.Коула и строительство социализма в СССР 199

Тихий К.Т. Американские интелектуалы об исправительной системе в первой половине 1930-х гг. 203

Вахрамеева Т.В. Сравнительный анализ американской и английской концепции сдерживания потенциального агрессора (1933 - 1936 гг.) 206

Фельдт А.Е. Американское общество и Советский Союз (1939 - июнь 1941 гг.) 210

Дингблюд В.Т. Ф.Д.Рузвельт и планы дальневосточного урегулирования в 1945 г. 213

Гарбузов В.Т. Деловой мир США и его влияние на развитие антивоенного движения в 80-е годы 217

Михайлина Л.В. К вопросу о концептуальных основах политики США в Центральной Америке (80 годы XX в.) 221

Вигандт Н.А. Семейное право в странах Арабского Востока 223

Лынша В.А. К переоценке итогов давней дискуссии (об азиатском способе производства) 226

Леонова А.А. Философские основания исторической реконструкции 230

Генкин А.Л. Американо-германское совместное предпринимательство в 70 - 80-е гг. XIX в. (из истории взаимоотношений США и Германии) 233

Ш. АРХЕОЛОГИЯ

Артемьев А.Р. Буддийский храм XУ в. в низовьях Амура 238

Васильев С.А. Технологический анализ позднепалеолитических индустрий верхнего Енисея 240

Васильев Ю.М., Васильева Т.А. Раскопки мусорной ямы на Шукинском поселении 242

Гладышев С.А. Особенности расщепления сырья на новых памятниках каменного века юго-восточного Приморья.....245

Костенко А.В. Проблема "галечной индустрии" в позднем палеолите Сибири 248

Кузнецов А.М. Некоторые проблемы анализа и интерпритации источников в палеолитоведении 250

Кузьмин Я.В., Черник А.В. Палеография и хронология древних поселений раннего железного века и средневековья долины р.Буреи (Дальний Восток России) 253

Данибалов Б.Б. О датировке керамики с растительным орнаментом 255

Лисицын Н.Ф. К вопросу о возрасте стоянки Малая Сыя в Хакассии 257

Табарев А.В. О новых находках каменных артефактов у с.Богородское на Нижнем Амуре 261

Шевкомуд И.Я. О Ранневознесеновских комплексах неолита Нижнего Амура 263

Абидуев Р.Н. К значению этнонима "хури" (хор?) 266

Артемьев А.Р. Исследования промысловых зимовий в Киренго-Ленском междуречье 268

Дугаров Р.Н. Первочеловек и лебеди в легендах о сотворении Земли ... .269

Кобко В.В., Крупянко А.А. Предметы вооружения у чукчей (из фондов музея) 271

Отаина Г.А. Выражение отрицательных значений в диалектах нивхского языка 273

Примак П.В. Проблема механизмов и классификация магических обрядов в зарубежной и отечественной этнографии 277

Раднаев Р.Д. "Собака". Табу, или инвектива 280

Прокопенко В.И. Исторические фольклорные сведения о традициях физического воспитания народов Севера 281

Подписано в печать I марта 1994 г. Формат 60 x 84/16.
Объем 17,0 п.л. Тираж 300 экз. Тип. №3. Зак. 2203